

ISSN 0042-8779

ИВН

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

2

2018

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

2/2018 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 3

СТАТЬИ

И.Г. Жиряков, Н.И. Смоленский — План Маршалла в освещении зарубежных средств массовой информации и современные оценки 4

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Е.А. Суслопарова — Маргарет Бондфилд 14

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

З.Р. Сабирова — Социально-бытовое обслуживание рабочих и служащих предприятий Башкирии во второй половине XX в. 34

СООБЩЕНИЯ

А.Б. Храпцов — Органы местного самоуправления в городах Сибири в марте — октябре 1917 г. 41

В.Н. Кузнецов — Поволжский областной комитет партии социалистов-революционеров и его крах 54

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

А.А. Калинин — К вопросу о «вмешательстве» СССР в парламентские выборы в Греции 1958 г. 72

Выходит
с 1926 года

ООО
ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
Москва

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- Н.Х. Орлова** — Риторика в духе «воинственного» обличения в академической полемике 20-х—30-х гг. XX в. 83

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- Ф.Г. Сафин, А.И. Халиулина** — Формирование языковой политики в сфере школьного образования в Башкирии в 1920—1930-е гг. 91
- Н.П. Москаленко** — Тувинская Народная Республика как фактор формирования новой тувинской идентичности 99
- М.М. Амирханова** — Борьба с детской беспризорностью в Дагестане в 1920-х гг. 108
- Г.В. Кретинин** — Военная карьера Ивана Абрамовича Ганнибала 115
- М.-П.Б. Абдусаламов, Д.С. Кидирниязов** — Дагестан в стратегических планах Российской империи, Ирана и Турции в 1735—1740 гг. 122
- А.Г. Кондратьев** — Португальский национал-синдикализм в борьбе за власть 132
- А.Б. Алекперов** — Роль Азербайджана в становлении и развитии нефтяной промышленности Казахстана 140

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- А.Р. Багирова** — Деятельность шиитских улемов в Ираке в годы первой мировой войны 146

ИСТОРИОГРАФИЯ

- С.В. Серебренников** — А.Л. Кузьминых. Военный плен и интернированные в СССР (1939—1956 годы). Монография 155
- Э.М. Аббасов** — Гюнтер Леви. Армянский вопрос в османской империи: мифы и реальность 159
- А.М. Ермаков** — Р.В. Долгилевич. Советская дипломатия и Западный Берлин (1965—1969 гг.) 165
- М.М. Сиротинская** — Т.В. Алентьева. Роль общественного мнения в «джексоновскую эпоху» в США 170

От редакции

ИСКЕНДЕРОВ АХМЕД АХМЕДОВИЧ (1927—2017)

Редакция журнала «Вопросы истории» с глубоким прискорбием извещает о кончине Генерального директора и Главного редактора
Ахмеда Ахмедовича Искендерова.

А.А. Искендеров родился 23 ноября 1927 г. в г. Баку Азербайджанской ССР. После окончания средней общеобразовательной школы № 8 поступил в Бакинский архитектурный техникум, а в 1944 г. перевелся в только что созданное Военно-морское подготовительное училище. Был награжден медалью «За победу над Германией».

В июле 1945 г. А.А. Искендеров поступил в Военный институт иностранных языков в Москве, после окончания которого работал в нем по распределению. С 1953 г. учился в аспирантуре Института востоковедения Академии Наук СССР. Одновременно получил второе высшее образование на философском факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. В 1958 г. защитил диссертацию по истории Японии на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности «Всеобщая история».

С 1958 по 1965 г. Ахмед Ахмедович работал в журнале «Проблемы мира и социализма» (Прага, Чехословакия) сначала в должности редактора-консультанта, а затем заведующего отделом. Вернувшись в Москву, работал в отделе информации при ЦК КПСС, а в 1968 г. получил назначение на должность заместителя директора Института международного рабочего движения. В 1969 г. защитил докторскую диссертацию, а в 1970 г. был утвержден в звании профессора. С начала 1970-х гг. А.А. Искендеров работал в Институте всеобщей истории АН СССР в должности заместителя директора. В 1978 г. он был удостоен звания «Заслуженный деятель науки РСФСР». Одновременно, в 1972—1997 гг. заведовал кафедрой всеобщей истории историко-филологического факультета Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы. В 1979 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР. В 1987 г. награжден орденом «Знак Почета».

В 1988 г. А.А. Искендеров возглавил журнал «Вопросы истории» и в кратчайшие сроки превратил его в ведущее отечественное историческое издание. При его активном участии журнал стал разрабатывать самые острые и актуальные вопросы отечественной и всемирной истории, откликаться на современные проблемы общественно-политической жизни. На его страницах публиковались известные авторы из России, республик бывшего Советского Союза и государств дальнего зарубежья.

Работа в журнале на многие годы стала для Ахмеда Ахмедовича главным делом его жизни. Он отдавал ей все свои силы и знания. Его жизнерадостность, активность, целеустремленность заряжали оптимизмом всех, с кем он работал. Коллеги всегда ценили его деловые качества и умение достигать поставленных целей, а друзья и родственники — доброту, заботу и бескорыстность.

Коллектив редакции выражает глубокие соболезнования семье Ахмеда Ахмедовича.

**СВЕТЛАЯ ПАМЯТЬ ОБ АХМЕДЕ АХМЕДОВИЧЕ ИСКЕНДЕРОВЕ
НАВСЕГДА СОХРАНИТСЯ В НАШИХ СЕРДЦАХ.**

План Маршалла в освещении зарубежных средств массовой информации и современные оценки

И.Г. Жиряков, Н.И. Смоленский

Аннотация. В работе анализируется речь госсекретаря США Дж. Маршалла 5 июня 1947 г. с широким привлечением материалов, опубликованных в зарубежных средствах массовой информации, которые являются важным и редко используемым исследователями источником изучения программы США по оказанию экономической помощи послевоенной Европе, названной весной 1948 г. «Планом Маршалла». Авторы приходят к выводу, что реализация этого плана привела к стабилизации социально-политической ситуации в Западной Европе, подрыву советского влияния в Восточной Европе, началу европейской экономической интеграции, а также к резкому усилению политических и экономических позиций США в Европе.

Ключевые слова: госсекретарь США, план Маршалла, Соединенные Штаты Европы, средства массовой информации, европейская экономическая интеграция.

Abstract. The work analyzes the speech of US Secretary of State John Marshall on June 5, 1947, with extensive use of materials published in foreign media, which are important (but rarely used by researchers) source of study of the US economic assistance program for post-war Europe, which in the spring of 1948 transforms into the «Marshall Plan». The authors conclude that the implementation of this plan led to the stabilization of the socio-political situation in Western Europe, to the undermining of Soviet influence in Eastern Europe, to the beginning of European economic integration, and to a sharp increase in the political and economic positions of the United States in Europe.

Key words: US Secretary of State, the Marshall plan, United States of Europe, mass media, european economic integration.

Всякий раз, когда заходит речь о попытках «объединения Европы», об экономической помощи некоторым европейским странам и народам, возникает соблазн апеллировать к опыту истории. И, в первую очередь, вспоминают программу американской помощи послевоен-

Жиряков Иван Георгиевич — доктор исторических наук, профессор Московского государственного областного университета. E-mail: ivan1948@yandex.ru; *Смоленский Николай Иванович* — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой Московского государственного областного университета. E-mail: kaf-nim@mgou.ru.

Zhiryakov Ivan G. — doctor of historical sciences, professor at the Moscow State Regional University. E-mail: ivan1948@yandex.ru; *Smolensky Nikolay I.* — doctor of historical sciences, professor, holder of the chair at the Moscow State Regional University. E-mail: kaf-nim@mgou.ru.

ной Европе, названную весной 1948 г. «Планом Маршалла», 70-летие которого дает повод еще раз обратиться к послевоенным событиям конца 40-х гг. XX века.

Следует напомнить о том, что многолетняя дискуссия в отечественной историографии о плане Маршалла шла, в основном, по двум направлениям. Одно из них берет свое начало еще со времен А.А. Жданова, который заявлял, что «туманные» и «нарочито завуалированные формулировки “плана Маршалла”» состояли в том, чтобы сколотить «блок государств, связанных обязательствами в отношении США, и предоставить американские кредиты как плату за отказ европейских государств от экономической, а затем и от политической самостоятельности»¹.

Оценка этой страницы в истории Европы, связанной и с нашей страной, ожидаемо изменилась в 1990-е годы. Возникло второе направление, сторонники которого вслед за западными коллегами стали рассматривать план Маршалла, как «акт ответственного государственного подхода» тогдашних лидеров США «к нуждам европейских народов», как «спасение Европы», как «инструмент реализации совместных американских и европейских интересов»². Однако сохранилась и точка зрения оппонентов, базирующаяся на традиционном «советском» подходе.

Дискуссия продолжается и, надо заметить, что источниковая база для изучения всех исторических обстоятельств появления плана Маршалла и отношения к нему СССР у исследователей довольно ограниченная. Поэтому обращение к публикациям западных средств массовой информации, содержащим сведения, собранные по «горячим следам» в рассматриваемое время, несомненно, расширяет возможности для объективных заключений и выводов историков.

К сожалению, для отечественного исследователя европейские газеты и иные материалы средств массовой информации 40-х гг. прошедшего века труднодоступны. Но есть возможность работать в российских архивах, где сосредоточены информационные и аналитические материалы Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС), досье которого ведется с 1935 года. ТАСС, являясь центральным информационным и, конечно, пропагандистским органом КПСС, проводило громадную работу по сбору и обработке информации в зарубежных странах. Несмотря на жесткий партийный контроль, агентство выступало (особенно в сообщениях под грифом «секретно») как «внимательный» наблюдатель и обозреватель, стремящийся давать довольно полную и объективную информацию о происходивших событиях в жизни Европы в конце 1940-х годов.

В январе 1947 г. впервые пост государственного секретаря США занял профессиональный военный — генерал Джордж Кетлетт Маршалл. 5 июня 1947 г. он выступил, как известно, в Гарвардском университете по случаю присуждения ему почетной докторской степени. 60 лет спустя «Радио свободы» так будет описывать тот день: «Лето 47-го в голодной, разрушенной войной Европе началось с небывалой жары. Ртуть в термометрах поднималась до отметки 30 градусов Цельсия. И в четверг, 5-го июня никто ни в Мюнхене, где в душном зале бесплодно спорили министр-президенты германских земель всех оккупационных зон, а на вокзале женщины с фотографиями мужей

встречали эшелоны возвращавшихся из французского плена солдат (вдруг кто-то опознает и их без вести пропавших мужей), ни в Турине, где жарким вечером шумно праздновали победу местной футбольной команды над спортклубом Флоренции, ни в Цюрихе, где впервые после войны собрался конгресс ПЕН-клуба, ни даже в Москве, где еще 2 дня назад было жутко для начала июня холодно (всего +6), никто не мог предположить, что этот завершающийся летний день журналисты выпрепно и нелепо окрестят позднее «началом общеевропейской весны»³.

На следующий день после выступления Маршалла американские и европейские средства массовой информации с восторгом будут комментировать эту речь, как смелое инициативное выдвижение идеи о создании программы помощи США европейским странам, в чем, конечно, знающие «кухню» принятия политических и государственных решений сильно сомневались. Невозможно представить, учитывая «американские стандарты», о которых как-то говорил сам Маршалл⁴, чтобы кто-либо из президентской администрации, даже госсекретарь, выдвинул такую важнейшую инициативу, не согласовав ее с главой государства и влиятельными политическими кругами.

По сообщениям американских газет, Маршалл еще до своей гарвардской речи тесно контактировал с комиссией по иностранным делам Сената США, где уже начинали размышлять о «необходимости экономического возрождения Европы»⁵.

На международном симпозиуме в США, посвященном 60-летию плана Маршалла (июнь 2007 г.) была озвучена мысль о том, что госсекретарь еще до своего известного выступления неоднократно обсуждал со своими ближайшими сотрудниками Д. Ачесоном и Г. Кеннаном идею «мировой экономической помощи демократии»⁶.

С большим сомнением можно относиться и к распространенному в западных и отечественных публикациях утверждению о том, что речь Маршалла была полной неожиданностью для Англии и Франции, и о том, в частности, как английский министр иностранных дел Э. Бевин восторгался выступлением госсекретаря и его предложениями, за которые он, по его же словам, «ухватился двумя руками»⁷.

Английская газета «Манчестер гардиан» (здесь и далее названия изданий даны по транскрипции ТАСС) утверждала, ссылаясь на неофициальные источники, что между правительством США и Англии проводился закрытый обмен мнениями относительно возможной программы американской помощи Англии и всей Европе⁸. После выступления госсекретаря английское правительство, как утверждала «Дейли телеграф энд Морнинг пост», усомнилось лишь в том, насколько речь Маршалла «выражает политику правительства США», и поручило своему послу это выяснить⁹. По утверждению английских историков, министр иностранных дел Бевин назвал предложение Маршалла «актом щедрости»¹⁰.

На речь Маршалла в Гарвардском университете дружно откликнулась пресса и другие средства массовой информации западных стран. В центре их внимания оказались несколько тем, связанных с предложением Маршалла, одна из них — «география» оказания американской помощи.

Агентство Рейтер задавалось вопросом: все ли европейские государства — «союзные, нейтральные и бывшие враждебные» — могут участвовать в программе оказания американской помощи и в работе будущей организации, которая, видимо, будет создана? ¹¹ «Дейли телеграф» предполагала, что Маршалл планирует оказать помощь «странам, находящимся вне русской орбиты» ¹². Большинство западных газет вопрошали: будет ли американская помощь распространяться на Советскую Россию?

Ответ на эти вопросы Маршалл дал на пресс-конференции. Он заявил, что, по его мнению, слово «Европа» «означает все страны к западу от Азии», и что американская помощь может распространяться на все без исключения страны, в том числе и на Россию, и на страны Восточной Европы ¹³.

Следующая тема обсуждения в западных средствах информации — значимость для Европы и самих США оказания экономической помощи в деле восстановления экономики, конкретное содержание этой помощи.

Напомним, что в своей речи Маршалл давал краткую характеристику экономического положения в Европе. Действительно, это положение было удручающим. Европейское промышленное производство в 1947 г. составляло 88% от довоенного уровня, сельскохозяйственное — 83%, экспорт — 59%. Эти цифры включали в себя Британию, а также государства, которые не участвовали в войне, — утверждало британское радио Би-би-си, а в остальных странах дело обстояло еще хуже ¹⁴. Одним словом, «большие города лежали в руинах и национальные экономики были опустошены» ¹⁵.

Не надо забывать, что США после второй мировой войны довольно активно помогали населению Европы пережить экономические и финансовые трудности. Английское радио утверждало, что с момента окончания войны «Америка израсходовала колоссальные средства на проведение в жизнь восстановления Европы»; оно называло цифру порядка 17 млрд долларов, которые «потратили США для оказания в различной форме помощи нуждающимся странам» ¹⁶.

Охарактеризовав тяжелую экономическую ситуацию Европы и отметив необходимость крупных закупок европейцами продовольственных и других товаров в Соединенных Штатах, Маршалл выразил готовность правительства США «сделать все возможное, чтобы вернуться к нормальному экономическому положению, без которого не может быть ни политической стабильности, ни прочного мира» ¹⁷.

Агентство «Франц Пресс» отмечало, что «американские предложения сами по себе, как бы они не были неопределенны, кажутся весьма заманчивыми; речь идет не более не менее, как о 15—20 млрд долларов» ¹⁸.

Английское радио также отмечало, что американцы хотят изменить характер помощи, «сделать ее средством для улучшения экономической политики в Европе» ¹⁹. Английские радиожурналисты предполагали, что со временем «... основной упор будет сделан на длительную реконструкцию». Иными словами, считали англичане, американцы «будут поставлять меньше зерна и больше станков и машин» ²⁰.

Выдвигая идею об экономической поддержке, Маршалл предупредил, что правительства, политические партии или группы, которые попытаются использовать в своих политических целях экономическую ситуацию в Европе, будут встречать сопротивление Соединенных Штатов»²¹.

Маршалл подчеркивал, что инициатива в получении помощи должна исходить от Европы. США только предлагали свою помощь в выработке европейской программы реконструкции и в ее осуществлении. Поэтому в речи нет и намек на то, что США будут готовить «некий план помощи для согласования с европейцами»²².

Тем не менее, в откликах зарубежной прессы, в частности, американской, на речь госсекретаря встречались и критические замечания о том, что «Маршалл не дал в своем выступлении развернутого плана мероприятий по восстановлению Европы»²³. Так, французская пресса, поддержав упреки своих коллег в адрес госсекретаря, подчеркивала, что в речи «нет ни плана конкретных действий, ни озвученных условий оказания американской помощи»²⁴.

Отвечая на эту критику, госсекретарь Маршалл на пресс-конференции 12 июня 1947 г. указал, что он «не намерен делать никаких дальнейших заявлений в развитии идей, высказанных ранее, пока европейские страны не ответят на его предложения»²⁵. Такое поведение госсекретаря вполне оправдано: Маршалл делал паузу, ожидая реакцию Европы и СССР. Таким образом он страховал США от обвинений в навязывании своей помощи.

Следующая тема, широко обсуждаемая в средствах массовой информации Запада, — цели и интересы объявленной Соединенными Штатами программы оказания экономической помощи европейским странам. Маршалл в своей речи подчеркивал: «Наша политика направлена не против какой-либо страны или доктрины, но против голода, бедности, отчаяния и хаоса. Ее целью должно являться возрождение работающей в мировом масштабе экономики с тем, чтобы сделать возможным появление политических и социальных условий, в которых могут существовать свободные институты»²⁶.

Некоторые зарубежные средства массовой информации предложения Маршалла об оказании помощи европейским странам оценивали не иначе как акт американской благотворительности и бескорыстности. Другие утверждали, что его речь «является призывом обсудить и осуществить в экономическом плане Соединенные Штаты Европы»²⁷. Такие утверждения основывались не только на тексте речи госсекретаря, но и на известном письме сенатору Ванденбергу, в котором Маршалл поддерживал идею созыва конгресса «о создании Соединенных Штатов Европы»²⁸.

Французская газета «Се матэн» писала, что речь Маршалла «является для старой Европы торжественным приглашением вступить на путь организации и объединения», к чему уже призывали, якобы, «Черчилль и другие политические деятели»²⁹.

Английская «Обсервер» видела в плане Маршалла «курс на экономическое объединение Европы»³⁰. Другая английская газета — «Дейли геральд» — отмечала, что если планы американского правительства направлены на «создание длительного мира», то оно не дол-

жно выдвигать никаких препятствий на пути более тесного сотрудничества между Восточной и Западной Европой»³¹.

Газета английских коммунистов «Дейли уорд» утверждала, что план Маршалла — это угроза нового вмешательства США в европейские дела»³². Напротив, английский журнал «Спектойтор» заявлял, что не может быть и речи о том, что Европа «экономически и политически может оказаться под диктатурой Америки»³³.

Лондонская газета «Таймс» полагала, что план Маршалла увязан с внутренними делами США. В редакционной статье от 23 июня говорилось: «Ни один серьезный призыв Европы не встречал отказа со стороны американского конгресса. Но очевидно, однако, что обширная политическая программа, подобная предложению Маршалла, не может быть изолирована от внутренних дел Америки; внешняя политика является выражением всего гармоничного комплекса национальной политики»³⁴.

Агентство «Франц Пресс» разумно рассуждало, что «для США легче найти финансовую систему, позволяющую сохранить экспорт американских товаров за границу, нежели противостоять резкому снижению спроса, вызванному недостатком платежных средств и влекущим за собой глубокую депрессию и кошмар американцев»³⁵.

Шведская газета «Гэтеборг морган пост» писала, что план Маршалла «является хорошо продуманным экономическим планом — предупредить большой экономический кризис в Америке. Другая цель — экономическая реконструкция Европы; одним мероприятием США достигают два результата»³⁶.

Спустя десятилетия, радио Би-би-си утверждало, что «экономический интерес США заключался в том, чтобы поднять благосостояние европейцев и получить в их лице покупателей своих товаров, а политический — в возрождении европейского среднего класса, предотвращении социальных потрясений и дестабилизации Старого Света в 2012 году»³⁷.

Газета компартии Франции «Юманите» 6 июня 1947 г. дала резко негативную характеристику плану Маршалла, подчеркнув, что в случае его принятия Европа станет «превосходным рынком для американских трестов», и это приведет к тому, что «ни одна европейская страна не сможет распоряжаться своей экономикой»³⁸.

Английская газета «Файнэншл таймс» писала, что «вряд ли придется усиленно убеждать общественное мнение Европы в том, какие вопросы поставлены на карту в связи с планом Маршалла; вопрос почти столь же прост, как выбор между жизнью и смертью». И далее — «утопающий не тратит времени на торг со своими спасителями»³⁹.

За порогом дискуссии проправительственные средства массовой информации пытались оставить такие темы: стабилизация социально-политической ситуации в Западной Европе; включение Западной Германии в западный блок; ликвидация коммунистической угрозы; вывод из-под контроля СССР стран Восточной Европы.

И все же встречались публикации, которые, судя по всему, имели возможность быть более беспристрастными, к примеру, шведские газеты, в которых отмечалось, что план Маршалла, хотя и не выглядит антисоветским, но «в целом стоит в одном ряду с доктриной Трумэна»⁴⁰.

Обозреватель газеты «Нью-Йорк пост» Графтон утверждал в своей публикации, что Советский Союз совершенно неправ, считая, что план Маршалла ничем не отличается от послания Трумэна от 12 марта 1947 г., в котором, по словам корреспондента, содержалось «почти истерическое предложение создать угрозу вокруг России»⁴¹.

Французские коммунисты на страницах своей прессы заявляли, что план Маршалла является не чем иным, как вторым этапом доктрины Трумэна⁴².

Даже ближайший сподвижник Маршалла — Кеннан — хотя и считал, что трудности Европы были связаны не с коммунизмом, а с «голодом, нищетой, отчаянием и хаосом», тем не менее, «борьба с коммунизмом для него и других из окружения Маршалла была веской причиной оказания американской помощи Европе»⁴³.

Сегодня в научных и политических изданиях характеристика целей и интересов США при реализации плана Маршала стала более откровенной и объективной.

На международном симпозиуме в США, посвященном 60-летию плана Маршала, некоторые его участники прямо заявляли, что он «был политическим инструментом в руках американской администрации в контексте холодной войны и обороны Запада»⁴⁴.

Итальянский дипломат, историк и публицист Серджо Романо писал: «Коммунисты, которые провели значительную часть своей жизни в Москве, возвращались на родину, как Тольятти в 1944 г., с инструкциями Сталина; в Америке осознали, что необходимо избежать социальных беспорядков, наподобие тех, что последовали за первой мировой войной, и в 1947 г. был запущен в действие план Маршалла»⁴⁵.

Сегодняшние критики плана Маршалла, находящиеся на левом политическом фланге, справедливо констатируя резкий взлет популярности коммунистических идей в послевоенной Европе, пишут: «Не факт, что Западная Европа стала бы именно коммунистической, однако все шло, как минимум, к ее превращению в нейтральную зону с достаточно высокой поддержкой левых, которая могла бы заблокировать любые претензии Вашингтона на мировое господство. И это США категорически не устраивало. Так и родился “План Маршалла”. К решению поставленной задачи в Штатах подошли творчески — одновременно ликвидируя “коммунистическую угрозу” и создавая новые рынки сбыта для американской продукции»⁴⁶.

Условия оказания американской помощи — также «горячая» тема обсуждения в прессе США и европейских стран. Почти все без исключения средства массовой информации западных стран утверждали (исследователи обстоятельств появления плана Дж. Маршалла придерживаются до сих пор этого утверждения), что в речи госсекретаря нет никаких предварительных условий по оказанию помощи нуждающимся. Это утверждение вошло во все публикации как зарубежных, так и отечественных исследователей.

С этим, однако, невозможно согласиться. В речи Маршалла, действительно, нет никакого прямого упоминания об условиях. Однако присутствуют явные «намеки». Так, целью политики США, по мнению Маршалла, является «возрождение работающей (или рабочей) в

мировом масштабе экономики» — несомненно, здесь речь идет о «рыночной экономике».

Следующие ключевые слова в речи Маршалла — создание «политических и социальных условий, в которых могут существовать свободные институты» — это явный намек на необходимость формирования и функционирования в странах, получавших помощь США, аналогов западных институтов власти.

Наконец, обратимся к закону США «Об экономическом сотрудничестве», принятому Конгрессом 3 апреля 1948 г., — спустя несколько месяцев после описываемых событий. В нем прямо говорилось: целью политики США являлось «восстановление или достижение странами Европы принципов индивидуальной свободы, свободных институтов и подлинной независимости, что, главным образом, зависит от создания прочных экономических условий, стабильных международных экономических отношений и достижения европейскими странами здоровой экономики, независимой от чрезвычайной внешней помощи»⁴⁷.

Позднее историки полнее раскроют многие обстоятельства того, как план Маршалла способствовал реализации стратегических и экономических целей США, в соответствии с которыми европейские страны открывали свой огромный европейский рынок для американских товаров, максимально свертывали сотрудничество с социалистическими государствами, а также изгоняли представителей коммунистических партий со всех значимых руководящих постов.

Таким образом, первоначальные стремления США к сотрудничеству со всеми европейскими странами, включая СССР и государства «народной демократии», на базе «общности экономических интересов в восстановлении своих экономик»⁴⁸ исчезло в силу геополитических и геоэкономических интересов как самих США, так и всего Запада. При этом надо непременно заметить, что в срыве полномасштабного экономического и политического сотрудничества в Европе виновен и СССР со своими политическими союзниками.

Кстати, уже не будучи госсекретарем, Маршалл, посетив Европу в апреле 1951 г., рассказывал корреспондентам, что со времени его последнего европейского турне 1948 г., «там произошли серьезные изменения». Кроме того, он отметил «упорное уменьшение влияния коммунистов»⁴⁹.

США, действительно, многое выиграли от реализации плана Маршалла: это выразилось и в создании единой экономической системы, где США стали играть ведущую роль, и в подрыве советского влияния в Восточной Европе.

Немалые дивиденды получили от реализации идей Маршалла и европейские страны, принявшие помощь от США: произошла стабилизация социально-политической ситуации в Западной Европе, был дан старт европейской экономической интеграции.

Спустя десятилетия после описываемых событий, немецкий историк Вольфганг Кригер, выступая по «Радио свободы», подчеркивал особенность американской помощи после принятия план Маршалла. Он отмечал, что все европейские страны, получавшие эту помощь, «давали обязательства США сотрудничать между собой; отныне экономическая политика западноевропейских стран осуще-

ствлялась в полном соответствии друг с другом, а не как до сих пор — друг против друга»⁵⁰.

Посол США в Организации экономического сотрудничества и развития Констанца А. Морелла утверждала в дни 60-летия плана Маршалла, что благодаря ему «не только стали ближе страны Европы, но Европа и США также стали неразрывно связаны между собой»⁵¹.

Профессор Уолтер Лакер — сотрудник Вашингтонского Института международных и стратегических исследований — говорил о том, что американская помощь предусматривала создание международных институтов. Причем, отмечал он, «в этих институтах должны были участвовать все страны, заинтересованные в американской помощи. Речь шла о создании общеевропейских организаций для координации деятельности отдельных государств»⁵². Эту же мысль подчеркивал и Билл Мейнс, в прошлом — помощник Госсекретаря США: «План Маршалла лег в основу главных европейских институтов — таких как европейское сообщество, Совет Европы и другие»⁵³.

Завершая рассмотрение материалов зарубежных средств массовой информации, в которых освещались различные обстоятельства, связанные с рождением плана Маршалла в июне 1947 г., следует отметить их политическую ангажированность. Причем это проявлялось даже тогда, когда они предоставляли достоверную информацию, довольно убедительно и аргументировано ее анализируя.

Но, тем не менее, изучение материалов этого источника крайне важно для исследователя; критически анализируя, сравнивая, сопоставляя, классифицируя информацию, можно уйти от «идеологизированных» полемических высказываний о плане Маршалла и различных обстоятельствах его рождения.

Большой массив публикаций в зарубежных средствах массовой информации поможет провести детальный анализ и реконструкцию происходивших событий, восстановить более объективную историческую картину послевоенной истории Европы, важнейшей страницей которой был, несомненно, план Маршалла.

Примечания

1. ЖДАНОВ А.А. О международном положении. М. 1947, с. 32.
2. The Marshall Plan Rebuilding Europe. U.S. Department of State. Bureau of International Information Programs. URL: <http://shenyang.usembassy-china.org.cn/uploads/images/5YLDd1gmyNoNIXrVRNwY1A/marshallplan>.
3. Сайт «Радио свободы». М. 3 июня 2007. URL: <https://www.svoboda.org/a/396279.html>.
4. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 495 (Джордж Кетлетт Маршалл), оп. 261, д. 119, ч. II, л. 52.
5. Там же, ч. I, л. 117.
6. The Marshall Plan. Lessons Learned for the 21st Century. OECD 2008//URL//http://www.learneurope.eu/files/8113/7509/5720/Plan_Marshall_Lecciones_aprendidas_s_XXI.pdf, p. 15.
7. РГАСПИ, ф. 495, оп. 261, д. 119, ч. IV, л. 149.
8. Там же, ч. I, л. 134.
9. Там же, л. 134—134об.
10. The Marshall Plan. Lessons Learned for the 21st Century, p. 6.
11. РГАСПИ, ф. 495, оп. 261, д. 119, ч. I, л. 137об.

12. Там же, л. 131—131об.
13. Там же, л. 102, 110.
14. Сайт BBC. Русская служба новостей. М. 11 июля 2012 г. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2012/07/120711_marshall_plan_ussr.
15. The Marshall Plan. Lessons Learned for the 21st Century, p. 5.
16. РГАСПИ, ф. 495, оп. 261, д. 119, ч. I, л. 97.
17. MARSHALL G.C. The Marshall Plan Speech at Harvard University, 5th June 1947. URL: <http://marshallfoundation.org/marshall/the-marshall-plan/marshall-plan-speech>.
18. РГАСПИ, ф. 495, оп. 261, д. 119, ч. I, л. 59.
19. Там же, л. 97.
20. Там же, л. 97об.
21. MARSHALL G.C. Op. cit.
22. Ibidem.
23. РГАСПИ, ф. 495, оп. 261, д. 119, ч. I, л. 113.
24. Там же, л. 59.
25. Там же, л. 110.
26. MARSHALL G.C. Op. cit.
27. РГАСПИ, ф. 495, оп. 261, д. 119, ч. I, л. 129об.
28. Там же, л. 112.
29. Там же, л. 129об.
30. Там же, л. 10.
31. Там же, л. 133.
32. Там же, л. 137.
33. Там же, л. 58.
34. Там же, л. 9.
35. Там же, л. 59об.
36. Там же, л. 1об.
37. Сайт BBC. Русская служба новостей.
38. РГАСПИ, ф. 495, оп. 261, д. 119, ч. I, л. 129.
39. Там же, л. 84.
40. Там же, л. 1.
41. Там же, ч. III, л. 291.
42. Там же, ч. I, л. 1об.
43. The Marshall Plan. Lessons Learned for the 21st Century, p. 15.
44. Ibid., p. 13.
45. ROMANO S. Europa. Storia di un'idea. Dall'Impero all'Unione. — Milano. 2004, p. 169.
46. КНЯЗЕВ С. План маршала: как Америка Европу под себя подмяла. URL: <https://svpressa.ru/post/article/176003>.
47. The Economic Cooperation Act of 1948. URL : http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1700319/1948-04-03b.
48. ЛИПКИН М.А. СССР и первые общеевропейские организации: был ли шанс у Единой Европы? (1945—1947 гг.). — Новый исторический вестник. 2001, № 28, с. 62.
49. РГАСПИ, ф. 495, оп. 261, д. 119, ч. VI, л. 3.
50. Сайт «Радио свободы».
51. The Marshall Plan. Lessons Learned for the 21st Century, p. 6.
52. Сайт «Радио свободы».
53. Там же.

Маргарет Бондфилд

Е.А. Сулопарова

Аннотация. Публикация посвящена первой женщине — члену британского кабинета министров — Маргарет Бондфилд (1873—1953). Автор прослеживает основные этапы биографии М. Бондфилд, формирование ее личности, политическую карьеру, взгляды, рассматривает, как она оценивала важнейшие события в истории лейбористской партии, свидетелем которых была.

Ключевые слова: Великобритания, британское правительство, лейбористская партия.

Abstract. The work deals with the first woman — the member of the British Cabinet Margaret Bondfield. The author traces the main stages of M. Bondfield's biography, formation of her personality, political career, views, considers, how she estimated the most important events in the history of the Labour party, which she witnessed.

Key words: Great Britain, British government, Labour party.

На протяжении десятилетий научная литература пестрит работами, посвященными первой британской женщине премьер-министру М. Тэтчер. Авторы изучают ее характер, привычки, стиль руководства и многое другое. Однако на сегодняшний день мало кто помнит имя женщины, во многом открывшей двери в британскую большую политику для представительниц слабого пола. Лейбористка Маргарет Бондфилд стала первой в истории Великобритании женщиной — членом кабинета министров, а также Тайного Совета еще в 1929 году.

Сама Бондфилд всегда считала себя командным игроком. Взлет ее карьеры неотделим от истории развития и усиления лейбористской партии в послевоенные 1920-е годы. Лейбористы впервые пришли к власти в 1924 г. и традиционно поощряли участие женщин в политической жизни в большей степени, нежели консерваторы и либералы. Несмотря на статус первой женщины-министра Бондфилд не была

Сулопарова Елена Алексеевна — кандидат исторических наук, доцент МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: susloparovaelena@rambler.ru.

Susloparova Elena A. — PhD (candidate), associate professor at the Moscow State University named after M.V. Lomonosov. Email: susloparovaelena@rambler.ru.

обласкана вниманием историков даже у себя на Родине. Практически единственной на сегодняшний день специально посвященной ей книгой остается работа современницы М. Гамильтон, изданная еще в 1924 году ¹.

Тем не менее, Маргарет прожила довольно яркую и насыщенную событиями жизнь. Неоценимым источником для историка являются ее воспоминания, опубликованные в 1948 г., где Бондфилд подробно описывает важнейшие события своей жизни и карьеры. Книга не оставляет у читателя сомнений в том, что автор знала себе цену, была достаточно умна, наблюдательная, обладала сильным характером и умела противостоять обстоятельствам. В отечественной историографии личность Бондфилд пока не удостоивалась пристального изучения. В этой связи в данной работе предполагается проследить основные вехи биографии Маргарет Бондфилд, разобраться, кем же была первая британская женщина-министр, как она оценивала важнейшие события в истории лейбористской партии, свидетелем которых являлась, стало ли ее политическое восхождение случайным стечением обстоятельств или закономерным результатом успешной послевоенной карьеры лейбористской активистки.

Маргарет Бондфилд родилась 17 марта 1873 г. в небогатой многодетной семье недалеко от небольшого городка Чард в графстве Сомерсет. Ее отец, Уильям Бондфилд, работал в текстильной промышленности и со временем дослужился до начальника цеха. К моменту рождения дочери ему было далеко за шестьдесят. Уильям Бондфилд был нонконформистом, радикалом, членом Лиги за отмену Хлебных законов. Он смолоду много читал, увлекался геологией, астрономией, ботаникой, а также одно время преподавал в воскресной церковной школе. Мать, Энн Тейлор, была дочерью священника-конгрегационалиста. До 13 лет Маргарет училась в местной школе, а затем недолгое время, в 1886—1887 гг., работала помощницей учителя в классе для мальчиков. Всего в семье было 11 детей, из которых Маргарет по старшинству была десятой. По ее собственным воспоминаниям, по-настоящему близка она была лишь с тремя из детей ².

В 1887 г. Маргарет Бондфилд начала полностью самостоятельную жизнь. Она переехала в Брайтон и стала работать помощницей продавца. Жизнь в городе была нелегкой. Маргарет регулярно посещала конгрегационалистскую церковь, а также познакомилась с одной из создательниц Женской Либеральной ассоциации — активной сторонницей борьбы за женские права Луизой Мартиндейл, которая, по воспоминаниям Бондфилд, а также по свидетельству М. Гамильтон, оказала на нее огромное влияние. По словам Маргарет, у нее был дар «вытягивать» из человека самое лучшее. Мартиндейл помогла ей «узнать себя», почувствовать себя человеком, способным на независимые суждения и поступки ³. Луиза Мартиндейл приучила Бондфилд к чтению литературы по социальным проблематике и привила ей вкус к политике.

В 1894 г., накопив, как ей казалось, достаточно денег, Маргарет решила перебраться в Лондон, где к тому времени обосновался ее старший брат Фрэнк. После долгих поисков ей с трудом удалось найти уже привычную работу продавца. Первые несколько месяцев в огромном городе в поисках работы она вспоминала как кошмар ⁴. В

Лондоне Бондфилд вступила в так называемый Идеальный клуб, расположенный на Тоттенхэм Корт Роуд, неподалеку от ее магазина. Членами клуба в ту пору были драматург Б. Шоу, супруги фабианцы Сидней и Беатриса Вебб и ряд других интересных личностей. Как вспоминала сама Маргарет, целью клуба было «сломать классовые преграды». Его члены дискутировали, развлекались, танцевали.

В Лондоне Маргарет также вступила в профсоюз продавцов и вскоре была избрана в его районный совет. «Я работала примерно по 65 часов в неделю за 15—25 фунтов в год... я чувствовала, что это правильный поступок», — отмечала она впоследствии ⁵. В результате в 1890-х гг. Бондфилд пришлось сделать своеобразный выбор между церковью и тред-юнионом, поскольку мероприятия для прихожан и профсоюзные собрания проводились в одно и то же время по воскресеньям. Маргарет предпочла посещать последние, однако до конца жизни оставалась человеком верующим.

Впоследствии она подчеркивала, что величайшая разница между английским рабочим движением и аналогичным на континенте состояла в том, что его «островные» основоположники имели глубокие религиозные убеждения. Карл Маркс обладал лишь доктриной, разработанной в Британском музее, отмечала Бондфилд. Британские же социалисты имели за своей спиной вековые традиции. Сложно определить, что ими движет — интересы рабочего движения или религия, писала она о социалистических и профсоюзных функционерах, подобных себе. Ее интересовало, что заставляет таких людей после тяжелой работы, оставаясь без выходных, ехать в Лондон или из Лондона, возвращаться домой лишь в воскресенье вечером, чтобы с утра в понедельник вновь выйти на работу. Неужели просто «желание добиться более короткой продолжительности рабочего дня и увеличения зарплаты для кого-то другого?» На взгляд Бондфилд, именно религиозность лежала в основе подобного самопожертвования ⁶.

Маргарет также вступила в Женский промышленный совет, членами которого были жена будущего первого лейбористского премьер-министра Р. Макдональда Маргарет и ряд других примечательных личностей. Наиболее близка Бондфилд была с активистской Лилиан Гилкрайст Томпсон. В Женском промышленном совете Маргарет занималась исследовательской работой, в частности, проблемой детского труда ⁷.

В 1901 г. умер отец Бондфилд, и проживавший в Лондоне ее брат Фрэнк был вынужден вернуться в Чард, чтобы поддержать мать. В августе того же года в возрасте 24 лет скончалась самая близкая из сестер — Кэти. Еще один брат, Эрнст, с которым Маргарет дружила в детстве, умер в 1902 г. от пневмонии. После потери близких делом жизни Маргарет стало профсоюзное движение. Никакие любовные истории не нарушали ее спокойствие. «У меня не было времени ни на замужество, ни на материнство, лишь настойчивое желание служить моему профсоюзу», — писала она ⁸. В 1898 г. Бондфилд стала помощником секретаря профсоюза продавцов, а в дальнейшем, до 1908 г., занимала должность секретаря.

В этот период Маргарет познакомилась с активистами образованной еще в 1884 г. Социал-демократической федерации (СДФ), возглавляемой Г. Гайндманом. Она вспоминала, что в первые годы проф-

союзной деятельности ей приходилось выступать на митингах со многими членами СДФ, но ей не нравился тот акцент, который ее представители ставили на необходимости «кровавой классовой войны»⁹. Гораздо ближе Бондфилд были взгляды другой известной социалистической организации тех лет — Фабианского общества, пропагандировавшего необходимость мирного и медленного перехода к социализму. Маргарет с интересом читала фабианские трактаты, а также вступила в «предвестницу» лейбористской партии — Независимую рабочую партию (НРП), созданную в Брэдфорде в 1893 году.

На рубеже XIX—XX вв.

Бондфилд приняла участие в организованной НРП кампании «Война против бедности» и познакомилась со многими ее известными активистами и руководителями — К. Гради, Б. Глазье, Дж. Лэнсбери, Р. Макдональдом. Впоследствии Маргарет подчеркивала, что членство в НРП очень существенно расширило ее кругозор. Она также была представлена известному английскому писателю У. Моррису. По свидетельству современницы и биографа Бондфилд М. Гамильтон, в эти годы ее героиня также довольно много писала под псевдонимом Грейс Дэе для издания «Продавец».

В своей работе Гамильтон обращала внимание на исключительные ораторские способности, присущие Маргарет смолоду. На взгляд Гамильтон, Бондфилд обладала актерским магнетизмом и невероятным умением устанавливать контакт с аудиторией. «Горящая душа, сокрытая в этой женщине с блестящими глазами, — отмечала Гамильтон, — вызывает ответный отклик у всех людей, с кем ей приходится общаться»¹⁰. Сама Бондфильд в этой связи писала: «Меня часто спрашивают, как я овладела искусством публичного выступления. Я им не овладевала». Маргарет признавалась, что после своей первой публичной речи толком не помнила, что сказала¹¹. Однако с началом профсоюзной карьеры ей приходилось выступать довольно много. Страх перед трибуной прошел. Бондфилд обладала хорошим зычным голосом, смолоду была уверена в себе. По всей вероятности, эти качества и сделали ее одной из лучших женщин-ораторов своего поколения. Впрочем, современники признавали, что ей больше удавались воодушевляющие короткие речи, нежели длинные.

В 1899 г. Маргарет впервые оказалась делегатом ежегодного съезда Британского конгресса тред-юнионов (БКТ). Она была единственной женщиной, присутствовавшей на профсоюзном собрании, принявшим судьбоносную для британской политической истории резо-

люцию, приведшую вскоре к созданию Комитета рабочего представительства для защиты интересов рабочих в парламенте. В 1906 г. он был переименован в лейбористскую партию. На съезде БКТ 1899 г. Бондфилд впервые довелось выступить перед столь представительной аудиторией. Издание «Морнинг Лидер» писало по этому поводу: «Это была поразительная картина, юная девушка, стоящая и читающая лекцию 300 или более мужчинам... вначале конгресс слушал равнодушно, но вскоре осознал, что единственная леди делегат является оратором неожиданной силы и смелости»¹².

С 1902 г. на два последующих десятилетия ближайшей подругой Бондфилд стала профсоюзная активистка Мэри Макартур. По словам биографа Гамильтон, это был «роман ее жизни». С 1903 г. Мэри переехала в Лондон и стала секретарем Женской профсоюзной лиги, основанной еще в 1874 г. с целью популяризации профсоюзного движения среди представительниц слабого пола. Впоследствии, в 1920 г., лига была превращена в женское отделение БКТ. Бондфилд долгие годы представляла в этой Лиге свой профсоюз продавцов. В 1906 г. Мэри Макартур также основала Национальную федерацию женщин-работниц. Последняя в дальнейшем эволюционировала в женскую секцию крупнейшего в Великобритании профсоюза неквалифицированных и муниципальных рабочих, с которым будет связана и судьба Маргарет.

В своих мемуарах Бондфилд писала, что впервые оказалась на континенте в 1904 году. Наряду с Макартур и женой Рамсея Макдональда она была приглашена на международный женский конгресс в Берлине. Маргарет не осталась безучастна к важнейшим событиям, будоражившим ее страну в конце XIX — начале XX века. Она занимала прробурскую сторону в годы англо-бурской войны. Бондфилд приветствовала известный «Доклад меньшинства», подготовленный, главным образом, Беатрисой Вебб по итогам работы королевской комиссии, целью которой было усовершенствование законодательства о бедных¹³. «Доклад» предлагал полную отмену Работных домов, учреждение вместо этого специального государственного департамента с целью защиты интересов безработных и ряд других мер.

Маргарет была вовлечена в суфражистское движение, являясь членом, а затем и председателем одного из суфражистских обществ. С точки зрения Гамильтон, убеждение в полном равенстве мужчин и женщин шло у Бондфилд из детства, поскольку ее мать подчеркнуто одинаково относилась как к дочерям, так и к сыновьям¹⁴. Позиция Маргарет была специфической. Сама она писала, что выступала, в отличие от некоторых современников, против ограниченного распространения избирательного права на женщин на основе имущественного ценза. На ее взгляд, это лишь усиливало политическую власть имущих слоев населения. Маргарет же требовала всеобщего избирательного права для мужчин и женщин, а также призывала к борьбе с коррупцией на выборах. Вспоминая тщетные предвоенные попытки добиться расширения избирательного права, Бондфилд справедливо писала о том, что только вклад женщин в победу в первой мировой войне наконец свел на нет аргументы противников реформы¹⁵.

В 1908 г. Маргарет оставила пост секретаря профсоюза продавцов. Ее биограф Гамильтон объясняет этот поступок желанием своей

героини найти себе более широкое применение ¹⁶. В 1910 г. Маргарет впервые посетила США по приглашению знакомой. В ходе поездки ей довелось присутствовать на выступлении Теодора Рузвельта, который, по ее мнению, эффективно сочетал в себе таланты государственного деятеля и способного пропагандиста ¹⁷.

Маргарет много ездила по стране и выступала в качестве оратора-пропагандиста от НРП. Как писала Гамильтон, в эти годы она была среди тех, кто «создавал общественное мнение» ¹⁸. В 1913 г. Маргарет стала членом Национального административного совета этой партии. Она также участвовала в работе Женской профсоюзной лиги и Женской лейбористской лиги, основанной в 1906 г. при участии жены Макдональда. Лига работала в связке с лейбористской партией с целью популяризации ее среди женского электората. В 1910 г. Бондфилд приняла участие в выборах в Совет лондонского графства от Вулвича, но заняла лишь третье место. Она начала активно работать в Женской кооперативной гильдии, созданной еще в 1883 г. и насчитывавшей примерно 32 тыс. человек ¹⁹.

Очень многие представители НРП были убежденными пацифистами. Бондфилд была с ними солидарна. Она отмечала, что разделяла взгляды тех, кто осуждал тайную предвоенную дипломатию министра иностранных дел Э. Грея. Маргарет вспоминала, как восхищалась лидером лейбористской партии Макдональдом, когда он осмелился в ходе известных парламентских дебатов 3 августа 1914 г. выступить в палате общин против Грея ²⁰. Тем не менее, большинство членов лейбористской партии, в отличие от НРП, с началом войны поддержало политику правительства. Это вынудило Макдональда подать в отставку со своего поста.

Вскоре после начала войны Бондфилд согласилась, по просьбе подруги Мэри Макартур, занять пост помощника секретаря Национальной федерации женщин-работниц. В 1916 г. Маргарет, как и большинство представителей НРП, резко протестовала против перехода к всеобщей воинской повинности. В своих мемуарах она отмечала, что отношение к человеческой жизни как к самому дешевому средству решения проблемы стало «величайшим позором» первой мировой войны ²¹.

В 1918 г. в лейбористской партии произошли серьезные перемены, инициированные ее секретарем А. Гендерсоном, к которому Бондфилд всегда испытывала симпатию и уважение. Был принят новый Устав, вводивший индивидуальное членство, позволившее в дальнейшем расширить электорат партии за счет населения за рамками тред-юнионов. Наряду с этим была принята первая в истории программа, включавшая в себя важнейшие социал-демократические принципы. Все это существенно укрепило позицию лейбористской партии и способствовало ее заметному усилению в послевоенное десятилетие. Как вспоминала Маргарет, «мы вступили в военный период сравнительно скромной и небольшой партией идеалистов... Мы вышли из него с организацией, политикой и принципами великой национальной партии» ²². Несмотря на то, что лейбористы проиграли выборы 1918 г., новая партийная машина, запущенная в 1918 г., позволила им добиться заметного успеха в ближайшее десятилетие, а Бондфилд со временем занять кресло министра.

В начале 1919 г. Бондфилд приняла участие в международной конференции в Берне, явившей собой неудавшуюся в конечном счете попытку возродить фактически распавшийся с началом первой мировой войны Второй интернационал. Наряду с Маргарет, со стороны Великобритании в ней участвовали Р. Макдональд, Г. Трейси, Р. Бакстон, Э. Сноуден и ряд других фигур. В том же году Бондфилд была отправлена в качестве делегата БКТ на конференцию Американской федерации труда. Это был ее второй визит в США. В ходе поездки она познакомилась с президентом Американской федерации труда С. Гомперсом.

В первые послевоенные годы одним из острейших в британской политической жизни стал ирландский вопрос. «Пасхальное воскресенье» 1916 г., вооруженное восстание ирландских националистов, подавленное британскими властями, практически перечеркнуло все довоенные попытки премьер-министра Г. Асквита умиротворить Ирландию обещанием предоставить ей самоуправление. «Если мы не откажемся от военного господства в Ирландии, то это чревато катастрофой, — заявила Бондфилд в 1920 г. в одном из публичных выступлений. — Я твердо стою на том, чтобы предоставить большинству ирландского населения возможность иметь то правительство, которое они хотят, в надежде, что они, возможно, пожелают войти в наше союзное государство. Это единственный шанс достичь мира с Ирландией»²³.

Маргарет приветствовала англо-ирландский договор 1921 г., который было вынуждено заключить послевоенное консервативно-либеральное правительство Д. Ллойд Джорджа после провала насильственных попыток подавить национально-освободительное движение. Согласно договору, большая часть Ирландии провозглашалась «Ирландским свободным государством», однако Северная Ирландия (Ольстер) оставалась в составе Соединенного королевства. Бондфилд с печалью отмечала, что политики «опоздали на десять лет» в решении ирландского вопроса²⁴.

В 1920 г. Маргарет стала одной из первых англичанок, посетивших большевистскую Россию в рамках лейбористско-профсоюзной делегации. Членами делегации были также Б. Тернер, Т. Шоу, Р. Уильямс, Э. Сноуден и ряд других активистов²⁵. Целью визита было собрать и донести до британского рабочего движения достоверную информацию о том, что на самом деле происходит в России. В ходе поездки Бондфилд вела подробный дневник, впоследствии опубликованный на страницах ее воспоминаний. Он позволяет судить о том, какое впечатление первое в мире социалистическое государство произвело на автора. Любопытно, что другая женщина — член делегации — Этель Сноуден, жена будущего лейбористского министра финансов, также обнародовала свои впечатления от этого визита, в 1920 г. издав книгу «Сквозь большевистскую Россию»²⁶. Если сравнивать наблюдения двух лейбористок, то Бондфилд увидела Россию в целом в менее мрачных тонах, нежели ее спутница.

Маргарет посетила Петроград, Москву, Рязань, Смоленск и ряд других мест. Она встречалась с Л.Б. Каменевым, С.П. Середой, В.И. Лениным. Последний, по воспоминаниям Бондфилд, был откровенен и даже готов признать, что власть допустила некоторые ошибки,

а западные демократии извлекут урок из этих ошибок ²⁷. Простые люди, встречавшиеся в ходе поездки, показались Маргарет худыми и холодными. Ее поразило, что женщины наравне с мужчинами занимаются тяжелым физическим трудом.

В отличие от Э. Сноуден, Маргарет не склонна была резко критиковать большевистский режим. Она отмечала в дневнике, что неоднократно встречалась с простыми людьми, которые от всего сердца поддерживали перемены. Тем не менее, Бондвилд не скрывала и того, что столкнулась в России с теми, для кого новый режим стал трагедией. По поводу иностранной интервенции Маргарет писала в 1920 г., что, на ее взгляд, она не сможет сломить советских людей, но лишь «заставит их ненавидеть нас» ²⁸.

Более того, впоследствии в своих мемуарах Бондфилд подчеркивала, что делегация не нашла в России ничего, что оправдывало бы политику войны против нее. Активная поддержка представителями лейбористской партии кампании «Руки прочь от России» в целом не была обусловлена желанием основной массы активистов повторить сценарий русской революции. Бондфилд, как и многие ее коллеги по партии, была убеждена в том, что жители России имеют полное право без иностранного вмешательства определять контуры того общества, в котором они намерены жить.

В 1920 г. Маргарет впервые выставила свою кандидатуру на дополнительных выборах в парламент от округа Нортамптон. Борьба закончилась поражением, принесла, тем не менее, Бондфилд ценный опыт предвыборной борьбы. В начале 20-х гг. XX в. лейбористы вели на местах напряженную организационную работу, чтобы перехватить инициативу у расколовшейся еще в 1916 г. либеральной партии. В ходе всеобщих выборов 1922 г., последовавших за распадом консервативно-либеральной коалиции во главе с Ллойд Джорджем, Бондфилд вновь боролась за Нортамптон. Несмотря на второй проигрыш подряд, она справедливо отмечала, что выборы 1922 г. стали вехой в лейбористской истории. Они принесли партии первый в XX в. настоящий успех. Лейбористы заняли второе место, вслед за консерваторами, обойдя наконец обе группировки расколовшейся либеральной партии вместе взятые. Впервые, писала Бондфилд, «мы стали оппозицией Его Величества, что на практике означало альтернативное правительство» ²⁹.

Несмотря на неудачные попытки Маргарет стать парламентарием, ее профсоюзная карьера в послевоенные годы складывалась весьма успешно. В 1921 г. Национальная федерация женщин-работниц слилась с профсоюзом неквалифицированных и муниципальных рабочих, превратившись в его женскую секцию. После смерти своей подруги Макартур Бондфилд стала с 1921 г. на долгие годы секретарем секции. В 1923 г. она оказалась первой женщиной, которой была оказана честь стать председателем БКТ ³⁰.

В конце 1923 г. консервативный премьер-министр С. Болдуин фактически намеренно спровоцировал досрочные выборы с тем, чтобы консерваторы могли осуществить протекционистскую программу реформ, не представленную ими в ходе последней избирательной кампании 1922 года. Лейбористы вышли на эти выборы под флагом защиты свободы торговли. Маргарет вновь была заявлена партийным

кандидатом от Нортамптона. В своем предвыборном обращении она заявляла, что ни свобода торговли, ни протекционизм сами по себе не способны решить проблемы британской экономики. Необходима «реальная свобода торговли», отмена всех налогов на продукты питания и предметы первой необходимости, тяжелым бременем лежащих на рабочих и среднем классе ³¹.

Выборы впервые принесли Бондфилд успех. Она одержала победу как над консервативным, так и над либеральным соперником. «Округ почти сошел с ума от радости», — не без гордости вспоминала Маргарет. Победительницу торжественно провезли по городу в открытом экипаже ³². Наряду с Бондфилд, в парламент были избраны еще две женщины-лейбористки: С. Лоуренс и Д. Джусон ³³. Что касается результатов по стране, то в целом парламент оказался «подвешенным». Ни одна из партий — ни консервативная (248 мест), ни лейбористская (191 мест), ни впервые объединившаяся после войны в защиту свободы торговли либеральная (158 мест) — не получила абсолютного парламентского большинства ³⁴.

Формирование правительства могло быть предложено лидеру либералов Г. Асквиту, но он не желал зависеть от благосклонности соперников. В результате с согласия Асквита, изъявившего готовность поддержать в парламенте стоящих на стороне фри-треда лейбористов, в январе 1924 г. было создано первое в истории Великобритании лейбористское правительство во главе с Р. Макдональдом.

В действительности это был трагический рубеж в истории либеральной партии, которой больше никогда в XX в. не представится даже отдаленный шанс сформировать собственное правительство, и судьбоносный в истории лейбористов. Бондфилд, вспоминая события того времени, полагала, что решением 1924 г. Асквит фактически «разрушил свою партию». Вопрос спорный, поскольку в трагической судьбе либералов свою роль, несомненно, сыграл и другой известный либеральный политик — Д. Ллойд Джордж. Именно он согласился в 1916 г. стать премьер-министром взамен Асквита и тем самым способствовал расколу либеральных рядов в годы первой мировой войны на две группировки (свою и асквитанцев). Тем не менее, на взгляд Бондфилд, Асквит в своем решении 1924 г. руководствовался не только интересами свободы торговли, но и личными мотивами. Он желал, пишет она, отомстить людям, «вытолкнувшим» его из премьерского кресла в 1916 году ³⁵.

В рядах лейбористов были определенные колебания относительно того, стоит ли формировать правительство меньшинства, не имея надежной опоры в парламенте. На митинге 13 января 1924 г., проходившем незадолго до объявления вотума недоверия консерваторам и создания лейбористского кабинета, Бондфилд говорила о том, что за возможность прийти к власти «необходимо хвататься обеими руками» ³⁶. Эту позицию полностью разделяло и руководство лейбористской партии. В итоге 22 января 1924 г. Макдональд занял пост премьер-министра. В ходе дебатов по вопросу о доверии кабинету Болдуина Маргарет произнесла свою первую речь в парламенте. Ее внимание было, главным образом, обращено к проблеме безработицы, а также фабричной инспекции ³⁷. Спустя годы, в своих воспоминаниях Бондфилд не без гордости отмечала, что представители прессы охарактери-

зовали эту речь как «первое интеллектуальное выступление женщины в палате общин, которое когда-либо доводилось слышать»³⁸.

С приходом лейбористов к власти Маргарет было предложено занять должность парламентского секретаря Министерства труда, которое в 1924 г. возглавил Т. Шоу. Как отмечала Бондфилд, новость ее одновременно опечалила и обрадовала. В связи с назначением она была вынуждена оставить почетный пост председателя БКТ. Рассказывая о событиях 1924 г., Бондфилд не смогла в своих мемуарах удержаться от комментариев относительно неопытности первого лейбористского кабинета. Она писала об огромном наплыве информации и деталей, что практически не позволяло ей вникнуть в работу других связанных с Министерством труда департаментов. «Мы были новой командой, — вспоминала она, — большинству из нас предстояло постигнуть особенности функционирования палаты общин в равной степени, как и овладеть навыками министерской работы, справиться с огромным количеством бумаг...»³⁹

К тому же работу первого лейбористского кабинета осложняло отсутствие за спиной парламентского большинства в палате общин. При продвижении законопроектов министрам приходилось оглядываться на оппозицию, строго следившую за тем, чтобы правительство не вышло из-под контроля. Комментируя эту ситуацию спустя более двух десятилетий, в конце 1940-х гг., Бондфилд по-прежнему удивлялась тому, что правительство не допустило серьезных промахов и в целом показало себя вполне достойной командой.

Кабинет Макдональда в самом деле продемонстрировал британцам, что лейбористы способны управлять страной. Отсутствие серьезных внутренних реформ (самой заметной стала жилищная программа Уитли — предоставление рабочим дешевого жилья в аренду) с лихвой компенсировалось яркими внешнеполитическими шагами. Первое лейбористское правительство признало СССР, подписало с ним общий и торговый договоры, способствовало принятию репарационного плана Дауэса на Лондонской международной конференции, позволившего в пик Франции реализовать концепцию «не слишком слабой Германии». Партия у власти активно отстаивала идею арбитража и сотрудничества на международной арене.

В должности парламентского секретаря Министерства труда Бондфилд отправилась в сентябре 1924 г. в Канаду с целью изучить возможность расширения семейной миграции в этот британский доминион. Пока Маргарет находилась за океаном, события на родине стали приобретать неприятный для лейбористов поворот. В августе 1924 г. был задержан Дж. Кэмпбелл, исполнявший обязанности редактора прокоммунистического издания «Уокерс Уикли». На страницах газеты был опубликован сомнительный, с точки зрения уважаемой Англии, призыв к военнослужащим не выступать с оружием в руках против рабочих во время стачек, напротив, обратить это оружие против угнетателей. Генеральный атторней, однако, приостановил дело Кэмпбелла за недостатком улик. Собравшиеся на осеннюю сессию консерваторы и либералы потребовали назначить следственную комиссию с целью разобраться в правомерности подобных действий. Макдональд расценил это как знак недоверия кабинету. Парламент был распущен, а новые выборы назначены на 29 октября.

Лейбористы вышли на выборы под лозунгом «Мы были в правительстве, но не у власти», требуя абсолютного парламентского большинства. Однако избирательная кампания оказалась омрачена публикацией в прессе за несколько дней до голосования так называемого «письма Зиновьева», являвшегося в то время председателем исполкома Коминтерна. Вероятная фальшивка, «сенсация», по словам «Таймс», содержала в себе указания британским коммунистам, как вести борьбу в пользу ратификации англо-советских договоров, заключенных правительством Макдональда, а также рекомендации относительно вооруженного захвата власти ⁴⁰. По неосмотрительности Макдональда, наряду с премьерством исполнявшего обязанности министра иностранных дел, письмо было опубликовано в прессе вместе с нотой протеста. Это косвенно свидетельствовало о том, что лейбористское правительство признает его подлинность. На этом фоне недавно заключенные с СССР договоры предстали в глазах публики в сомнительном свете. По воспоминаниям одного из современников, репутация Макдональда в этот момент «опустилась ниже нулевой отметки» ⁴¹.

Лейбористы проиграли выборы. К власти вновь вернулось консервативное правительство во главе с Болдуином. Бондфилд возвратилась из Канады слишком поздно, чтобы успешно побороться за свой округ Нортэмптон. Как писала она сама, оппоненты обвиняли ее в том, что она пренебрегла своими обязанностями, «спасаясь за границей». В результате Маргарет оказалась вне стен парламента. Возвращаясь к событиям осени 1924 г. в своих мемуарах, Бондфилд не скрывала впоследствии своего недовольства Макдональдом. Давая задним числом оценку лейбористскому руководителю, Маргарет писала, что он не обладал силой духа, необходимой политическому лидеру его ранга. «При неоспоримых способностях и личном обаянии... он по сути был человеком слабым, — отмечала она, — при всех его внешних добродетелях и декоративных талантах». Его доверчивость и слабость оставались скрыты от посторонних глаз, пока враги этим не воспользовались ⁴².

В мае 1926 г. в Великобритании произошло эпохальное для всего профсоюзного движения событие — всеобщая стачка, руководимая БКТ и закончившаяся поражением рабочих. В течение девяти дней Бондфилд разъезжала по стране, встречалась с профсоюзными активистами, о чем свидетельствует ее дневник 1926 г., вошедший в издание воспоминаний 1948 года. Маргарет отмечала, с одной стороны, преданность, дисциплину бастующих, с другой, некомпетентность работодателей. В то же время она винила в плачевном для рабочих исходе событий руководителей профсоюза шахтеров — Г. Смита и А. Кука. Поддержка бастующих горняков другими рабочими, с точки зрения Маргарет, практически ничего не дала в итоге из-за того, что указанные двое заняли слишком жесткую позицию в ходе переговоров с шахтовладельцами и не желали идти на компромисс ⁴³. Тот факт, что Кук по сути явился бунтарской фигурой, на протяжении 1925—1926 гг. намеренно подогревавшей боевые настроения в шахтерских районах, отмечали и другие современники ⁴⁴. В своих наблюдениях Бондфилд была не одинока.

Летом того же 1926 г. один из лейбористских избирательных округов (Уоллсенд) оказался вакантным, и Бондфилд было предложено выступить там парламентским кандидатом на дополнительных выбо-

рах. Избирательная кампания закончилась ее победой. Это позволило Маргарет, не дожидаясь всеобщих выборов, вернуться в палату общин уже в 1926 году.

Еще в ноябре 1925 г. правительство Болдуина дало поручение лорду Блэнсбургу возглавить комитет, который должен был заняться проблемой усовершенствования системы поддержки безработных. Бондфилд получила приглашение войти в его состав. В январе 1927 г. был обнародован доклад комитета. Документ носил компромиссный характер и в целом не удовлетворил многих рабочих, полагавших, что система предоставления пособий безработным не охватывает всех нуждающихся, а выплачиваемые суммы недостаточны. Тем не менее, Бондфилд подписала доклад наряду с представителями консерваторов и либералов. Таким образом она обеспечила единогласие в рамках всего комитета. Это вызвало волну недовольства. По воспоминаниям самой Маргарет, в лейбористских рядах против нее поднялась настоящая кампания. Многие были возмущены тем, что Бондфилд не подготовила свой собственный «доклад меньшинства». Более того, некоторые недоброжелатели подозревали, что она подписала доклад комитета Блэнсбурга, не читая его. Впрочем, сама героиня этой статьи категорически опровергала данное утверждение ⁴⁵.

Много лет спустя в свое оправдание Маргарет писала, что была солидарна далеко не со всеми предложениями подписанного ею доклада. Однако в целом настаивала на своей правоте, поскольку полагала, что на тот момент доклад был очевидным шагом вперед в плане усовершенствования страхования по безработице ⁴⁶.

На парламентских выборах 1929 г. лейбористская партия одержала самую крупную за все межвоенные годы победу, завоевав 287 парламентских мест. Активная пропагандистская работа в избирательных округах, стремление дистанцироваться от излишне радикальных требований принесли плоды. Лейбористам удалось переманить на свою сторону часть «колеблющегося избирателя». Бондфилд вновь выставила свою кандидатуру от Уоллсенда. Наряду с консервативным соперником в округе, в 1929 г. ей также довелось сразиться с коммунистом. Тем не менее, выборы 1929 г. вновь оказались для Маргарет успешными. Более того, по совету секретаря партии А. Гендерсона, Макдональд предложил ей занять пост министра труда. Это была должность в рамках кабинета, ступень, на которую в британской истории на тот момент не поднималась еще ни одна женщина. В должности министра Бондфилд также вошла в Тайный Совет.

Размышляя, почему выбор в 1929 г. пал именно на нее, Маргарет впоследствии без ложной скромности называла себя вполне достойной кандидатурой, умеющей аргументировано отстаивать свою точку зрения, спонтанно отвечать на вопросы, не боясь противостоять враждебной критике. По иронии судьбы, скандал с докладом Блэнсбурга продемонстрировал широкой публике, как считала сама Бондфилд, ее бойцовские качества и сослужил в итоге хорошую службу. Маргарет писала в воспоминаниях, что в 1929 г. в полной мере осознала значимость момента. Это была «часть великой революции в положении женщин, которая произошла на моих глазах и в которой я приняла непосредственное участие», — отмечала она ⁴⁷. Впоследствии Маргарет не раз спрашивали, волновалась ли она, принимая новое

назначения. Она отвечала отрицательно. В 1929 г. Бондфилд казалось, что ей предстояло заниматься вопросами, хорошо знакомыми по профсоюзной работе.

Большое внимание было приковано к тому, как должна быть одета первая женщина-министр во время представления королю. Маргарет вспоминала, что у нее даже не было времени на обновление гардероба. Из новых вещей были лишь шелковая блузка и перчатки. Из Букингемского дворца поступило указание, что дама должна быть в шляпе. Бондфилд была категорически с этим не согласна и в дальнейшем появлялась на официальных церемониях без головного убора. Она пишет, что в момент представления королю Георгу V, последний, вопреки обычаям, нарушил молчание и произнес: «Приятно, что мне представилась возможность принять у себя первую женщину — члена Тайного Совета»⁴⁸.

Тем не менее, как справедливо отмечала Маргарет, Министерство труда не было синекурой. Главная, стоявшая перед министром задача, заключалась в усовершенствовании страхования по безработице. В ноябре 1929 г. в палате общин состоялось второе чтение законопроекта о страховании по безработице, подготовленного и представленного Бондфилд. Несмотря на возражения оппозиции, Билль прошел второе чтение и в декабре обсуждался в рамках комитета. Он поднимал с 7 до 9 шиллингов размеры пособий для взрослых иждивенцев, а также на несколько шиллингов увеличивал пособия для безработных подростков. Бондфилд также удалось откорректировать ненавистную для безработных формулировку относительно того, что на пособие может претендовать лишь тот, кто «действительно ищет работу»⁴⁹. Отныне власти должны были доказывать в случае отказа в пособии, что претендент «по-настоящему» не искал работу.

Тем не менее в рядах лейбористов закон не вызвал удовлетворения. Еще до представления Билля, в начале ноября 1929 г., совместная делегация БКТ и исполкома лейбористской партии встречалась с Бондфилд и настаивала на более высокой сумме пособий⁵⁰. Пожелания не были учтены. В дальнейшем недовольные участники ежегодной лейбористской конференции 1930 г. приняли резолюцию, призывавшую увеличить суммы пособий безработным, к которой также не прислушались⁵¹.

В целом деятельность второго кабинета Макдональда оказалась существенно осложнена навалившимся на Великобританию мировым экономическим кризисом. Достойная поддержка безработных была слишком дорогим удовольствием для страны, зажатой в тисках финансовых проблем. На фоне недостатка денежных средств на поддержку малоимущих Бондфилд в целом не смогла проявить себя в роли министра труда в 1929—1931 годах. В своих воспоминаниях Маргарет всячески подчеркивает, что на посту министра труда не была способна смягчить проблему безработицы в силу объективных, несколько не зависевших от нее обстоятельств начала 1930-х годов⁵². Отчасти это действительно так. Но напористое желание возложить ответственность на других и отстраниться от возможных обвинений достаточно ярко характеризует автора мемуаров.

Еще в 1929 г. при правительстве Макдональда был сформирован специальный комитет во главе с профсоюзным функционером Дж.

Томасом для изучения вопросов безработицы и разработки средств борьбы с нею. В комитет вошли канцлер герцогства Ланкастерского О. Мосли, помощник министра по делам Шотландии Т. Джонстон и руководитель ведомства общественных работ, левый лейборист Дж. Лэнсбери. Проект оказался провальным. По признанию современников, в том числе самой Бондфилд, Томас не обладал должным потенциалом для руководства подобным комитетом. Его младший коллега Мосли попытался форсировать события и подготовил специальный Меморандум, представленный в начале 1930 г. на рассмотрение Кабинета министров. Он включал такие предложения, как введение протекционистских тарифов, контроль над банковской политикой и ряд других мер. Они показались неприемлемыми для правительства Макдональда и, прежде всего, Министерства финансов во главе со сторонником ортодоксального экономического курса Ф. Сноуденом. Последующая отставка Мосли и его попытка поднять знамя протеста за рамками правительства в конечном счете ни к чему не привели. Сам же Мосли вскоре связал свою судьбу с фашизмом.

31 июля 1931 г. был обнародован доклад комитета под председательством банкира Дж. Мэя. Комитет должен был исследовать экономическое положение Великобритании и предложить конструктивное решение. Согласно оценкам доклада, страна находилась на грани финансового краха. Бюджетный дефицит на следующий 1932/1933 финансовый год ожидался в размере 120 млн фунтов. Рекомендации комитета состояли в жесточайшей экономии государственных средств. В частности, значительную сумму предполагалось сэкономить за счет снижения пособий по безработице⁵³.

Как вспоминала Бондфилд, с публикацией доклада «вся затруднительная ситуация стала достоянием гласности»⁵⁴. В результате 23 августа 1931 г. во время голосования о возможности сокращения пособий по безработице кабинет Макдональда раскололся фактически надвое. Это означало его невозможность функционировать в прежнем составе и скорейший уход в отставку. Однако на следующий день, 24 августа, Макдональд поддался уговорам короля и остался на посту премьер-министра. Он изъявил готовность возглавить уже не лейбористское, а так называемое «национальное правительство», состоявшее, главным образом, из консерваторов, а также горстки либералов и единичных его сторонников из числа лейбористов. Вскоре этот поступок и намерение Макдональда выйти на досрочные выборы под руку с консерваторами против лейбористской партии были расценены как предательство. В конце сентября 1931 г. Макдональд и его соратники решением исполкома были исключены из лейбористской партии⁵⁵.

События 1931 г. стали драматичной страницей в истории лейбористской партии. Возникает вопрос, как же проголосовала Маргарет на историческом заседании 23 августа? Согласно отчетам прессы, Бондфилд в момент раскола кабинета выступила на стороне Макдональда, то есть за сокращение пособий на 10%⁵⁶. Показательно, что в своих весьма подробных воспоминаниях, где автор периодически приводит подробную информацию даже о том, что подавали к столу, Маргарет странным образом обходит вниманием детали августовского голосования, лишь отмечая, что 24 августа лейбористский кабинет, «все еще преисполненный решимости не сокращать пособия по

безработице, ушел в отставку»⁵⁷. Складывается впечатление, что Бондфилд намеренно не хотела сообщать читателю, что всего лишь накануне она лично не разделяла подобную решимость. В данном случае молчание автора красноречивее ее слов. Маргарет не желала вспоминать не украшавший ее биографию поступок.

Впрочем, приведенный выше эпизод с голосованием нельзя назвать «несмыслемым пятном». Так, например, голосовавший вместе с Бондфилд ее более молодой коллега Г. Моррисон успешно продолжил свое политическое восхождение в 1940-е гг. и добился немалых высот. Однако Маргарет было уже 58 лет. Ее министерская карьера завершилась августовскими событиями 1931 года. В своей автобиографии она подчеркивала, что у нее нет ни малейшего намерения предлагать читателю какие-то «сенсационные откровения» относительно раскола 1931 года⁵⁸.

В лейбористской послевоенной историографии Макдональд был подвергнут резкой критике на страницах целого ряда работ. В адрес бывшего партийного лидера звучали такие эпитеты, как «раб» консерваторов, «рenegат», человек, поставивший задачей в 1931 г. «удержать свой пост любой ценой»⁵⁹. Бондфилд, издавая мемуары в 1948 г., не разделяла такую точку зрения. «Нам не следует..., — писала она, — думать о нем (Макдональде. — *Е.С.*) как ренегате и предателе. Он не отказался ни от чего, во что сам действительно верил, он не изменил своему мнению, он не принял ничьи взгляды, с которыми бы не был согласен». Макдональд никогда не принадлежал к числу профсоюзных функционеров и, с точки зрения Бондфилд, не слишком симпатизировал «промышленному крылу» партии. Его отношения с заметно сместившейся влево на рубеже 1920—1930-х гг. НРП, через которую бывший лидер много лет назад оказался в лейбористских рядах, также были испорчены из-за расхождения во взглядах. «Ничто не препятствовало для его перехода к сотрудничеству с консерваторами», — заключает Бондфилд⁶⁰.

С этим утверждением можно отчасти поспорить. Макдональд до «предательства» был относительно популярен среди лейбористов, и испорченные отношения с НРП, недовольной умеренным характером деятельности первого и второго лейбористских кабинетов, еще не означали потери диалога с партией в целом, с ее менее левыми представителями. Тем не менее, определенная доля истины, в частности относительного того, что Макдональду в начале 1930-х гг. на посту премьера порой легче было найти понимание у представителей правой оппозиции, нежели у бунтарского крыла лейбористов и у тредюнионов, недовольных скудостью социальных реформ, в словах Бонфильд присутствует.

Наблюдая за деятельностью Макдональда в последующие годы, Маргарет отмечала, что он постепенно погружался «в своего рода старческое слабоумие, за которым все наблюдали молча»⁶¹. Сама она не скрывала, что с сожалением покинула министерское кресло в августе 1931 года.

В октябре 1931 г. в Великобритании состоялись парламентские выборы, на которых лейбористская партия выступила против «национального правительства» во главе с Макдональдом. Большинство лейбористских кандидатов оказалось забаллотировано. Из примерно 500

претендентов в парламент прошло лишь 46 человек ⁶². Такого поражения в XX в. лейбористам больше переживать не доводилось. Бондфилд вновь баллотировалась от Уоллсенда и проиграла.

Вспоминая события осени 1931 г., Маргарет отмечала, что избирательная кампания стала для партии, совсем недавно пребывавшей в статусе правительства Его Величества, хорошим уроком. С ее точки зрения, 1931 г. оказался своего рода рубежом в истории лейбористов. Они расстались с Макдональдом, упорно на протяжении своего лидерства двигавшим партию вправо. К руководству пришли новые люди — К. Эттли, С. Криппс, Х. Далтон. Для партии наступил период переосмысления своей политики и раздумий. Бондфилд характеризует Эттли, ставшего лидером лейбористской партии в 1935 г. и находившегося на посту премьер-министра после второй мировой войны, как человека твердого, практичного и даже, на ее взгляд, прозаичного. Как пишет Маргарет, он был полностью лишен как достоинств, так и недостатков Макдональда ⁶³.

После поражения на выборах 1931 г. Бондфилд вновь заняла пост руководителя женской секции профсоюза неквалифицированных и муниципальных рабочих. Все ее время занимали работа, лекции и выступления. В начале 1930-х гг., будучи свободной от парламентской деятельности, Маргарет вновь посетила США. Ей посчастливилось встретиться с президентом Франклином Рузвельтом. Реформы «нового курса» вызвали у Бондфилд живейший интерес. «У Франклина Рузвельта за плечами единоклубная поддержка всей страны, которой редко удостоивается политический лидер. Он поймал волну эмоциональной и духовной революции, которую необходимо осторожно направлять, проявляя в максимальной степени политическую честность...», — писала она ⁶⁴.

Рассуждая о проблемах 1930-х гг. в своих воспоминаниях, Маргарет уделяет значительное внимание фашистской угрозе. С ее точки зрения, до появления фашизма фактически не существовало общественной философии, нацеленной на то, чтобы противостоять социализму. Однако, «как лейбористская партия отвергла коммунизм как доктрину, враждебную демократии, — пишет Бондфилд, — так она отвергла по той же причине и фашизм». Даже в неблагоприятные кризисные годы Маргарет никогда не теряла веры в демократические идеалы. «Демократия, — отмечала она позднее, — сильнее, чем любая другая форма правления, поскольку предоставляет свободу для критики» ⁶⁵. В 1930-е гг. Бондфилд не раз выступала в качестве профсоюзной активистки на антифашистскую тему.

Вновь в качестве кандидата Маргарет приняла участие в парламентских выборах в 1935 году. Но, как и в 1931 г., результат стал для нее неутешительным. Однако, наблюдая изнутри происходившие в эти годы процессы в лейбористских рядах, она отмечала, что партия постепенно возрождалась. «Не было ни малейших причин сомневаться, — писала она, — в том, что со временем мы получим (парламентское. — Е.С.) большинство и вернемся к власти, преисполненные решимости реализовать нашу собственную надлежащую политику. Как скоро? Консервативное правительство несло ветром прямо на камни, оно не было готово ни к миру, ни к войне; у него не было определенной согласованной политики, направленной на национальное воз-

рождение и улучшение; оно стремилось умиротворить неумиротворяемую враждебность нацистов»⁶⁶. С точки зрения Бондфилд, лейбористская партия, находясь в оппозиции, напротив, переживала в эти годы период «переобучения», оттачивая свои программные установки и принципы.

В 1938 г. Маргарет оставила престижный пост в профсоюзе неквалифицированных и муниципальных рабочих. «Есть люди, для которых выход на пенсию звучит как смертный приговор, — писала она в воспоминаниях. — Это был не мой случай». В интервью журналисту в 1938 г. Бондфилд отмечала, что не чувствует своего возраста, полна энергии и планов, а также не намерена думать о полном отстранении от дел. Однако годы напряженной работы, подчеркнула она в ходе беседы, научили ее ценить свободное время, которым она была намерена воспользоваться в большей мере, нежели ранее⁶⁷.

Последующие два года Маргарет много путешествовала. В 1938—1939 гг. она посетила США, Канаду, Мексику. Несмотря на приятные впечатления, встречу со старыми знакомыми и обретение новых, Бондфилд отмечала, что даже через океан чувствовала угрозу войны, исходившую из Европы. В ее дневнике за 1938 г., включенном в книгу мемуаров, уделено внимание Чехословацкому кризису. Еще 16 сентября 1938 г. Маргарет писала о том, что ценой, которую западным демократиям придется заплатить за мир, похоже, станет предательство Чехословакии. После Мюнхенского договора о разделе этой страны, заключенного в конце сентября лидерами Великобритании и Франции с Гитлером, Бондфилд справедливо подчеркивала, что от старого Версальского договора не осталось камня на камне⁶⁸.

Вернувшись из Америки в конце января 1939 г., летом того же года Маргарет направилась к подруге в Женеву. Пакт Молотова-Риббентропа, подписанный в августе 1939 г., вызвал у Бондфилд, по ее собственным словам, «состояние шока». В воспоминаниях Маргарет содержатся комментарии на тему двух мировых войн, свидетельницей которых ей довелось быть, и состояния лейбористской партии к началу каждой из них. Бондфилд писала об огромной разнице между обстановкой 1914 и 1939 годов. Многие по праву считают, отмечала она, что первой мировой войны можно было избежать. Вторая мировая война была из разряда неизбежных. Лейбористская партия в 1939 г., продолжает Маргарет, была неизмеримо сильнее и влиятельнее в сравнении с 1914 годом⁶⁹.

В 1941 г. Бондфилд опубликовала небольшую брошюру «Почему лейбористы сражаются». «Мы последовательно отвергли методы анархистов, синдикалистов и коммунистов в пользу системы парламентской демократии..., — писала она, — мы принимаем вызов диктатуры, которая разрушила родственные нам движения в Германии, Австрии, Чехословакии и Польши, и угрожает подобным в Скандинавских странах в равной степени, как и в нашей собственной»⁷⁰.

В 1941 г. Маргарет вновь отправилась в США с лекциями. Как вспоминала она сама, ее главной задачей было донести до американской аудитории британскую точку зрения. В годы войны и вплоть до 1949 г. Бондфилд являлась председателем так называемой «Женской группы общественного благоденствия»⁷¹. В период военных действий она занималась, главным образом, вопросами санитарных условий жизни детей.

На первых послевоенных выборах 1945 г. Маргарет не стала выдвигать свою кандидатуру. В свое время она дала себе слово не баллотироваться в парламент после 70 лет и сдержала его. Наступают времена, когда силы уже необходимо экономить, писала Маргарет ⁷². Впрочем, она приняла участие в предвыборной кампании, оказывая поддержку другим кандидатам. Последние годы жизни Маргарет были посвящены подготовке мемуаров, вышедших в 1948 году. В 1949 г. она в последний раз посетила США. Маргарет Бондфилд умерла 16 июня 1953 г. в возрасте 80 лет. На похоронах присутствовали все руководители лейбористской партии во главе с К. Эттли.

Судьба Бондфилд стала яркой иллюстрацией изменения статуса женщины в Великобритании в первые десятилетия XX века. «Когда я начинала свою деятельность, — писала Маргарет, — в обществе преваляло мнение, что только мужчины способны добывать хлеб насущный. Женщинам же было положено оставаться дома, присматривать за хозяйством, кормить детей и не иметь более никаких интересов. Должно было вырасти не одно поколение, чтобы взгляды на данный вопрос изменились» ⁷³.

Бондфилд сумела пройти путь от продавца в магазине в парламент, а затем и в правительство благодаря своей энергии, работоспособности, определенной силе воли, такту и организаторским качествам. Всю жизнь она была свободна от домашних обязанностей, связанных с воспитанием детей и заботой о муже. В результате Маргарет имела возможность все свое время посвящать профсоюзной и политической карьере. Размышляя на тему успеха на политическом поприще, она признавалась, что от современного политика требуются такие качества, как сила, быстрота реакции и неограниченный запас «скрытой энергии» ⁷⁴. Безусловно, она ими обладала.

В своей книге Гамильтон вспоминала случившийся однажды разговор с Бондфилд на тему счастья и радости. Счастья добиться непросто, делилась своими размышлениями Маргарет, однако служение и самопожертвование приносят радость. Именно этим и была наполнена ее жизнь. Бондфилд невозможно было представить в плохом настроении, скучающую или в состоянии депрессии, писала ее биограф. Лондонская квартира Маргарет всегда была полна цветов. Своим внешним видом Бондфилд никогда не походила на изысканных английских аристократок и не стремилась к этому. Однако, по мнению Гамильтон, она всегда оставалась «женщиной до кончиков пальцев» ⁷⁵. Ее стиль одежды был весьма скромным и непретенциозным. Собранные в пучок волосы свидетельствовали о нежелании «пускать пыль в глаза» замысловатой и модной прической. Тем не менее, в профсоюзной среде, где безусловно доминировали мужчины, Маргарет держалась уверенно и свободно, ее мнение уважали и ценили.

По свидетельству Гамильтон, Маргарет была практически напрочь лишена таких качеств как рассеянность, склонность волноваться по пустякам. Ей было свойственно чувство юмора, исключительная сообразительность ⁷⁶. Тем не менее, едва ли Бондфилд можно назвать харизматичной фигурой. Ее мемуары свидетельствуют о настойчивом желании показать себя с наилучшей стороны. Однако порой им не хватает некой глубины в анализе происходивших событий, свойственной лучшим образцам этого жанра. При характеристике лейбористс-

кой партии, Маргарет неизменно пишет, что она «становилась сильнее», «извлекала уроки». Тем не менее, более весомый анализ ситуации часто остается за рамками ее работы. Бондфилд обладала высоким, но не выдающимся интеллектом.

По своим взглядам Маргарет была ближе скорее к правому крылу лейбористской партии. Как правило, она не участвовала в кампаниях, организуемых левыми бунтарями в 1920-е — 1930-е гг. с целью радикализации лейбористского партийного курса, на посту министра труда не форсировала смелые социальные реформы. Тем не менее, ее можно охарактеризовать как социалистку, пришедшую в политику не по карьерным соображениям, а по убеждениям. Как писала Бондфилд, социализм, который она проповедовала, это способ направить всю силу общества на поддержку бедных и слабых, которые в ней нуждаются, с тем, чтобы улучшить их уровень жизни. Одновременно, подчеркивала она, социализм — это и стремление поднять стандарты жизни обычных людей ⁷⁷. В отсутствие «государства благоденствия» в первые десятилетия XX в. такие убеждения были востребованы и актуальны. Мемуары героини этой публикации также свидетельствуют, что до конца жизни она в принципе оставалась идеалисткой, верящей в духовные, христианские корни социалистической идеи.

Примечания

1. HAMILTON M.A. Margaret Bondfield. London. 1924.
2. BONDFIELD M. A Life's Work. London. 1948, p. 19.
3. Ibid., p. 26. См. также: HAMILTON M. Op. cit., p. 46.
4. BONDFIELD M. Op. cit., p. 27.
5. Ibid., p. 28.
6. Ibid., p. 352—353.
7. Ibid., p. 30.
8. Ibid., p. 37.
9. Ibid., p. 48.
10. HAMILTON M. Op. cit., p. 16—17.
11. BONDFIELD M. Op. cit., p. 48.
12. Цит. по: HAMILTON M. Op. cit., p. 67.
13. BONDFIELD M. Op. cit., p. 55, 76, 78.
14. HAMILTON M. Op. cit., p. 83.
15. BONDFIELD M. Op. cit., p. 82, 85, 87.
16. HAMILTON M. Op. cit., p. 71.
17. BONDFIELD M. Op. cit., p. 109.
18. HAMILTON M. Op. cit., p. 72.
19. BONDFIELD M. Op. cit., p. 80, 124—137.
20. Ibid., p. 140, 142.
21. Ibid., p. 153.
22. Ibid., p. 161.
23. Ibid., p. 186.
24. Ibid., p. 188.
25. Report of the 20-th Annual Conference of the Labour Party. London. 1920, p. 4.
26. SNOWDEN E. Through Bolshevik Russia. London. 1920.
27. BONDFIELD M. Op. cit., p. 200.
28. Ibid., p. 224. Фрагменты дневника Бондфилд были изданы и в отчете британской рабочей делегации за 1920 год. См.: British Labour Delegation to Russia 1920. Report. London. 1920. Appendix XII. Interview with the Centrosoius — Notes from the Diary

- of Margaret Bondfield; Appendix XIII. Further Notes from the Diary of Margaret Bondfield.
29. BONDFIELD M. Op. cit., p. 245.
 30. Ibidem.
 31. Ibid., p. 249—250.
 32. Ibid., p. 251.
 33. Report of the 24-th Annual Conference of the Labour Party. London. 1924, p. 12.
 34. Ibid., p. 11.
 35. BONDFIELD M. Op. cit., p. 252.
 36. Ibid., p. 254.
 37. Parliamentary Debates. House of Commons. 1924, vol. 169, col. 601—606.
 38. BONDFIELD M. Op. cit., p. 254.
 39. Ibid., p. 255—256.
 40. Times. 27.X.1924.
 41. BROCKWAY F. Towards Tomorrow. An Autobiography. London. 1977, p. 68.
 42. BONDFIELD M. Op. cit., p. 262.
 43. Ibid., p. 268—269.
 44. См., например: CITRINE W. Men and Work: An Autobiography. London. 1964, p. 210; WILLIAMS F. Magnificent Journey. The Rise of Trade Unions. London. 1954, p. 368.
 45. BONDFIELD M. Op. cit., p. 270—272.
 46. Ibid., p. 275.
 47. Ibid., p. 276.
 48. Ibid., p. 278.
 49. The Annual Register. A Review of Public Events at Home and Abroad for the Year 1929. London. 1930, p. 100; См. также представление Бондфилд Билля в парламенте: Parliamentary Debates. House of Commons, v. 232, col. 738—752.
 50. Report of the 30-th Annual Conference of the Labour Party. London. 1930, p. 56—57.
 51. Ibid., p. 225—227.
 52. BONDFIELD M. Op. cit., p. 296—297.
 53. SNOWDEN P. An Autobiography. London. 1934, vol. II, p. 933—934; New Statesman and Nation. 1931, v. II, № 24, p. 160.
 54. BONDFIELD M. Op. cit., p. 304.
 55. Daily Herald. 30.IX.1931.
 56. Ibid. 24, 25.VIII.1931.
 57. BONDFIELD M. Op. cit., p. 304.
 58. Ibid., p. 305.
 59. The British Labour Party. Its History, Growth, Policy and Leaders. Vol. I. London. 1948, p. 175. COLE G.D.H. A History of the Labour Party from 1914. New York. 1969, p. 258.
 60. BONDFIELD M. Op. cit., p. 306.
 61. Ibid., p. 305.
 62. В дополнение к этому несколько депутатов представляли отдельную фракцию НРП, которая в скором времени покинула лейбористские ряды в связи с идейными спорами.
 63. BONDFIELD M. Op. cit., p. 317.
 64. Ibid., p. 323.
 65. Ibid., p. 319—320.
 66. Ibid., p. 334.
 67. Ibid., p. 339—340.
 68. Ibid., p. 340, 343—344.
 69. Ibid., p. 350.
 70. Ibid., p. 351.
 71. Dictionary of Labour Biography. London. 2001, p. 72.
 72. BONDFIELD M. Op. cit., p. 338.
 73. Ibid., p. 329.
 74. Ibid., p. 338.
 75. HAMILTON M. Op. cit., p. 176, 179—180.
 76. Ibid., p. 93, 178.
 77. BONDFIELD M. Op. cit., p. 357.

Социально-бытовое обслуживание рабочих и служащих предприятий Башкирии во второй половине XX в.

З.Р. Сабирова

Аннотация. В работе анализируется развитие социально-бытового обслуживания рабочих и служащих в Башкирии, уровень развития социальной инфраструктуры. Обращение к опыту прошлого позволит решить многие проблемы текучести кадров, отсутствия соответствующей квалификационной и профессиональной подготовки, социального развития рабочих и служащих, а также их семей.

Ключевые слова: быт, образование, семья, дети, рабочие, профессиональные комитеты, кадровая политика, собственные ресурсы.

Abstract. The work analyzes in retrospect the development of social service of workers and employees in the cities and industry of Bashkortostan, as well as some aspects of the current state of this sphere. Appeal to the experience of the past will solve many of the problems of staff turnover, lack of relevant of qualification and professional training, social development of workers and employees and their families.

Key words: everyday life, education, family, children, workers, professional committees, personnel policies, own resources.

В настоящее время в России весьма актуальна проблема активного использования ресурсов государства. В связи с этим назрела необходимость обращения к проблеме социально-экономического развития страны в XX веке. В этом смысле несомненно полезным может стать, в частности, ретроспективный анализ социальной политики СССР во второй половине XX в. на примере Башкирской АССР.

Экономическая ситуация и научно-технический прогресс во второй половине XX в. в СССР требовали научного осмысления достигнутого, его критического анализа с тем, чтобы двигаться дальше. Поэтому социально-экономическая политика советского государства в 1965—1985 гг. имела свою конкретную направленность. Сооружались новые и реконструировались действовавшие предприятия, на-

Сабирова Зухра Рамилевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. E-mail: timerbulat2009@mail.ru.

Sabirova Zuhra R. — candidate of historical sciences, senior researcher at the Institute of History, Language and Literature of Ufa Scientific Center RAS. E-mail: timerbulat2009@mail.ru.

пример, химической промышленности. Особенностью нового строительства, как в стране в целом, так и в Башкирии, являлось его смещение в районы добычи нефти и природного газа, которое вынужденно началось уже в годы Великой Отечественной войны¹. Окончилась прокладка газопровода Средняя Азия — Центр протяженностью 2750 км, в планах стояли продуктопроводы Уренгой — Помары — Ужгород и Бухара — Урал. Общая длина построенных нефте- и газопроводов превысила 35 тыс. км. Всюду внедрялась автоматизация работ. Надвигавшийся кризис 1970-х гг. был отодвинут неожиданным вливанием в экономику страны нефтедолларов. Экспорт советской нефти стал приносить огромный доход в валюте. На эти деньги закупались товары широкого потребления, что создавало иллюзию относительного благополучия.

Характерной чертой индустриального развития 1970-х гг. являлось увеличение масштабов нового строительства. Велось техническое перевооружение действовавших предприятий. Высокими темпами развивались энергетика, химия, электроника, нефте- и газодобывающая, а также атомная промышленность. Осваивались новые марки стали, становились реальностью трубопроводы новых диаметров. Развитие химической промышленности предоставило современные материалы для изготовления труб. Изобретение новых машин повысило грузоподъемность и надежность перевозок, были открыты возможности для их использования в экстремальных природных условиях². Особое внимание уделялось развитию оборонной промышленности. Производство военной техники на машиностроительных предприятиях достигало 60% от всей выпускаемой ими продукции.

В это время положение СССР на международной политической арене было весьма непростым. Для сохранения статуса победителя во второй мировой войне и лидирующих позиций среди стран — членов Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) необходимо было развивать свои внутренние резервы. Это значило мобилизовать все народное хозяйство, природные и людские ресурсы.

В условиях провозглашенного лозунга «Догнать и перегнать Америку!» партийные и государственные структуры нацеливали низовых руководителей на постоянное повышение уровня жизни непосредственно рабочих и служащих предприятий.

Так, в справке Башкирского территориального геологического управления ГК РСФСР (Государственного геологического комитета РСФСР) в Башкирский Обком КПСС, датированной 1965 г., говорилось: «Перед Башкирским территориальным геологическим управлением стоят следующие основные задачи:

1. Производство широких поисково-разведочных работ в рудных районах Башкирии — Учалинском, Абзелиловском, Сибайском, Баймакском, Хайбуллинском — с целью открытия месторождений медно-колчеданных руд, золота, никеля и других полезных ископаемых с обеспечением плана прироста запасов меди и золота.

2. Организация и проведение широких поисково-разведочных работ на месторождения нерудных полезных ископаемых (фосфоритов, стройматериалов, воды и т. п.) с целью обеспечения нерудным сырьем потребностей народного хозяйства Башкирской АССР, в том числе обеспечение прироста запасов фосфоритов и завершение детальной разведки месторождения огнеупорных глин»³.

Для воплощения поставленных задач необходимо было: «Принять меры по окончанию строительства в первом полугодии 1966 года 58-квартирного дома в г. Уфе...

5. Обеспечить подготовку и проведение в сентябре месяце в г. Уфе заседания экспертно-геологического Совета ГК РСФСР по вопросу: «Состояние изученности, методика дальнейших поисково-разведочных работ и оценка прогнозных запасов меди в районах Башкирской АССР».

6. Просить Башкирский обком КПСС:

а) В целях закрепления квалифицированных кадров основных профессий геологической службы возбудить ходатайство перед соответствующими органами о выплате надбавок за выслугу лет и повышения размеров полевого довольствия до 60% для работников геологической службы.

б) Предусматривать ежегодное выделение жилой площади для геологов за счет Уфимского Городского Совета в размере не менее 250—300 кв. м ежегодно, в соответствии с постановлением Совета Министров СССР № 1048 от 2 августа 1962 г.»⁴.

Таким образом, система культурно-социального и жилищно-бытового обслуживания предприятий, складывавшаяся из различного рода мер социальной поддержки (выделение жилплощади, выплата надбавок, строительство ведомственных оздоровительных учреждений и детских садов, развитие системы заочного и вечернего образования, льготы рабочим и служащим предприятий при поступлении в вузы и ссузы) была направлена не только на удовлетворение возникавших у человека потребностей, но и выполняла роль организованного тыла для рабочих и служащих, вкладывавших свои силы и знания в работу на предприятиях народного хозяйства. Это не только закрепляло их на производстве, но и должно было обеспечивать систему народного хозяйства кадрами в каждой конкретной отрасли, что, в свою очередь, делало процесс производства непрерывным: «Детские учреждения, клубы, красные уголки имеются во всех экспедициях, за исключением Сибайской ГРЭ (геолого-разведочной экспедиции. — З.С.), где трудящиеся пользуются услугами культурно-бытовых предприятий, принадлежащих местному Совету.

План строящихся культурно-бытовых учреждений в экспедициях управления за 1-е полугодие 1965 г. выполняется... (клубов, красных уголков, бань, магазинов и складов и т. д.) в объемах, обеспечивающих нормальную потребность предприятий»⁵, — написано в том же документе.

Управляющие предприятиями и профсоюзные комитеты заботились о том, чтобы на заводах, фабриках и даже на выездных работах были организованы места для приема пищи, а еда поступала качественная и свежая⁶. Всегда уделялось внимание возможности повышения образования рабочих и служащих⁷. Причем в центре внимания находилась не только уровень жизни, но и его частные показатели.

Так, группа рабочих цеха № 29 химического завода комбината № 18 объединения «Башнефтехимзаводы» обратилась в ЦК КПСС с письмом о недостатках, имеющих место в цехе. В письме отмечались факты повышенной загазованности, неудовлетворительного медицинского обслуживания, низкого качества спецпитания, спецодежды, пло-

хого обеспечения жильем и детскими учреждениями. Указывалось, что партийные и профсоюзные организации мало внимания уделяют бытовым нуждам работающих ⁸. Реакция была незамедлительной: недостатки проработаны и устранены, питание, обеспечение одеждой и санитарное состояние поставлены «на контроль».

В поле зрения профкомов предприятий находились и дети рабочих и служащих: заслушивались отчеты об успеваемости, обращения директоров школ и детских садов о возникавших проблемах с обеспеченностью учебного заведения транспортом, спортивным инвентарем, проведением ремонтных мероприятий, проводились беседы с учителями о воспитании детей и, что важно, их родителей (родительский недосмотр, пьянство и алкоголизм, рукоприкладство в семье). Отдельно обсуждались проблемы летнего отдыха рабочих, служащих и их детей.

В приказе № 400 министра нефтяной промышленности Н. Байбакова от 11 мая 1954 г. «Об организации летнего отдыха детей нефтяников в пионерских лагерях» было сказано: «В целях оказания помощи в организации летнего отдыха детей нефтяников в пионерских лагерях ПРИКАЗЫВАЮ:

1. ... обеспечить выполнение установленного президиумом ЦК профсоюза плана направления детей нефтяников в пионерские лагеря.

2. Управляющим трестами, начальникам строительных управлений и директорам предприятий:

а) ежегодно производить текущий ремонт и оборудование помещений пионерских лагерей, выделять во временное пользование пионерским лагерям необходимое количество мягкого и жесткого инвентаря, используя при необходимости, средства фонда директора предприятий, а также премиальные суммы по Всесоюзному соцсоревнованию;

б) совместно с профсоюзными организациями рассматривать финансовые сметы на проведение оздоровительных мероприятий и обеспечивать наряду со средствами профорганизаций выделение необходимой дотации из фонда директора, а также премиальных сумм по Всесоюзному соцсоревнованию;

в) обеспечивать пионерские лагеря на весь летний период топливом и технически исправным грузовым автотранспортом с оплатой за счет профорганизаций заработной платы шоферам и стоимости фактического расхода горючего;

г) возложить персональную ответственность за проведение летней оздоровительной кампании среди детей на одного из своих заместителей, которому необходимо своевременно сдавать по акту лагерным комиссиям помещения пионерских лагерей» ⁹.

Однако в таких сферах производства, как легкая, обрабатывающая промышленность и др., не относящихся к военно-промышленному и топливно-энергетическому комплексам, развивались негативные тенденции — «отписки», «подлоги». Так, в газете «Автоприбор» одноименного завода г. Белебея администрация отчиталась о выполнении плана по сдаче в эксплуатацию двух детских садов, построенных силами ремонтно-строительного управления предприятия. Через полгода, в этом же периодическом органе в сатирической форме заводчане изложили реальное положение дел. В одном из детских

садов не была установлена сантехника, не настелены полы, краска с подоконников облезала, побелка со стен осыпалась, подлежали замене и три лопнувшие батареи, не были проведены работы по благоустройству и озеленению территории детсада, не вывезен строительный мусор, территория детсада не оборудована верандами и беседками. Подобные расхождения планов, отчетов и действительности, негативно сказывавшиеся на уровне жизни населения и сводившие меры социальной политики государства «на нет», начали приобретать массовый характер ¹⁰.

В период десятой пятилетки (1976—1980 гг.) была сделана попытка перевести промышленность на путь интенсивного развития. Но экономика по инерции продолжала развиваться в значительной мере на экстенсивной основе, ориентировалась на вовлечение в производство дополнительных трудовых и материальных ресурсов. Темпы внедрения средств механизации и автоматизации не отвечали требованиям времени. Неуклонно снижались темпы роста введения основных фондов. Намеченные планы по внедрению новой техники и росту производительности труда выполнены не были. Более того, наметилось серьезное отставание во всех индустриальных отраслях. Нарастало старение основных производственных фондов, численности тех из них, которые требовали полной реконструкции. В промышленности БАССР в силу ветхости не подлежали восстановлению свыше четырех тысяч цехов и участков. К 1985 г. износ основных фондов составит 52,1%, достигнув в топливной промышленности 65,7%, в том числе в газовой — 97,2, угольной — 63,3, нефтепереработке — 71, нефтедобыче 61,8% и т.д. Приоритетное внимание к отраслям военно-промышленного и топливно-энергетического комплексов усугубляло деформации в структуре промышленности. Директивное управление, недостаточный учет региональных особенностей производства вели к падению экономических показателей индустриального развития ¹¹.

Тем не менее изменения, определяемые индустриальным прогрессом республики, были существенными: рост численности работников, занятых на производствах промышленного типа, повышение их общеобразовательного, профессионально-технического и жизненного уровня. Важными достижениями социальной политики в тот период стало государственное бесплатное либо льготное жилищное строительство, перевод рабочих и служащих на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями и оплачиваемым отпуском в 15 дней. Но они шли бок о бок с такими негативными явлениями, как рост пьянства и алкоголизма, употребления спиртных напитков на производстве, снижением производственной дисциплины, ростом травматизма, преступности, иждивенчества и коррупции ¹². Усилил эти негативные явления к середине 1980-х гг. и остаточный принцип выделения средств на социальные нужды, который вел в том числе и к ослаблению гуманистического потенциала социализма.

Занимая среди 73 областей и республик страны 10-е место по уровню развития промышленности и 3-е — по сельскому хозяйству, БАССР по общему уровню развития социальной сферы была на 57-м месте, по обеспеченности жильем — 52-м, дошкольными учреждени-

ями — 59-м, больницами — 48-м, телефонной связью в городах — 38-м, по объему товарооборота — 70-м, производству товаров на душу населения — 53-м¹³. Как видим, социальное развитие региона не отвечало интенсивности развития промышленности. В свою очередь, отсутствие безработицы, бесплатное образование и здравоохранение, гарантированное пенсионное обеспечение, высокие расходы государства на науку, культуру, спорт требовали крупных бюджетных средств, которые все с большим трудом давала экстенсивная экономика. Возник замкнутый круг. Очевидно, что нарастание кризисных явлений в экономике явилось показателем кризиса в сознании советского человека и советского государства в целом. На региональном уровне это ярко проявилось как раз в промышленности.

Обратим внимание на такой показатель как уровень высшей школы. Развитие системы вечернего и заочного образования для рабочей молодежи, льготы демобилизованным из армии и абитуриентам, имевшим двухлетний трудовой стаж, производственный опыт которых официально рассматривался как критерий политической сознательности и лояльности, открыли дорогу в вузы этой группе молодежи, но негативно сказались на уровне подготовки специалистов и привели к некоторой девальвации высшего образования. В первой половине 1960-х гг. свои планы смогли реализовать 80% всех выпускников школ, желавших поступить в высшие учебные заведения. В последующие годы количество лиц, имевших дипломы о высшем образовании, возросло почти в четыре раза, а количество студентов вузов дневных отделений в СССР с 1960 по 1981 г. увеличилось более чем в два с половиной раза. Официальные данные также показывают выравнивание коэффициента поступления в вузы выходцев из разных социальных групп¹⁴. Принцип: производственный стаж — льготы при поступлении в вуз — карьерный и материальный рост не имел обратного действия. В результате, государство получило армию высокообразованных людей и дефицит высококвалифицированных рабочих.

С развалом СССР рухнула и вся система социально-бытового обслуживания не только работников промышленности, но и всего государства. Отдых стал платным, развалились комплексы ведомственных детских образовательных и оздоровительных учреждений. Предприятия вынуждены были распродать в частные руки дома и базы отдыха, пионерские лагеря, санатории.

Сегодня интеграционные процессы в экономике, от которой зависит внутренняя социально-экономическая политика, формируются под воздействием внутренних и внешних факторов. Однако все вышеизложенное актуализирует необходимость изучения опыта советского государства по стимулированию трудовой и хозяйственной активности населения в каждой определенной сфере, а также развитию системы социальной индексации. Изучение исторического опыта в этой области привнесет свое рациональное зерно и в исследование социальной и социально-экономической политики нашего государства на разных этапах развития.

Примечания

1. Первый секретарь Обкома: М.З. Шакиров. Уфа. 2016, с. 94—98.
2. ЮСУПОВ К.Н., ЯНГИРОВ А.В., ТАЙМАСОВ А.Р. Национальная экономика. Нефтекамск. 2007, с. 50.
3. Там же.
4. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ), ф. 122, оп. 74, д. 287, л. 38.
5. Там же, л. 49.
6. Там же, л. 45.
7. Там же, ф. 1676, оп. 1, д. 229, л. 35.
8. Там же, л. 50—52.
9. Там же, ф. 122, оп. 74, д. 147, л. 12—16.
10. Там же, ф. 4380, оп. 1, д. 17, л. 284—285.
11. МИХАЙЛОВА Н. Задержки, задержки. — Автоприбор. 30.V.1979; ТЕЛЬМАН С. «У семи нянек...» или когда достроят детсад? — Там же. 20.VI.1979.
12. История Башкортостана. 1917—1990-е годы. Т. 2. Уфа. 2005, с. 153.
13. НА РБ, ф. 788, оп. 13, д. 12, л. 20—24.
14. История Башкортостана, т. 2, с. 168.

Органы местного самоуправления в городах Сибири в марте — октябре 1917 г.

А.Б. Храмцов

Аннотация. В работе исследован процесс реформирования органов местного самоуправления в городах Сибири в условиях революции (март — октябрь 1917 г.). Установлено, что в городских центрах сложилось «многовластие»: временные комитеты общественной безопасности, городские думы (народные собрания), Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Не подтверждается «парадигма двоевластия»: во многих городах вместо двоевластия наблюдалось распыление власти, в отдельных центрах удалось избежать общественной поляризации, сохранить приоритеты центрального правительства. Отмечен ряд проблем при проведении местных выборов. Сделан вывод, что социально-политическая нестабильность и систематические изменения в органах местного самоуправления отрицательно сказались на решении насущных вопросов развития городского хозяйства.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, городские думы, гласные, губернский комиссар, Сибирь.

Abstract. Process of reforming of local governments in the cities of Siberia in the conditions of revolution is investigated (March — October, 1917). It is established that in the city centers there was “multiple authority”: interim committees of public safety, City Councils (people’s assemblies), Councils of working, soldier’s and country deputies “the diarchy paradigm” isn’t confirmed: in many cities instead of a diarchy dispersion of the power was observed, in the separate centers it was succeeded to avoid public polarization, to keep priorities of the central government. A number of problems when carrying out local elections is noted. The conclusion is drawn that the socio-political instability and systematic changes in local governments have negatively affected the solution of the vital issues of development of municipal economy.

Key words: local governments, city councils, vowels, provincial commissioner, Siberia.

После февральской революции 1917 г. Временное правительство, выступая за сохранение единообразия всей системы власти и управления в стране, приступило к переустройству действовавших в городах органов самоуправления на новых демократических началах ¹.

Храмцов Александр Борисович — кандидат исторических наук, доцент Тюменского промышленного университета. E-mail: khramtsov_ab@bk.ru.

Khramtsov Alexander B. — candidate of historical sciences, associate professor of the Tyumen Industrial University. E-mail: khramtsov_ab@bk.ru.

Городские власти и общественные организации сибирских городов новости о событиях в Петрограде восприняли как сигнал к усилению своих позиций, к созданию широкой демократической коалиции и многопартийности, что привело к повсеместному учреждению Временных комитетов общественной безопасности, отделений Совета рабочих и солдатских депутатов и других общественных структур. В то же время по-прежнему действовали городские думы с упр-вами. В этой связи интересен процесс формирования наиболее близкого к населению института представительной власти — местного самоуправления. Городские органы самоуправления весной 1917 г. стали площадкой противоборства различных политических сил. Причем данные процессы протекали в городах региона по-разному.

Процесс изучения революционных событий 1917 г. в сибирских городах связан с анализом документов региональных архивов, в которых отражены особенности данных явлений и процессов. В фондах Государственного архива Тюменской области (ГА ТюмО), Государственного архива Томской области (ГА ТомО) и Государственного архива в г. Тобольске сохранились комплексы разнородных документов по истории реформирования органов местного самоуправления в городах Сибири (март — октябрь 1917 г.). Прежде всего, это — архивные фонды самих органов местной власти, различные предписания губернской администрации и полицейских управлений. Однако события 1917 г. в архивных фондах представлены, как правило, отрывочно и неполно, дела незначительны по объему и находятся в ветхом состоянии, что вызвано чехардой в системе управления и, как следствие, неразберихой в местном делопроизводстве. В этой связи пришлось обращаться к материалам других фондов, а также публикациям местных газет. Большинство исследованных документов являются оригиналами и впервые вводятся в научный оборот. Документация органов местного самоуправления (протоколы и журналы) послужила основным источником для написания данной работы.

В многочисленной исторической литературе советского периода проблема переустройства и демократизации органов местного самоуправления в городах Сибири в период с марта по октябрь 1917 г. рассматривалась односторонне — через призму борьбы пролетарско-крестьянских советов различных уровней с мелкобуржуазными «псевдоорганизациями», претендовавшими на то, чтобы представлять власть на местах ².

В 1990-е гг. наблюдалось снижение внимания к данной теме в связи с отрицательным отношением исследователей к самой проблеме революционной смены власти в России в 1917 году. Между тем, именно в марте — октябре 1917 г. в регионах страны сложилась ситуация, способная демократическим путем обеспечить передачу власти в руки законно избранному Учредительному собранию ³.

Историография настоящего времени оперирует большим объемом работ по разнообразным аспектам жизнедеятельности сибирского общества в условиях социального катаклизма 1917 года. В этом контексте можно отметить труды и зарубежных авторов ⁴. Отдельные сюжеты формирования органов местного самоуправления в Сибири затронуты в трудах В.А. Дробченко, Э.И. Черняк и О.В. Чудакова ⁵. В имеющихся работах преобладает фрагментарность, описательность и

представлены в основном крупные города региона — Томск, Барнаул, Новониколаевск, а малые города оказались вне поля исследования ⁶.

Цель данной работы — рассмотреть практику реформирования местного самоуправления в сибирских городах, выявить особенности данного процесса в отдельных поселениях, дать общую оценку деятельности городских народных собраний в данный период. Изучение опыта взаимодействия сил социалистического и демократического толка на местном уровне в институтах городского самоуправления с марта по октябрь 1917 г. представляет интерес и сегодня.

В марте 1917 г. по сибирским городам прокатилась волна политических собраний по вопросу учреждения «власти на местах». Так, в г. Каинске 6 марта состоялось свободное собрание горожан, на котором был избран комитет в числе 20 чел., а также принято решение разоружить полицию и организовать милицию. В Томске 6 марта члены временного комитета по безопасности арестовали начальника жандармского губернского управления Субботина и его помощника Потоцкого. Все дела и переписка жандармерии были сданы под охрану комитету. Во всех полицейских участках города производились обыски, а все найденное оружие сдавалось комитету. Комитет по безопасности, сформированный 5 марта в г. Боготоле из рабочих, служащих, солдат и граждан (22 чел.), постановил организовать милицию и разоружить местных чинов полиции и жандармерии ⁷.

Единообразия в наименовании временных органов управления не было: например, Барнаульский городской комитет общественного порядка; Каинский коалиционный комитет общественной охраны и безопасности; Славгородский районный исполнительный комитет, охватывавший 28 волостей. Параллельно с этим в городах учреждались местные отделения Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, что привело к установлению двоевластия. Весной 1917 г. члены временных комитетов заседали практически ежедневно. После выборов в городские думы комитеты расформировали ⁸.

Гласные местных дум, тем временем, постановили дополнить на демократических началах свой состав, не дожидаясь избрания городских дум по закону от 15 апреля 1917 года ⁹. В Тюмени думский состав пополнили 30 членов продкомитета, избранного на демократических началах ¹⁰. МВД отправило губернским комиссарам телеграмму, в которой отмечалось, что такая мера как демократизация личных составов допустима временно и должна отпасть после проведения новых, всеобщих выборов на единообразных началах.

По новому закону, избирательная система существенно изменялась. Выборы стали всеобщими и равными и впервые проводились по спискам кандидатов от партий и общественных организаций. На территории Тобольской и Томской губерний в городских выборах участвовали представители социал-демократической рабочей партии (меньшевики), партии социалистов-революционеров (эсеры), партии народных социалистов (трудовики), партии народной свободы (кадеты), обществ домовладельцев, приказчиков и др. Большевики, по их утверждению, участвовали в выборах для борьбы с буржуазной политикой в местном самоуправлении и настаивали на передаче власти в руки народа. Меньшевики выступали за сотрудничество со всеми соци-

алистическими партиями в деле полной ликвидации наследия царского режима. Эсеры заявляли о необходимости практической работы в думах и сотрудничестве с другими партиями. Кадеты декларировали свою приверженность принципам правового государства и законности.

Далеко не все города оказались готовы к проведению всеобщих выборов. Для составления избирательных списков в городах была проведена перепись населения. Скажем, Бийская городская дума докладывала о затруднениях технического характера, об отсутствии списков избирателей, особенно женщин, так как «их регистрация вообще не велась»¹¹. В г. Тюмени по итогам состоявшейся переписи 12—14 мая 1917 г. управой был составлен избирательный список. 4 августа 1917 г. в Томске прошла перепись населения для составления списков участников выборов в Учредительное собрание и местную думу. В качестве переписчиков использовались студенты и лица, окончившие средние учебные заведения.

В городах Сибири весной 1917 г. развернулась активная борьба между различными партиями за избирателей. В газетах публиковались программы партий, блоков и обществ, содержавшие идеи по улучшению общественной жизни. Согласно избирательной платформе эсеров, партия защищала интересы трудящихся и выступала за сохранение завоеваний революции, организацию реальной силы для защиты свободы от всякого посягательства, демократизацию городского самоуправления. По их мнению, «огромную роль играет город, как политическая единица, но не меньшую роль играет он, как хозяйственная единица, как центр сплетения всех узлов хозяйственно-экономической жизни целого района или области. Чтобы интересы широких слоев городского населения, интересы, как политические, так и хозяйственные нашли свое выражение и осуществление в деятельности городского собрания, необходимо способствовать развитию народной самостоятельности по правилу: все для народа, все через народ»¹².

В Томске губернский съезд трудовой народно-социалистической партии 15 августа 1917 г. рассматривал следующие вопросы: 1) избрание кандидатов в Учредительное собрание; 2) организация выборов в Учредительное собрание; 3) о дальнейшей работе партии в губернии; 4) об отношении к текущему моменту и политическим партиям; 5) обсуждение некоторых программных вопросов¹³. Большинство делегатов считало, что у партии есть шансы на успех среди еще не определившихся масс населения, не примкнувших ни к одной из политических сил, в особенности, среди крестьянства. Съезд определил два пути работы партии на ближайшее время: активная пропаганда своих идей среди населения путем выступлений в печати; повышение сознательности членов партии, подготовка их к предстоящей деятельности. Были организованы агитационный отдел и технический отдел по изданию газеты «Труд и Земля». Члены партии народной свободы на своих общих собраниях 19 июля и 15 августа 1917 г. сформулировали жалобу к министру внутренних дел по поводу того, что Томское городское народное собрание под разными предлогами откладывало выборы в городскую думу, а губернский комиссар не оказывал на членов народного собрания должного воздействия¹⁴.

Летом 1917 г. в органах городского управления наблюдалась текучесть кадров, а также неразбериха во взимании налогов и сборов,

бюрократизм в делопроизводстве, были нередки разногласия и конфликты среди членов городских собраний, что отрицательно сказывалось на решении насущных проблем местного хозяйства. Газета «Сибирская жизнь» писала о недостатках делопроизводства Томского городского народного собрания. По ее сообщению, «застой» приводил к тому, что даже срочные бумаги после регистрации поступали на исполнение с задержкой в 3—4 дня ¹⁵.

В городском народном собрании Новониколаевска в августе 1917 г. разразился кризис: 9 августа 17 членов фракции социалистов-революционеров заявили о сложении своих полномочий. Гласные мотивировали свой поступок необходимостью подчинения партийной дисциплине в связи с тем, что губернский съезд партии постановил, что те гласные, которые не подчинятся партийной тактике, должны сложить полномочия. Среди ушедших из народного собрания оказались известные общественные деятели: председатель «Закупсбыта» В.Н. Остальцев, председатель Совета крестьянских депутатов А.В. Сазонов, председатель уездной земской управы, уездный комиссар Н.Е. Жернаков, председатель уездной продовольственной управы А.М. Батрак ¹⁶.

Интересно, что единой практики в формировании новых органов самоуправления в Сибири не наблюдалось. В городах Тобольской губернии выборы состоялись в июне — июле, а в городах Томской и Алтайской губерний они растянулись с июля по ноябрь 1917 года. В Барнауле, Бийске, Томске, Мариинске, Новониколаевске, Каинске в апреле были избраны городские народные собрания, которые губернский комиссариат не спешил ликвидировать. В малых поселениях (Камень, Кузнецк, Нарым, Тайга, Татарск, Славгород) городские народные собрания не были избраны. Из Томской губернии с центром в г. Барнауле выделилась Алтайская губерния с уездами (Барнаульский, Бийский, Змеиногорский, Каменский и Славгородский). 22 июля 1917 г. состоялась сессия Алтайского губернского народного собрания по вопросу об исполнительном органе и комиссаре, на которой делегаты решили не совмещать должности председателя губернского исполкома и комиссара ¹⁷. Административное переустройство губерний еще более затянуло реализацию закона от 15 апреля 1917 года.

Выборы в городах Тобольской губернии (июнь — июль 1917 г.) показали политическую апатию большинства населения. В Тюмени на выборы пришли 46% избирателей, в Кургане — 31, в Ишиме — 29,5, в Тюкалинске — 23% ¹⁸. В первых демократических выборах наивысшую поддержку получил «социалистический блок» (меньшевики и эсеры), отстаивавший интересы крестьянства в решении земельного вопроса. В частности, меньшевики и эсеры в Тюмени составили единый список из 38 претендентов; партия народных социалистов выдвинула 15; общество домовладельцев — 29, а партия народной свободы — 22 человека ¹⁹. Таким образом, 104 кандидата претендовали на 47 думских мандатов ²⁰. На тюменских выборах 9 июля 83,3% голосов набрал левый блок (39 мест в думе); 7,4 — общество домовладельцев; 7,4 — партия народной свободы и 1,9% — трудовики ²¹.

В избирательной кампании Кургана приняли участие 5 политических блоков. 2 июля 1917 г. на участки пришло 5150 чел. (около трети от общего числа избирателей). В городской думе 29 мандатов

получил объединенный эсеро-меньшевистский блок, 5 — «Граждане-избиратели 3-го участка», 2 — «Группа торгово-промышленников и домовладельцев» и 1 — «Трудовая группа мещан»²². Для сравнения: в Тобольске социал-демократы «завоевали» 28 из 60 мандатов, а в Таре — 4 из 26²³. Городские думы Тобольской губернии по составу оказались «социалистическими» (за исключением малых городов). Предпринимательский класс по большей части проигнорировал выборы. Впервые в думах не оказалось торговцев, промышленников и банкиров. Зато появились учителя, врачи, общественные деятели, священники и рабочие, которые при царском режиме оставались «за бортом» парламентской работы.

Гласные городских дум в июле 1917 г. собрались на свои первые заседания. Эсеро-меньшевистский блок своих членов «назначил» на главные посты в местных органах власти. Например, председателем Тюменской городской думы избрали меньшевика В.А. Макарова (40 лет, учитель, председатель учительского союза); его заместителем — меньшевика Г.И. Купенского (с 1918 г. — эсер А.А. Любушин), городским головой — меньшевика А.А. Флоринского (40 лет, председатель кооператива «Пчела»). Членами городской управы стали три меньшевика и один эсер²⁴. В Кургане 13 июля кресло градоначальника занял М.К. Сажин (преподаватель законовещения мужской гимназии). В Тобольске 14 июля главой города был избран М.М. Шалабанов (гласный думы с апреля 1917 г., частный поверенный Тобольского окружного суда).

Итоги местных выборов также показали, что радикальные большевики не имели прочной поддержки и влияния в городах региона. Например, в Кургане 9 июня 1917 г. исполком СРСДРП обсуждал телеграмму «О могущем быть приезде Ленина» и единогласно постановил: «Просить Совет рабочих и солдатских депутатов принять все меры к недопущению Ленина и ленинцев в г. Курган, а также не допускать пропаганды ленинцев»²⁵.

Активно участвуя в избирательных кампаниях, ведя широкую агитацию в среде рабочих и военнослужащих, большевики, тем не менее, практически не получили поддержки горожан и сельчан. Любопытно, что крестьяне Рождественской волости единогласно решили: «Все выступления Ленина... признать признаком контрреволюции, а потому просить временное правительство и социал-революционеров, и демократов принять самые решительные меры к устранению анархии и всех тех лиц, которые вносят разложение в укрепление завоеванной свободы». Они также заявили рабочему классу, что не дадут городу ни хлеба, ни мяса, ни топлива до тех пор, пока они не признают единой власти Временного правительства²⁶.

Результаты выборов в городах Томской губернии свидетельствовали также о значительном разочаровании большей части избирателей в выборах, их аполитичности. Причины абсентеизма заключались в общей некультурности и неопытности, отсутствии навыков к организованным массовым акциям, инертности населения («авось без нас обойдется»). В Омске и Барнауле проголосовала лишь $\frac{1}{3}$ избирателей. В Славгороде 23 июля 1917 г. в выборах участвовало лишь 735 из 12 280 избирателей, то есть 6%. Левый блок получил 8 мандатов в местной думе, немецкий союз — 6, крестьянский союз — 3, домовла-

дельцы — 3. Городским головой был избран эсер К.Н. Ромазанов — управляющий отделением Российско-азиатского банка ²⁷.

В Татарске выборы состоялись 15 августа 1917 года. За отсутствием в городе местных отделений политических партий избиратели отдали голоса за 4 списка общественных объединений и отдельных групп: 1) от союза служащих торгово-промышленных, частных, кооперативных и правительственных учреждений; 2) от торгово-промышленного союза и домовладельцев; 3) от союза труда и 4) от городского коалиционного комитета. На выборы пришли 606 из 2600 избирателей, то есть 23%. Более половины гласных новой думы составили представители 2-го списка, и лишь 9 членов от трех других. По составу дума стала больше цензовая, чем «пролетарская», так как 5 гласных были «стародумцами» (служили уполномоченными в городском собрании в 1912—1917 гг.). В число гласных вошли 2 учителя, мировой судья, податной инспектор, священник, 3 приказчика и только один рабочий от союза труда. Уже на первых заседаниях дума раскололась на 2 группы: цензовиков и нецензовиков. Городским головой был избран кандидат от первой группы Маругин. Однако после второго заседания он подал в отставку, что лишь доказывало отсутствие единства и сплоченности в городском управлении ²⁸.

В Барнауле, как губернском центре новообразованной Алтайской губернии, на выборах в городскую думу 24 августа 1917 г. было подано 8 списков кандидатов. Избиратели отдали предпочтение блоку социал-демократов (большевиков и меньшевиков-интернационалистов). Из 61 мандата им досталось 34 (в том числе 18 — большевикам), эсерам — 17, кадетам — 5, домовладельцам — 4, обществу городов-садов — 1. Несмотря на то, что большевики получили больше мест, ведущие посты в местном управлении достались эсеро-меньшевицкому блоку. 24 сентября председателем думы выбрали эсера А.В. Духанина, в члены управы вошли: большевики — В.С. Онучин, И.В. Присягин, эсеры — Н.И. Колосов, К.Д. Урманчев и меньшевик С.А. Тараканов. Должность барнаульской головы 4 сентября занял В.И. Николаев (меньшевик, член исполкома городского народного собрания) ²⁹.

В Мариинске 8 сентября 1917 г. состоялись выборы в городскую думу. Население отнеслось к мероприятию инертно и апатично. У местных социалистов также отмечался спад энергии. В итоге, участие в выборах приняли около 25% избирателей, которые проголосовали за 4 списка: от внепартийцев (17 кандидатов); еврейского общества (8); блока социалистов (29) и рабочих и ремесленников (10). Первые провели 15 кандидатов в думу, вторые и третьи — 8 и четвертые — 2. По составу дума не стала пролетарской. Городским головой был выбран нотариус П.Л. Кошанский (беспартийный, председатель исполкома городского народного собрания) ³⁰.

В Бийске выборы прошли 24 сентября 1917 г. по трем спискам кандидатов от блоков: 1) партии народной свободы и торгово-промышленного союза; 2) социалистических партий; 3) трудовой интеллигенции. Наибольшую поддержку получил 1-й список — 22 места в думе; 2-й список — 17 и 3-й список — 4 места. Городским головой стал А.П. Стрельман (3-й блок, председатель исполкома городского народного собрания) ³¹.

В Томске в сентябре 1917 г. прошли предвыборные собрания местных отделов партий и союзов, которые составили списки кандидатов в думу. В частности, мусульмане города решили идти на выборы самостоятельным списком — в него вошло 12 человек. Социалисты-революционеры выдвинули 103 кандидата, большевики и интернационалисты — 76, партия народной свободы — 57, партия трудовиков — 35. Всего в думу подали 12 списков кандидатов. В выборах 1 октября приняли участие 23 540 из 52 тыс. избирателей³². Большевики получили 34 мандата, эсеры — 24, партия народной свободы — 17, союз домовладельцев — 10, меньшевики — 6, мусульмане — 4, трудовики — 3, союз служащих правительственных и общественных учреждений — 2, еврейская община — 2, союз квартирнанимателей — 1 и союз солдаток — 1. Всего — 103 гласных, в их числе 3 женщины. Для сравнения: дореволюционная цензовая дума состояла из 60 гласных, а городское народное собрание, действовавшее с апреля по октябрь 1917 г. — 98. Большинство в думе составили социалисты — 66, внепартийные — 37 гласных. Председателем городской думы был избран юрист Н.В. Ульянов (эсер), его заместителем — рабочий, литератор Н.Н. Яковлев (большевик). Томским головой стал инженер И.П. Пучков (эсер, помощник начальника Амурской железной дороги)³³.

В Камне (Алтайская губерния) местные выборы прошли 15 октября 1917 г. по 4-м спискам кандидатов от блоков: домовладельцев и крестьян; служащих правительственных и общественных учреждений; социалистических партий; трудовой рабочей партии. Наивысшую поддержку получил блок домовладельцев — 13 из 20 мест в думе, что еще раз указывает на то, что в думах малых городов преобладали беспартийные³⁴.

В Новониколаевске выборы переносились несколько раз. В результате город оказался последним в регионе по формированию городской думы по правилам от 15 апреля 1917 года. На выборах 5 ноября (уже после мятежа большевиков) приняли участие 15 664 из 41 тыс. избирателей (38%). В думу «прошли»: от эсеров — 41; домовладельцев — 14; большевиков — 12; меньшевиков — 8; социалистов-революционеров — оборонцев — 2; республиканцев — 1 человек. Для сравнения: в городском народном собрании эсеры имели 67 мандатов, меньшевики — 7, домовладельцы — 2, большевиков не было. Главой города избрали эсера А.К. Скворцова³⁵.

Таким образом, блок социал-демократов (эсеров и меньшевиков) одержал уверенную победу в крупных городах региона. Что касается малых поселений, то здесь такой поддержки не было. В Каинской городской думе социалисты заняли лишь 6 мест, а домовладельцы — 8, профсоюз торговых служащих — 2, представители еврейской общины — 5³⁶.

Городские управы приступили к разработке инструкций для уездной и городской милиции: специальному Совету под председательством главы города поручалось управление милицией; на одного из членов Совета возлагались милицейские дела в городе, на второго — в уезде; название «полиция» заменялось словом «милиция»; должности исправника и его помощника упразднились; все чины царской полиции подлежали увольнению, но Совет обладал правом вновь принять их на службу; назначались уездный комиссар и начальник го-

родской милиции; участковые приставы переименовывались в участковые начальники и т.д. Милиционеры получали удостоверение личности с фотокарточкой, оружие (револьвер и палка установленного образца); нарукавный знак и фуражку ³⁷.

Тобольская городская дума 18 августа 1917 г. утвердила штаты городской и судебной милиции и расходы на их содержание: начальнику милиции — 2400 руб. в год; милиционерам — от 720 до 900 рублей. Причем означенные оклады признавались не соответствующими «увеличивающейся дороговизне на все предметы первой необходимости» ³⁸. Мариинская городская дума «по бюджетным соображениям» сократила состав милиции на треть: вместо 24 осталось 16 милиционеров.

В условиях социального катаклизма городским властям приходилось реагировать на периодически возникавшие митинги, демонстрации и забастовки трудящихся. В частности, на чрезвычайном собрании думы Тюмени 14 апреля 1917 г. рассматривалось ходатайство служащих электростанции города о повышении им заработной платы. В случае, если их требование не будет выполнено, работники заявляли о прекращении работы. Местный Совет рабочих и солдатских депутатов поддержал трудящихся. Городская дума посчитала, что остановка электростанции (а значит и подачи электроэнергии) нарушила бы весь ход нормальной жизни города, и удовлетворила прошение ее коллектива ³⁹. Аналогичные факты наблюдались и в других городах региона.

К октябрю 1917 г. в городах региона, несмотря на трудности времени, сложилась разветвленная сеть органов местного самоуправления с широким представительством. Городские управы спешили передать дела по местному хозяйству членам исполнительных комиссий, присутствий и постоянных комитетов. Период демократизации во всех сферах жизни отличался широким представительством, что зачастую не способствовало своевременности и согласованности в принятии решений. Тюкалинский уездный комиссар докладывал: «при думе образовано несколько комиссий, которые начинают робко делать первые шаги и за неимением специалистов в той или иной области останавливаются...» ⁴⁰ Тюменская городская дума учредила 8 постоянных комиссий (подготовительные и исполнительные), в состав которых были избраны как гласные думы, так и представители от общественных объединений (партий), в частности, в комиссию по разработке постановлений, обязательных для населения, входили по 3 члена от думы, союза торговцев и от биржевого комитета ⁴¹.

С марта по октябрь 1917 г. общее количество структур управления, обществ, комиссий и ведомств на местном уровне, в состав которых входили члены, представители и попечители от городов, составляло несколько десятков ⁴². Представители от городского управления избирались в жилищную и гарнизонную комиссии; попечительные советы социальных заведений (реального училища, женской гимназии, народных училищ, сиротского заведения, библиотек, больницы, роддома и пр.), комитеты (военно-промышленный, помощи раненым, учетно-ссудный комитет общественного банка), присутствия (по пароходному налогу, по военному налогу, по промыс-

ловому налогу), а также в состав губернского земского собрания ⁴³. Наряду с этим, в крупных городах Сибири действовали разные общественные институты: Бюро профессиональных союзов; биржевые комитеты (Тюмень, Курган, Тобольск, Барнаул, Томск); военно-промышленные комитеты; общества фабрикантов и заводчиков; общества домовладельцев; союзы квартиронанимателей и ряд других, которые, несомненно, играли важную роль в объединении широких масс трудящихся, в развитии торговли и промышленности, урегулировании противоречий между трудом и капиталом, в деле обеспечения жителей всем необходимым.

В сфере снабжения населения товарами первой необходимости почти повсеместно действовали продовольственные комитеты (губернские, городские, уездные). Товары распределялись из городских лавок, исходя из установленных норм потребления (на человека). В одни руки отпускалось не более двух фунтов сахара ⁴⁴. Введение карточной системы, такс и норм потребления связывалось с дефицитом продуктов. Крестьяне и коммерсанты в связи с разрывом экономических связей, безудержной инфляцией и расстройством транспортных путей отказывались везти продукцию в города, что приводило к разгулу спекуляции ⁴⁵. Ялуторовская городская управа в отношении от 15 февраля 1918 г. запретила продовольственной управе вывозить хлеб из города ⁴⁶.

Городские думы региона катастрофически задерживали принятие решений, отнесенных к их компетенции. Гласные много времени тратили на публичную риторику, полемику и политическую борьбу. Городские управы, отягощенные бюджетным дефицитом, долговыми обязательствами, отсутствием продуктов и товаров на рынках, бесспорно, не могли добиться успехов в развитии местного хозяйства. Весьма сложно складывались их отношения с общественными организациями, союзами и партиями. Подобная индифферентность дискредитировала местные администрации, способствовала упрочнению Советов как более перспективной формы самоуправления.

26 октября 1917 г. в сибирских городах стало известно о большевистском захвате власти в столице и свержении Временного правительства. 27 октября В.Н. Пигнатти (тобольский комиссар) разослал телеграммы уездным комиссарам о вооруженном восстании в Петрограде с призывом поддержать Временное правительство. Органы местного самоуправления региона в большинстве своем выступили с осуждением мятежа большевиков. Переход власти в руки Советов осудили Тобольская, Тюменская, Омская и Тарская городские думы, Бийская городская дума и земская управа, Ялуторовское и Кузнецкое уездные земские собрания, Алтайская горная дума. Верхотомская волостная земская управа выпустила листовку с призывом не допускать большевистских Советов к власти ⁴⁷.

Бийская дума в резолюции от 2 ноября назвала выступление большевиков «узурпацией власти всего народа»; по ее словам, следовало «заклеймить дерзнувших на открытый мятеж предателями отечества и революции»; Барнаульская дума 29 октября высказалась «против попыток узурпации власти путем вооруженного насилия над волей революционной демократии»; Славгородская дума осудила восстание

большевиков и их агитацию среди населения против правительства; в Камне местная власть бунт Петроградского СРСД посчитала ошибочным; в Барнауле был учрежден комитет общественного спасения, в Новониколаевске — комитет охраны революции ⁴⁸.

Тобольская городская дума на экстренном собрании 27 октября признала большевистский переворот «гнусной изменой родине и завоеванной свободе, подлежащей подавлению самыми быстрыми и решительными мерами...» Дума обратилась ко всем организациям города с призывом: «карать членов, ставших на защиту большевизма, исключением из своей среды» ⁴⁹.

Курганская городская дума новость о восстании большевиков встретила без особого воодушевления и поддержки. Думцы посчитали возможным признать Временное Сибирское правительство ⁵⁰. Тюменская городская дума с эсеро-меньшевистским руководством также большевиков не поддержала. В собрании думы 31 октября председатель местного отдела Всероссийского союза городов В.И. Колокольников заявил думцам, что «обещание большевиков дать населению России мир, хлеб и землю, есть не что иное, как обман» ⁵¹. Тюменская городская дума 28 ноября 1917 г. приняла резолюцию в поддержку Учредительного собрания — «только [оно] и будет в силах спасти страну от голода, армию от гибели, только оно в интересах трудового народа сможет разрешить вопрос о войне и мире...» ⁵² Повсеместно гласные (от партии большевиков), как несогласные с принятыми резолюциями, вышли из составов городских дум.

Стоит отметить, что местные Советы рабочих и солдатских депутатов не призывали к захвату власти в сибирских городах. В частности, согласно протоколу пленума Тюменского СРСД от 14 октября, «за переход власти к Советам, видя в этом единственное в данный момент средство спасения революции и свободы от грозящей опасности», проголосовало «за» — 12 членов партии, «против» — 20 и «воздержалось» — 15 ⁵³. Из отношения Ялуторовского Совдепа от 25 февраля 1918 г. следует, что он к собранию гласных местной думы «препятствий не имеет» ⁵⁴.

В условиях войны и социального катаклизма власть в городах региона «качалась» из стороны в сторону. Начав свою деятельность на волне демократизации и всеобщих преобразований, городские управления активно взялись за развитие местного хозяйства, однако, столкнувшись с целым рядом неразрешимых проблем (бюджетный дефицит, отсутствие товаров на рынках, конфликты), не смогли достичь в этом ощутимых успехов. Если в марте через органы местного самоуправления планировалось осуществлять широкое народовластие, то к ноябрю 1917 г. вследствие возросшего политического противоборства и разногласий между фракциями гласных городских дум, а также между думами и Советами рабочих и солдатских депутатов, эти замыслы фактически сошли на нет. Приходится констатировать, что впервые попавшие в городские думы члены партий не оправдали доверия и ожиданий избирателей, не проявили интереса к решению местных проблем. Переход власти в руки Советов привел к упразднению демократически избранных институтов городского самоуправления Временного правительства.

Примечания

1. ЧУДАКОВ О.В. Законодательная деятельность Временного правительства по реформированию городского общественного самоуправления (март 1917 — октябрь 1917 гг.). — Омский научный вестник. 2012, № 1 (105), с. 20—23.
2. КУРАС Л.В. Октябрьская революция в Сибири 1917 — середины 1918 г. в отечественной исторической литературе и источниках. Улан-Удэ. 1995, с. 12.
3. КАБЫТОВА Н. Февральская революция 1917 года в России и городские Думы. — Муниципальное право. 2001, № 4, с. 55.
4. ВАРКОСЬ S. Politics and the People in Revolutionary Russia: A Provincial History. Cambridge. 2007.
5. ЧУДАКОВ О.В. Городское самоуправление в Сибири в годы первой мировой войны и период социальных катаклизмов (июль 1914 — первая половина 1918 г.). Омск. 2013.
6. ЧЕРНЯК Э.И., ДРОБЧЕНКО В.А. Структуры гражданского общества Томска в марте — октябре 1917 г. — Вестник Томского государственного университета. История. 2011, № 3, с. 38—45.
7. Сибирская жизнь. 1917, № 60, 64.
8. Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917—1920 гг.). Сб. док. материалов. Свердловск. 1967, с. 78—81.
9. Постановление Временного правительства от 15 апреля 1917 г. «О производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях». — Собрание узаконений и распоряжений Правительства. Отд. I. СПб. 1917, № 95, ст. 529, с. 805—832.
10. Государственный архив Тюменской области (ГА ТюмО), ф. И-2, оп. 2, д. 10, л. 402—404; ф. Р-1208, оп. 1, д. 1, л. 120—121.
11. Государственный архив Томской области (ГА ТомО), ф. 3, оп. 23, д. 283, л. 4—4а.
12. Новониколаевск — Новосибирск, 1909—1919. 10 лет на службе городу: Новониколаевская Городская Дума в документах и материалах. Новосибирск. 2008, с. 44.
13. Сибирская жизнь. 1917, № 166.
14. Там же, № 178.
15. Там же, № 166.
16. Там же, № 177.
17. Там же, № 169.
18. ДРОБЧЕНКО В.А., СТАСЕНКО Л.В. Местное самоуправление в Западной Сибири в 1917 г. — Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в.: материалы Всероссийской научной конференции. Томск. 2007, с. 184—207.
19. ГА ТюмО, ф. Р-1208, оп. 1, д. 2, л. 271—271об., 286—286об., 288, 294.
20. Сибирская торговая газета. 1917, № 124.
21. ГА ТюмО, ф. Р-1208, оп. 1, д. 2, л. 312; д. 3, л. 7.
22. Представительная власть в Зауралье: история и современность. Челябинск. 2009, с. 50.
23. Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии, с. 79.
24. ГА ТюмО, ф. И-1, оп. 1, д. 93, л. 1; ф. Р-1208, оп. 1, д. 8, л. 139.
25. Курганское двоевластие: URL: http://kiconline.ru/newspaper_post/kurganskoe-dvoevlastie.
26. Сибирская жизнь. 1917, № 182.
27. Там же, № 173.
28. Там же, № 193.
29. Барнаульская городская Дума. 1877—1996: Сб. документов. Барнаул. 1999, с. 111—113.
30. Сибирская жизнь. 1917, № 203, 220.
31. Алтай. 1917, № 202, 235, 238.
32. ГА ТомО, ф. 127, оп. 1, д. 2983, л. 674
33. Там же, д. 2982а, л. боб.; Сибирская жизнь. 1917, № 217, 236.
34. Сибирская жизнь. 1917, № 238.
35. Новониколаевск — Новосибирск, 1909—1919, с. 49, 53; Сибирская жизнь. 1917, № 244—245.

36. ЧУДАКОВ О.В. Городское самоуправление, с. 99.
37. ГА ТюмО, ф. И-3, оп. 17, д. 1, л. 23—24.
38. Государственный архив в г. Тобольске, ф. И-722, оп. 1, д. 32, л. 73.
39. ГА ТюмО, ф. Р-1208, оп. 1, д. 1, л. 98—99, 101—103.
40. Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии, с. 90.
41. ГА ТюмО, ф. Р-180, оп. 1, д. 78, л. 1—17.
42. Там же, ф. И-1, оп. 1, д. 93, л. 1—14.
43. Отчет о деятельности по проведению земской реформы в Тобольской губернии. Тобольск. 1918, с. 60.
44. ГА ТюмО, ф. Р-1208, оп. 1, д. 8, л. 164.
45. Там же, ф. Р-180, оп. 1, д. 72, л. 91об.
46. Там же, ф. И-190, оп. 1, д. 17, л. 20.
47. ДРОБЧЕНКО В.А., СТАСЕНКО Л.В. Ук. соч., с. 201.
48. Сибирская жизнь. 1917, № 243; Барнаульская городская Дума. 1877—1996: Сб. док. Барнаул. 1999, с. 209—231.
49. Сибирская жизнь. 1917, № 242, 244.
50. Очерки культуры повседневности города Кургана XIX — первой трети XX в. Курган. 2009, с. 158.
51. Организация самоуправления в Тобольской губернии (II пол. XIX — нач. XX вв.): Сб. документов. Тюмень. 1995, с. 295.
52. Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии, с. 120—121.
53. Тюменский областной краеведческий музей, ф. 42, № 5096/2.
54. ГА ТюмО, ф. И-190, оп. 1, д. 18, л. 15.

Поволжский областной комитет партии социалистов-революционеров и его крах

В.Н. Кузнецов

Аннотация. В работе раскрывается история Поволжского областного комитета (ПОК) эсеров, изменения его персонального состава и тактика борьбы. Основными направлениями политической работы являлись террористическая и издательская деятельность. На 1906—1907 гг. падает пик активности комитета, затем наступает спад. Попытка ЦК ПСР возродить ПОК в 1908 г. потерпела серьезную неудачу, что привело к окончательному прекращению существования этой партийной структуры.

Ключевые слова: Поволжский областной комитет эсеров, партия социалистов-революционеров, политический террор начала XX в., экспроприации, О.С. Минор, Б.В. Бартольд.

Abstract. The work reveals the history of the socialist-revolutionaries' Volga Regional Committee (VRC), the change of its members and the tactics of struggle. The main areas of political work were terroristic and publishing activities. 1906—1907 were the peak years of committee activity, after which it declined. A SC PSR's attempt to revive VRC in 1908 failed, leading to the final elimination of this party structure.

Key words: Volga Regional Committee of the Socialist-Revolutionaries, Socialist-Revolutionary Party, the political terror of the early twentieth century, expropriation, O.S. Minor, B.V. Barthold.

Поволжский областной комитет (ПОК) формировался в 1906 г. после первого съезда ПСР, состоявшегося в декабре 1905 — январе 1906 года. Съезд определил территориальную структуру партии в рамках девяти территориальных союзов, в числе которых имелся и Поволжский. Эти образования получили название областных организаций, которых в 1906 г. насчитывалось по России уже тринадцать. Каждую из них возглавлял свой областной комитет (ОК), действовавший на основе постановлений партийного съезда и директив ЦК. ОК являлись связующим звеном между отдельными организациями области, а также между ними и ЦК. Они распределяли силы и средства внутри

Кузнецов Валерий Николаевич — доктор исторических наук, доцент, профессор Ульяновского государственного педагогического университета. E-mail: kuznetsow_simb@mail.ru.

Kuznetsow Valery N. — doctor of historical sciences, associate professor, professor at the Ulianovsk State Pedagogical University. E-mail: kuznetsow_simb@mail.ru.

области, осуществляли такие мероприятия, которые были не под силу отдельным организациям, прежде всего, печатание крупных партий литературы, проведение резонансных терактов.

По мере возникновения новых организаций ПСР Поволжская областная организация увеличивалась. В 1906 г. в ее состав входили Астраханская, Самарская, Саратовская, Тамбовская, Пензенская, Оренбургская, Симбирская, Казанская организации, а также ряд уездных групп. На втором съезде ПСР (февраль 1907 г.) Поволжскую область помимо старых представляли новые организации: Царицынская, Татарская, Чувашская, Козловская.

ПОК был избран на партийном съезде Поволжской области, состоявшемся в феврале 1906 года. Областной комитет в 1906—1907 гг. находился в Пензе и состоял в основном из местных эсеров. В 1906 г. членами ПОК стали Алексей Дмитриевич Добромыслов (партийные клички «Калиныч» и «Митрич»), Владимир Георгиевич Машков («Фёдор Николаевич»), Митрофан Фёдорович Слепухин («Вадим») и Лука Николаевич Николаев («Пётр Андреевич», «Поп армянский»). Почему именно эти люди стали членами ПОК сказать сложно, так же как и почему именно Пенза оказалась эсеровским «столичным» поволжским городом. Да, это были известные по губернским меркам эсеры, так например Добромыслов представлял Пензенскую организацию на втором партийном съезде, но и в других губерниях имелись партийные работники как минимум такого же уровня. В настоящее время имеются сложности с полной реконструкцией персонального состава ПОК. Жандармские фонды не содержат необходимого материала, а мемуарная литература по этому вопросу минимальна. Существуют и противоречивые данные, так, например, в одном из воспоминаний есть упоминание, что членом комитета являлся Т.Н. Николаев, проживавший в 1906—1907 гг. в Казани, но в документах жандармских фондов об этом ничего не сказано.

Члены ПОК не сидели безвыездно на одном месте, а часто разъезжали по Поволжской области, на местах решая те или иные вопросы. Связано это было с тем, что отсутствовала необходимая партийная вертикаль управления, которая выполняла бы роль связующего звена между ПОК и губернскими организациями. Всю требуемую организационно-управленческую работу члены комитета вынуждены были выполнять сами.

Существовал ПОК на отчисления от местных организаций. О размере сумм можно судить по такому примеру: в мае 1907 г. Саратовский губком ПСР перечислил областному комитету 12 руб.¹, то есть в год от одной, правда крупной организации, ПОК получал примерно 150 рублей. Учитывая общее количество организаций, например за 1906 г., поступления в этот год составят 1500—2000 рублей. Эти приблизительные расчеты не учитывают сумм от проводимых экспроприаций и продажи литературы.

Местные организации формально не подчинялись ПОК. Так, в уставе Саратовской губернской организации ПСР, принятом в 1907 г., отсутствует пункт о какой-либо организационной связи с областным комитетом, а в числе 42 лиц, имевших право решающего голоса на губернском съезде, областной комитет получил только один голос через одного своего представителя.

Деятельность ПОК проходила почти исключительно по двум направлениям: выпуск партийной литературы и террористическо-экспроприаторская. Первоначально типография ПОК недолго находилась в Самойловке Саратовской губернии, затем и до конца — в Тамбове. Типография печатала литературу под несколькими вывесками: Поволжского областного комитета, Тамбовского комитета ПСР и Московской организации ПСР. Бумага поступала из Москвы сразу на год в количестве около 500 пудов. Последняя партия была получена в августе-сентябре 1907 года.

О масштабах и перечне печатной продукции можно судить по следующим данным. В 1906 и начале 1907 г. ПОК в числе прочей литературы издал: «Хитрая механика. Правдивый рассказ откуда и куда идут деньги» В.Е. Варзара первым тиражом 3000 экз. и вторым в этом же году в количестве 10 000, «Как смотрят социалисты-революционеры и социал-демократы на земельный вопрос» (2500 экз. и в том же году допечатанная вторым изданием), «Хватило бы на всех земли, если бы разверстать ее правильно» (3000 и 2800), «Горе русских солдатиков или как наши генералы воюют» (3000), «Откуда пошла русско-японская война» (2500), рассказ «Призывной» (3000), сказка Ф.В. Волховского «Как мужик в долгу у всех остался» (3000), «Русским солдатам от рабочих социалистов-революционеров» (3000), «Программа партии социалистов-революционеров» (1900), «Песни борьбы и труда» (1500), «Воля царская и воля народа» (2500), «Беседы о земле» (2500 и 4000), «Чего хотят люди, которые ходят с красным флагом» (18 000), «Наша партия» (20 000), «К обществу» (10 000), «Трудящимся о Государственной Думе» (20 000) ², а также партийные издания «Социалист-революционер» (5000) и «Крестьянские известия».

Общий тираж только брошюр составил не менее 48 200 экз., прокламаций — 68 000. ПОК печатал литературу двоякого типа: собственно партийную и абстрактно антиправительственную, в том числе взятую из легальных источников. Большой популярностью пользовалась «Хитрая механика», впервые выпущенная в свет в 1874 году. Редкий партийный пропагандист не имел ее у себя. Вот примеры 1907 г.: у арестованного этой осенью симбирского эсера Ф.Г. Пылаева нашли 1145 экз. этой книги, у арестованного весной того же года саратовского эсера И.А. Столярова среди прочей партийной литературы нашли 6 экз. «Хитрой механики» ³. Неудивительно, что когда в мае 1906 г. власти провели обыск в одном из сел Симбирской губернии (с. Репьевка), то и там нашли две брошюры «Хитрой механики». Изменение политической обстановки в 1907 г. почти не повлияло на тиражи издаваемой литературы. Когда ПОК приступил к выпуску периодического издания «Деревня», первоначальный тираж составил 40 000 экз., но уже третий номер имел тираж 10 000 ⁴. В 1907 г. продолжали издаваться листовки, часть которых являлась откликом на разгон II Государственной думы. Этому были посвящены прокламации «Ко всему трудовому народу» и «Солдаты!». Вот, например, текст последней: «Солдаты! 3 июня император Николай II совершил измену. Он разогнал народных представителей. Товарищи солдаты! Судьба трудового народа во многом зависит от вас. Переходите на сторону ваших братьев крестьян и рабочих и дружным натиском вы свергнете самодержавие. Поволжский областной комитет партии социалистов-революционе-

ров. 7 июня 1907 г.»⁵. Краткость этой листовки словно говорит о том, что эсеры в целом и ПОК в частности устали твердить народу об одном и том же.

Листовка ПОК «Наша партия» определяла видение эсерами социалистической перспективы: «Ввести теперь же социализм трудно, так как народ недостаточно еще подготовлен для общей и дружной работы. Но защищая всегда и везде интересы трудящихся, добиваясь лучшей для них доли, мы будем, в то же время, стремиться к тому, чтобы в будущем осуществилось это наиболее справедливое общественное устройство. Поэтому-то наша партия всегда была и будет социалистической»⁶.

Выступая с докладом о партийной работе в Поволжской области на первой общепартийной конференции в августе 1908 г., проходившей в Лондоне, член Саратовского отделения партии эсеров Л.П. Кочеткова привела такие цифры: «С октября 1907 года по июнь 1908 года Поволжскому областному комитету удалось собственными силами издать около 142 тысяч экземпляров листовок и прокламаций, а также наладить выпуск крестьянской газеты «Деревня»»⁷.

Власти не могли не только ликвидировать типографию, но и перерезать пути, по которым литература поступала из Тамбова в область. Так в 1907 г. саратовские эсеры получили от ПОК транспорт с литературой, среди которой были 25 000 экз. второго номера газеты «Деревни»⁸. Сам Саратов являлся перевалочным пунктом. К примеру, в 1908 г. отсюда ушел в Астрахань транспорт с грузом более 3 пудов, состоявший из изданий ПОК: 300 экз. третьего номера «Деревни» и 2 пуда различных листовок, в том числе «Письмо к царю»⁹. Литература отправлялась ПОК губернским эсерам вплоть до 1908 г. включительно. Только, если в предшествующие годы она активно распространялась, то в 1908 г. местные эсеры стали бояться арестов и литература нередко лежала в укромных местах мертвым грузом, а в Самаре летом 1908 г. до 7 пудов литературы, полученной от ПОК, городские эсеры просто закопали в землю¹⁰.

Конец типографии наступил, с одной стороны, закономерно, а с другой, — случайно. Тамбовские жандармы летом 1908 г. арестовали А.А. Головина, не зная, что он являлся техником типографии. В условиях оттока людей от революции и от революционных партий найти нового работника оказалось невозможно, и типография прекратила работу. Затем часть ее демонтировали и отправили в г. Вольск Саратовской губернии, довольно сильный своими эсеровскими позициями, но привлекавший меньше внимания карательных органов по сравнению с губернскими центрами. Одна типография так и не заработала.

Террор и экспроприации, столь распространившиеся с 1905 г., требовали упорядочить эти виды партийной деятельности путем взятия их под контроль областных комитетов. Второе собрание Совета партии (октябрь 1906 г.) постановило: «1) Подтвердить решение I съезда о допустимости конфискации только казенных сумм и оружия, участники же частных экспроприаций подлежат безусловному исключению из партии. 2) Всякая экспроприация совершается только с разрешения и под наблюдением областного комитета, причем областной комитет должен стремиться взять на себя инициативу и организацию крупных экспроприаций. 3) Областной комитет, разрешая местным

организациям экспроприации, должен руководствоваться следующими соображениями: а) экспроприации мелких сумм по общему правилу не допускаются, б) в план экспроприации не должны входить убийства лиц, не принадлежащих к полиции или жандармерии, в) во всех сомнительных случаях — является ли данное имущество казенным или частным — экспроприация не может быть совершена без санкции ЦК»¹¹.

IV Областной съезд, прошедший в 1906 г. в Самаре, рассматривая вопрос о проведении террора, принял решение о фактическом подчинении его ОК, который направлял для этого в губернские организации своих представителей. Они, будучи ответственны перед ПОК, руководили всей террористической и экспроприаторской деятельностью. Между тем, на местах боевики привыкли практически к полной самостоятельности: боевые дружины подчинялись губкомам настолько, насколько они сами считали это приемлемым. Попытка ПОК поставить под реальный контроль боевую работу в области встретила серьезную оппозицию со стороны немалой части местных эсеров. В том же году V Областной съезд вновь отстранил ПОК от руководства боевыми дружинами. За ОК оставалось лишь право мобилизации местных сил для каких-либо масштабных выступлений. Данный конфликт наглядно показывает, насколько слабым было влияние ПОК на местные организации и, тем более, боевые дружины. Реально ПОК мог руководить только собственным летучим отрядом.

Ответственным за террористическую деятельность в ПОК являлся В.Г. Машков. В 1906 г. ПОК провел следующие хорошо известные террористические акты: 2 января боевик летучего отряда застрелил в Пензе начальника гарнизона генерал-лейтенанта В.Я. Лисовского, приняв его за начальника жандармского управления М.Д. Прозоровского; 26 января в Пензе застрелили полицмейстера Д.Д. Кандаурова; 12 марта членами отряда была брошена бомба в Казанское жандармское управление; 1 апреля в Борисоглебске был убит казачий офицер Аврамов; 4 мая в Тамбове был убит пристав Жданов (оба за насилие по отношению к М.А. Спиридоновой), 6 мая в Казани ранили околоточного надзирателя; 21 июля в Самаре брошенной бомбой был буквально разорван на части губернатор И.Л. Блок; 8 августа в Самаре был убит командир Борисовского полка А.Г. Георгиу; 21 сентября в Симбирске бомбой смертельно ранили губернатора К.С. Старынкевича, а 25 сентября в Казани был ранен взрывом бомбы вице-губернатор Д.Д. Кобеко. Помимо террора, организованного ПОК, в области осуществлялись теракты по инициативе и силами местных эсеров.

Как видно, подъем эсеровского террора, проводимого ПОК в 1906 г., пришелся на июль-сентябрь, что было связано с июльскими решениями ЦК ПСР и IV Областного съезда партии о подготовке восстания в атмосфере ожидаемого разгона I Государственной думы. Предварить выступление должны были захваты создаваемыми с помощью ПОК крестьянскими боевыми дружинами уездных городов Самарской губернии, Ставрополя и Бугуруслана и террористические акции.

В соответствии с принятыми решениями ПОК разослал в областные организации инструкцию об организации боевых дружин и начале проведения террора, который был приостановлен до разгона Государственной думы.

Жандармская агентура не имела выходов на ПОК и не могла указать на точные даты покушений, но в общих чертах информация имелаась. Буквально за пару дней до убийства Старынкевича директор департамента полиции М.И. Трусевич телеграфировал начальникам губернских жандармских управлений от Ярославля до Астрахани: «Сообщаю, что по полученным сведениям Поволжский областной комитет партии социалистов-революционеров решил приступить к убийствам губернаторов и начальников жандармских управлений»¹².

В 1907 г. партия вновь предприняла попытку регламентировать и тем ограничить проведение экспроприаций и террора. II съезд ПСР в феврале 1907 г. принял специальную резолюцию: «Ввиду того, что в последнее время наблюдается эпидемическое распространение всякого рода экспроприаций; ввиду того, что практика экспроприаций деморализующе действует на участников; что ее распространение позволяет множеству недоброкачественных элементов совершать в видах личной выгоды самые возмутительные деяния... — Съезд постановил: экспроприации частных имуществ и капиталов абсолютно не допустимы. Участники частных экспроприаций безусловно исключаются из партии. Что касается экспроприации казенных сумм, то она допускается партией лишь под строгим контролем и руководством исключительно ЦК, причем в план организуемых таким образом экспроприаций не должны входить человеческие жертвы»¹³.

Эта резолюция была негативно встречена в Поволжье многими членами ПСР. Наиболее острый конфликт возник в Самаре. Разрешать его пришлось силами ПОК. Ситуация оказалась настолько скандальной, что на май 1907 г. была назначена губернская конференция с участием двух членов ПОК. Представитель рабочего центра, выступивший против регламентации боевой деятельности, заявил, что пролетарии хотят изменения тактики в сторону террора и принятия более демократичного устава. Обстановка настолько накалилась, что один из членов ПОК перешел на крик, пытаясь доказать, что никто не может изменить партийных правил, кроме съезда. Часть собравшихся в знак протеста против линии ПОК и местного комитета покинула мероприятие¹⁴. Этот инцидент ярко иллюстрирует реальный авторитет ПОК в партийных организациях.

Проведенный в августе 1907 г. новый Поволжский съезд занял двойственную позицию. С одной стороны, он поддержал решения общепартийного съезда о запрете частных экспроприаций. С другой стороны, по поводу аграрного и фабричного террора было сказано: «... Съезд считает (такой террор. — *К.В.*) целесообразным, когда он направлен против помещиков и фабрикантов, которые в своей борьбе с трудящимися являются активными пособниками правых». Съезд подчеркнул, что «местным организациям вменяется в обязанность ввести широкую политику массового террора... Областной комитет должен усилить партизанские выступления в виде крупных террористических актов»¹⁵. В январе 1908 г. ПОК вновь вернулся к этому вопросу и вновь постановил, что губернские организации не имеют права устройства экспроприаций без разрешения областного комитета, а участниками «эксов» могут быть только члены летучего боевого отряда, находящегося в распоряжении ПОК.

Для проведения террора ПОК пользовался как силами собственного летучего отряда, созданного в 1906 г., так и привлеченными местными боевиками или даже целыми группами. Так, например, убийство Старынкевича осуществила группа боевиков из Алатырского уезда Симбирской губернии. Несмотря на громкое название — Поволжский областной комитет — и на относительно немалые деньги в кассе ПОК, боевое дело не отличалось хорошей организацией и солидным финансированием. Областной комитет, как и местные комитеты не имел необходимых средств, чтобы содержать на должном уровне своих боевиков. Террористов набирали с миру по нитке, все держалось на чистом энтузиазме. Убийца Блока Г.Н. Фролов вспоминал: «Организационная постановка нашей боевой летучей дружины была очень слабая. Денег не было, и мы жили часто впроголодь. Были случаи, когда вместе с бомбой идешь на толкучий рынок, купишь там копейки на две поганенькой жареной колбасы, кусочек хлеба и этим заморишь червячка, а потом опять на революционную работу... История нашего боевого отряда кратковременна и печальна. Он составлялся чрезвычайно странно и скороспешно. Я, которому было поручено самое серьезное дело и на которого не надеялся сам инструктор, — как он после сообразил, — я был в то время в революционном отношении совершенно неопытен... Когда я впервые увидел своих будущих соратников, запротестовал и потребовал их переизбрания. Среди них были юноши от 17 до 19 лет из рабочей среды, не развитые и без всякого революционного воспитания, только что введенные учениками в партийный кружок... Стали заменять их новыми, но когда перебрали всех участников массового кружка эсеров... — я увидел, что, видимо, лучших чем я не оказалось»¹⁶.

Убийства могли совершаться только фанатичными сторонниками террора. Вот слова Фролова: «Что за человек был самарский губернатор, и каково было его служебное поприще, я не знал; да это в то время было не важно: он был бы, вероятно, убит, если бы был даже самым лучшим губернатором... Для нас тогда было важно одно: он является представителем грубого монархизма и, убивая его, партия только возобновляла прежний метод борьбы, прерванный на время участия ее представителей в Государственной Думе»¹⁷.

Показать путь людей в летучий отряд ПОК и их последующую судьбу можно на примере одного из его членов А.А. Никольского. Родился Анатолий Никольский в 1885 г. в Балашовском уезде Саратовской губернии в селе Турки, где его отец, коллежский ассессор, работал чиновником на местном телеграфе. Здесь же Анатолий получил церковно-приходское образование. Позднее он устроился в Симбирское губернское правление в должности письмоводителя. В 1906 г. в Симбирске он вступил в ПСР. При образовании местной боевой дружины стал ее членом. Террористическая деятельность его началась не слишком удачно. Во время первого «экса» он, по неопытности, выстрелил из револьвера себе в ногу и более в терактах не участвовал. В том же 1906 г. ему вручили воинскую повестку, но вместо того, чтобы идти служить, он по фальшивым документам получил 132 руб., совершил поджог губернского правления и бежал из Симбирска.

Симбирские друзья предоставили Никольскому явку и пароль, которые должны были вывести его на самарских эсеров. Здешные

эсеры встретили и приютили Анатолия, но прожить в Самаре удалось лишь 3 дня. По поручению новых товарищей он отбыл в Оренбург помогать организовывать нелегальную типографию. Дело было сделано успешно, и когда из Самары пришло известие о подготовке к крупной экспроприации, Никольский отпросился обратно в Самару. Здесь его сразу же включили в боевую группу по экспроприации легальной типографии. Дело было важное, но несмотря на тщательную подготовку оно провалилось. Оставаться в Самаре стало опасно, и Анатолий уехал в Пензу. Здесь он познакомился с одним из членов ПОК Л.Н. Николаевым, и тот включил его в состав областного летучего отряда. По его поручению Никольский отправился в Царицын вместе с боевиком по кличке «Лимон». Они должны были сформировать боевую местную группу и руководить ею. Им удалось выполнить это задание. После ареста «Лимона» руководство группой перешло к Никольскому. Он предложил заняться устройством подпольной типографии. Здесь, в Царицыне Никольский сошелся с некоей Лидой, которая работала в типографии, где печаталась газета «Царицынская речь». Лида и ее подруги начали потихоньку красть шрифт, и вскоре эсеровская типография была оснащена.

Почувствовав за собой слежку, Никольский переехал из Царицына в Казань, где вместе с казанскими боевиками принял участие в нападении на психиатрическую лечебницу. Устроился он у известного городского эсера Ф.Г. Каверзнева, и на его квартире 31 мая 1907 г. был арестован и получил 15 лет каторжных работ.

В 1906 г. в связи с убийством самарского губернатора был арестован организатор теракта М.Ф. Слепухин. В 1907 г. властям удалось схватить еще двух членов ПОК: весной в Самаре был арестован А.Д. Добромыслов, а осенью в Симбирске — В.Г. Машков. Новыми членами комитета стали Родионов («Алексей Николаевич»), арестованный осенью того же года в Саратове и И.В. Хитров («Черт»), арестованный в Пензе. В конце 1907 — начале 1908 г. ПОК состоял из Л.Н. Николаева, Алексея Алексеевича Сапожникова («Алексей Петрович», «Евгений Петрович») и человека по кличке «Дед», заведовавшего областной типографией. Сапожников в 1906 г. был осужден в Саратове на 4 года каторги, бежал и в конце 1907 г. был кооптирован в ПОК.

Власти не имели реальных сведений о ПОК. Издание летом 1907 г. упомянутых выше прокламаций «Ко всему трудовому народу» и «Солдаты!» вызвало раздражение у начальника Поволжского охранного отделения полковника М.П. Боброва, который писал своим коллегам 21 сентября 1907 г.: «Появившиеся в обращении воззвания Поволжского областного комитета, напечатанные в типографии означенного комитета указывают, что, не смотря на производящиеся ликвидации, состав областного комитета, местонахождение его и типография при нем остаются не обнаруженными». Далее Бобров изложил полуфантастические сведения о его предполагаемом местопребывании: «Агентура указала, что комитет этот находился в Саратове, затем в Пензе. Некоторые указания говорили, что из Пензы он переместился в Симбирск и что ныне, будто бы, снова находится в Саратове»¹⁸.

1907 г. оказался кризисным для поволжских эсеров. Аресты привели к распаду большинства губернских организаций. Новые реалии должно было учитывать и руководство ПСР. В июле 1907 г. третий

Совет партии постановил: «Для целей специально террористических необходима организация летучих боевых отрядов в ведении Областных комитетов или тех губернских комитетов, которым он передоверит это право при непосредственном вмешательстве ЦК в случае распада, уничтожения или ослабления областной организации»¹⁹.

Количество терактов, организованных ПОК, серьезно сократилось. В 1907 г. 25 января в Пензе был застрелен губернатор С.В. Александровский, а также пытавшиеся схватить террориста помощник полицмейстера М.Я. Зарин и полицейский чин М.А. Саблин. В Симбирской губернии 13 апреля был смертельно ранен выстрелами из пистолета Карсунский уездный исправник В.В. Шемякин. Если убийство исправника явилось неожиданностью для властей, то о готовящемся убийстве губернатора имелись сведения. За 15 дней до теракта новый начальник Самарского губернского жандармского управления подполковник Г.Г. Битепаж извещал коллег: «В последних числах декабря в Пензу приезжал неизвестный член Поволжского областного комитета партии социалистов-революционеров, предложивший местной организации осуществить убийство Пензенского губернатора по санкционированному ЦК приговору»²⁰.

В мае 1907 г. в связи с ожидаемым разгоном II Государственной думы ПОК, а равно и губернские и уездные группы, входившие в Поволжскую область, получили письмо ЦК, где объявлялось, что «надо будет начинать вооруженное восстание», что необходимо из губернских городов в уездные доставлять оружие для захвата там власти и что восстание «начнется террором против высших властей»²¹. То есть, повторились призывы, уже звучавшие в 1906 г., только ситуация для ПСР стала еще более неблагоприятной, и реализовать их не представлялось возможным.

Местных эсеров не удовлетворяла деятельность ПОК. Резолюции, принятые на V и VI областных съездах, требовали от ПОК активизации работы: «Областной съезд поручает областному комитету образовать при себе литературную комиссию», «Областной съезд поручает областному комитету приступить к изданию партийного областного органа», «Областной съезд поручает областному комитету войти в более тесную связь с судоходной поволжской организацией, так как она имеет общепартийное значение, оказать денежное и литературное содействие для издания центрального органа судоходной организации»²².

19 декабря 1907 г. было совершено последнее убийство, к которому приложил руку Поволжский областной комитет. В данном случае он вынес смертный приговор и организовал покушение на начальника Самарского ГЖУ и заведующего Поволжским охранным отделением полковника Боброва²³.

Как правило, лиц, которым был вынесен смертный приговор, эсеры об этом предупреждали. Потенциальным жертвам неоднократно отправлялись предупреждающе-угрожающие письма, а также использовались иные формы устрашения. Так, например, Старынкевичу был отправлен саван. Однако эти лица не поддавались панике. К примеру, Бобров, неоднократно получавший угрожающие письма, не обращал на них внимания, продолжал ходить по Самаре без охраны,

и был убит, когда один возвращался домой с покупками ²⁴. Александровский, как ни в чем не бывало продолжал посещать городской театр. О Блоке его убийца Фролов вспоминал: «Ездил он открыто, просто, без всяких сопровождающих» ²⁵.

После проведенных терактов ПОК в специальных листовках извещал население, кто организовал убийство и за что. Например, после убийства Шемякина появилось извещение Поволжского областного комитета партии эсеров: «13 апреля в г. Карсуне Симбирской губернии приведен в исполнение смертный приговор симбирского комитета партии социалистов-революционеров над Карсунским исправником Шемякиным. Деятельность казненного царского сатрапа не могла быть более терпима: он, разъезжая по селам с отрядом царской псарни наводил ужас на целый уезд, забывая до полусмерти невинных голодных крестьян. Бывали такие возмутительные факты, что Шемякин, приезжая в село, вызывал к допросу подозреваемых в политической неблагонадежности крестьян, и начиналась пытка: клали мужика на пол, брали скамейку с поперечиной между ног, придавливали шею этой поперечиной, Шемякин садился на эту скамейку, закуривал папиросу, а стражники истязали несчастного нагайками до тех пор, пока Шемякин не выкурит папиросу. Приговор приведен в исполнение членом боевого отряда Поволжского областного комитета партии социалистов-революционеров товарищем Борисом Репиным. Поволжский областной комитет партии социалистов-революционеров» ²⁶.

Печатались извещения и местными организациями. Убийство Старынкевича породило такое оперативно изданное обращение: «Симбирский комитет партии социалистов-революционеров доводит до вашего сведения, что покушение на жизнь Симбирского губернатора Старынкевича, состоявшееся 21 сентября, произведено членом областной боевой летучей дружины Поволжского союза партии социалистов-революционеров. Комитет выражает глубокое соболезнование лицам, случайно пострадавшим при этом покушении, не смотря на все принятые меры. Симбирский комитет партии социалистов-революционеров 11 сентября 1906 г.» ²⁷.

Репрессии, проводимые властью, деятельность секретных сотрудников жандармерии постепенно делали свое дело: чем больше местные эсеры понимали, что все их активные действия ведут к провалам и арестам, тем менее охотно они шли на совершение терактов, предпочитая отдавать дело на откуп областникам: пусть окончательное решение принимает ПОК, пусть он присылает своих боевиков, пусть они и рискуют головой. Яркий случай произошел в Симбирске, когда в сентябре 1907 г. в среде городских эсеров обсуждалась необходимость двух терактов: по просьбе содержащихся в тюрьме однопартийцев планировалось убийство тюремного надзирателя, а также одного из симбирян, заподозренного в провокации. Никто из городских эсеров не изъявил желания осуществить данные теракты, и решение было переложено на ПОК, приславший своего боевика, который в итоге уехал из Симбирска, так и не совершив теракта.

В 1908 г. ПОК перебрался сначала в Тамбов, а потом в Саратов, куда был переведен и летучий отряд. Переезд не спас его членов от арестов. В январе 1908 г. в Саратове был задержан А.А. Сапожников.

Новым членом ПОК стала член партии из Тамбова Е.П. Виноградова («Лиза»). Это один из немногих членов ПОК, чьи основные биографические вехи известны от рождения до смерти. Родилась Елизавета Петровна в 1884 г. в Сызрани Симбирской губернии в семье городского судьи. Обучаясь на женских курсах в Москве, в 1905 г. она вступила в ПСР, занималась техникой, пропагандой среди учащихся и рабочих. После ареста в 1906 г. в Самарской губернии и трехмесячного заключения перешла на нелегальное положение. Работала в Ялте, Тамбовской и Пензенской губерниях. Делегат всероссийского совещания крестьянских работников в Териоках, партийного съезда в Таммерсфорсе и Лондонской конференции ПСР. В 1907 г. была выслана из Ялты. После ареста в Тамбове 1908 г. в 1910 г. осуждена на поселение в Енисейскую губернию, откуда бежала в 1911 г. во Францию, где жила до 1917 года. К 1934 г. — член общества политкаторжан²⁸. Умерла в 1963 г., будучи пенсионеркой республиканского значения и похоронена на Ваганьковском кладбище.

В марте Николаев вместе с представителем ЦК ПСР Слепяном прибыл в Саратов. Ознакомившись с состоянием дел, Слепян обещал прислать сюда опытных работников, которым придется, по его словам, начинать все с начала. Рассматривался вопрос и о руководстве ПОК организациями, входившими в область, которых имелось восемь. Николаев был вынужден признать, что ПОК не имеет людей для этого и что если к каждой организации приставить хотя бы по одному представителю областного комитета, то партийных работников не хватит. Николаев объявил о планах ПОК объединять соседние организации.

Обсуждалась и проблема: как избежать новых арестов, чтобы возобновляемая деятельность не оказалась прерванной в самом начале. На совещании, устроенном активными саратовскими эсерами при участии Николаева, решили из опасения провала больше не проводить ни губернских, ни районных съездов. Однако ареста не избежал и Николаев, за которым, как признавался начальник Саратовского охранного отделения А.П. Мартынов, было «полностью невозможно вести сколько-нибудь систематическое наблюдение»²⁹. Его схватили в Саратове 11 апреля. Он неудачно пытался бежать, проглотив при этом бывшую при нем записную книжку.

То, что аресты Сапожникова и Николаева произошли именно в Саратове, не случайно. В 1908 г. партийная жизнь не заглохла только в двух городах области: в Саратове и в Астрахани, но с Саратовом эсеры связывали основные надежды, как с городом — центром крестьянской, по преимуществу, губернии. Предпринимались неоднократные попытки возродить эсеровскую деятельность и в других городах, но перспектив к этому в 1908 г. там не было. Побывавший в феврале 1908 г. в Самаре Николаев уехал оттуда ни с чем.

В 1908 г. ПОК оказался причастен только к одному теракту. ЦК ПСР вынес решение об убийстве Воронежского губернатора М.М. Бибикова. Воронежские эсеры, входившие в Украинскую область ПСР, где летучего областного отряда уже не существовало, обратились за помощью к Поволжскому областному комитету, который сам переживал трудное время и поэтому ограничился посылкой в Воронеж М.М. Фёдоровой, которая 23 апреля 1908 г., неудачно пытаясь бро-

свить бомбу в губернатора, была ранена сама, схвачена и повешена. Этот трагический инцидент хорошо иллюстрирует, какие силы еще оставались в распоряжении ПОК. Неудивительно, что его постановление от января 1908 г. об убийстве Саратовского губернатора С.С. Татищева и пристава Зубкова так и не было осуществлено.

Несмотря на аресты и на то, что к середине 1908 г. на свободе остались только два члена ПОК, «Дед» и Виноградова, комитет продолжал действовать. О направлении деятельности и ее масштабах можно судить по отчету ПОК за период с 1 июля по 1 ноября 1908 г. — то есть до кооптации в комитет новых партийных работников, прибывших из-за границы. К 1 июля в кассе ПОК оставалось 4700 руб., 50 руб. выручили от продажи имущества и было получено долга — 35 рублей. Итого, имелось 4785 рублей.

Расходы оказались следующими: на поездку на конференцию трем делегатам — 600 руб., на поездку за границу члену ПОК — 200 руб., уполномоченному ЦК — 50 руб., Астраханской организации — 25 руб., на поездку члена ПОК в Уфу — 29 руб., на содержание члена ПОК за 4 месяца — 80 руб., Саратовской организации — 185 руб. 60 коп., на содержание типографии — 100 руб., отправка шрифта — 32 руб., посылка литературы — 37 руб., отправка станка — 18 руб., помощь товарищу — 15 руб., корзины для литературы — 7 руб., заимообразно — 33 руб., Пензенской организации — 25 руб., Тамбовской организации — 10 руб., на разъезды членов ПОК по области — 81 руб., члену ПОК, работавшему временно в уезде Саратовской губернии и разъезжавшему по уезду, — 121 руб., на экипировку членов ПОК — пальто, пара, сапоги и т.д. — 60 руб., почтовые и телеграфные расходы — 5 руб. 70 копеек. Итого, расходы составили 1704 руб. 30 копеек³⁰. Кроме того, ПОК были должны эсеры Самары (265 руб.) и Симбирска (300 руб.). Из-за разгрома там организаций ПСР займы шли на конкретных людей: в Самаре — на В. Иванова, в Симбирске — на М.А. Чернова.

Долгое время ЦК ПСР рассматривал кризис Областных организаций не как закономерность, отражавшую общее состояние партийных дел в стране, а как случайность, которую можно исправить. Решение о воссоздании областных организаций было принято в августе 1908 г. на первой общепартийной лондонской конференции. Со своей стороны саратовцы подстегивали ЦК в реализации этого решения. Член партии Л.П. Кочеткова, лечившаяся в Швейцарии, где жил ее муж, швейцарский гражданин, убедила ЦК в необходимости для восстановления партийной работы в Поволжье прислать в Саратов новых энергичных работников. Начинаясь последний этап в истории ПОК.

31 октября 1908 г. начальник Саратовского охранного отделения ротмистр А.П. Мартынов докладывал в Департамент полиции: «Саратовская организация партии социалистов-революционеров в последнее время занимает выжидательное положение в виду имеющихся у нее данных, основанных на сведениях, полученных от Кочетковой о приезде в Саратов из-за границы новых партийных работников»³¹.

Чернов вспоминал: «После лондонской общепартийной конференции и еще до разоблачения Азефа Центральный комитет решил приступить к последовательному восстановлению главнейших областных организаций, из которых состояла партия. В первую очередь было поставлено Поволжье, как потому, что оно всегда играло основ-

ную роль в жизни партии, но и потому, что в эмиграции скопилось десятка полтора надежных товарищей, для которых Поволжье было родиной, во всех городах Поволжья имелись связи и, отправившись спетой группой, могли рассчитывать немедленно же поставить на ноги работу “по всей линии фронта”... О.С. Минор был назначен уполномоченным по Поволжью с правом распоряжаться и всеми личными силами спешившей за границей группы. Это было героическое безумие... Это ехала группа обреченных. Во-первых, в курсе всего предприятия был Азеф. Во-вторых, в состав группы успела войти уличенная впоследствии секретная сотрудница охранного отделения Татьяна Цейтлин»³².

«Эта группа, — вспоминал позднее бывший начальник Петербургского охранного отделения А.В. Герасимов, — носилась с планами создания сильных боевых дружин среди крестьян приволжских губерний. Предполагалось устроить фабрику бомб и развить так называемый аграрный террор, то есть убийство помещиков, поджоги их усадеб и т.д. Конечной целью было устройство крестьянского восстания на Волге. Состав и планы этой группы были мне известны: обо всем мне сообщил Азеф... Вскоре после приезда в Саратов члены группы были взяты под наблюдение...»³³ Читая подобные мемуары, а также некоторые исследования, можно подумать, что во всех провалах по России виноват один Азеф. Даже арест в 1907 г. в Симбирске Е.К. Брешко-Брешковской объясняют деятельностью Азефа. Однако у местных жандармов имелась своя агентура, способная получать информацию о происходивших в партийных организациях событиях. У Мартынова таким сотрудником был И.А. Шишло («Николаев»), чей брат, Н.А. Шишло, жил в эмиграции и был близок к эсеровскому руководству.

С конца октября по конец ноября 1908 г. в Саратов прибыло восемь посланцев ЦК. Мартынов докладывал в департамент полиции: «Первой из приехавших нелегальных была женщина под именем “Вера Михайловна” по паспорту Халаявская, лет 25—27, по наблюдению “Зеленая”. Второй приезжий нелегальный, по случайным обстоятельствам на местной явке принят не был и с тех пор не является. Третий нелегальный из-за границы прибыл 23 октября, паспорт на имя Волошина, партийная кличка “Старик”. Четвертый нелегальный прибыл 23 октября “Михаил Андреевич”, по наблюдению “Бирюк”. Пятая нелегальная — женщина, прибыла 29 октября, лет 20, по наблюдению “Бледная”. Одним из нелегальных должны быть привезены деньги для Поволжской организации. Если удастся удачно продолжать наблюдение за приезжающими партийными работниками, то явится возможность ликвидировать всю Поволжскую организацию партии социалистов-революционеров»³⁴. «Михаил Андреевич» («Бирюк») — на самом деле М.Л. Блюменфельд — вскоре уехал в Москву и в Поволжье более не вернулся. Но работников здесь и без него теперь хватало.

В Саратов прибыла еще одна партия нелегалов. Мартынов фиксировал в своих донесениях: «3 ноября в Саратов из Парижа приехала новая партийная работница по кличке “Анна”, по наблюдению “Тыква”... 3 ноября в Саратов приехал член Поволжского областного комитета “Дед”, по наблюдению “Плешивый”. 5 ноября из-за границы

в Саратов приехал нелегальный по кличке “Сергей”, по наблюдению “Модный”. Таким образом в Саратове собрались шесть нелегальных... Поволжский областной комитет озабочен вновь сорганизоваться и наладить расстроенное дело печатания в областной типографии партийной литературы... Бирюк, Грошовый и Модный должны выехать из Саратова по поволжским городам, где будут выполнять следующие обязанности: один из них будет заведовать военной организацией области, два других поволжской областной типографией... К 21 ноября в Саратове оказался новый нелегальный “Перковский”, по наблюдению “Добрый”»³⁵.

Выявился первоначальный лидер. Жандармы не сразу разобрались с его настоящим именем и фамилией. Это был Борис Владимирович Бартольд (партийная кличка «Сергей», кличка наблюдения «Модный») — брат известного академика-востоковеда. Он был другом Б.В. Савинкова, входил в Боевую организацию, в 1904 г. был арестован, выслан из Черниговской губернии, в 1906 г. участвовал в побеге другого боевика А.А. Петрова из Казанской тюрьмы. Несмотря на яркое партийное прошлое, Бартольд имел противоречивую репутацию, и то, что ЦК ПСР направил именно его для восстановления ПОК, говорит о кадровом кризисе в верхах партии. Мемуаристы отмечают его поверхностность, склонность к красивой жизни. А.В. Герасимов писал: «Бартольд, очень богатый человек, имел исключительно обширные связи в кругах социалистов-революционеров. Он и давал деньги на партийные нужды, и щедро раздавал их взаймы видным партийным работникам лично. Многие смотрели на него как на несерьезного человека, — таким, по-видимому, он и был в действительности. Но ему доверяли, его дружбы все искали»³⁶.

Мартынов вспоминал: «Бориса Бартольда я мельком видел во время моей службы в Петербургском губернском жандармском управлении, куда его в качестве арестованного по какому-то террористическому делу приводили из тюрьмы для допроса. Мне помнится, что брат его, профессор, тогда усиленно хлопотал за него, и ему удалось добиться разрешения министра внутренних дел на выезд Бориса за границу... Борис Бартольд (с товарищами. — *К.В.*), не то в виде своеобразной конспирации, но скорее потому, что Бартольд обладал некоторыми денежными средствами, поселились вместе в одной из лучших гостиниц города. Они были хорошо одеты, посещали рестораны, бывали в театре и вообще делали вид, что жуируют жизнью.

Чины моего отделения, которых я иногда посылал в ресторан в то время, когда там находились эти партийные кутилы, докладывали мне затем, что наблюдаемые не стеснялись ценами блюд и пили вино. Пропивали ли эти жуиры народные деньги, не знаю. Отпускал ли им центральный комитет партии на эту специальную конспирацию какую-либо особую денежную сумму — тоже не знаю. Но Борис Бартольд принадлежал, конечно, к тому особому виду красных кавалергардов террора, каким был и известный террорист-шарлатан Савинков. Мой «Николаев» держался того мнения, что Бартольд для собственного удобства и комфорта придумал именно этот сорт конспирации...»³⁷

Исследовательница А. Гейфман приводит такие сведения о Бартольде: «... Борис Бартольд, одно время близкий друг Савинкова...

был алкоголиком, периодически уходившим в тяжелые запои. После того, как ему разбили лицо в пьяной драке и вообще его громкое и скандальное поведение стало бросать тень на репутацию ПСР, многие эсеры пришли к выводу, что ему опасно давать боевые поручения»³⁸.

Однако Бартольд не являлся самой главной фигурой этого предприятия. 21 ноября Мартынов отметил: «Местная организация ожидает “Осипа” (Минора) и Кочеткову в начале декабря и пока находится в состоянии первоначальной соорганизации и распределения функций»³⁹.

В случае успеха их деятельности в регионе могли восстановиться партийные организации, получив новое дыхание. Неуспех надолго похоронил бы здесь серьезную эсеровскую деятельность. Приезжие восстановили ПОК. Из старых членов туда вошел «Дед», который взял на себя планируемое создание областной типографии, как неверно предполагали жандармы в Сызрани, из новых — Бартольд и Перковский-Дукельский, ставший секретарем ПОК (Виноградову арестовали в ноябре в Тамбове).

Прибывшие разъехались по городам. Бартольд объединил в своих руках руководство партийной работой в Саратовской, Самарской и Пензенской губерниях. После поездки в Самару он нашел, что «организация слаба и работают 2—3 девицы», а вот в Пензе, по его мнению, положение дел стало налаживаться. В Саратове он организовал боевую дружину с целью убийства командующего Казанским военным округом и готовил прием значительной партии нелегальной литературы, которую он собирался выписать из Петербурга.

«Тыква» поехала в Тамбов, «Зеленая» — в Вольск, «Бледная» — в Самару. Однако самарская эсеровская партийная жизнь находилась в таком упадке, что «Бледная» через несколько дней обратилась к Бартольду с просьбой перевести ее в другой город.

Бартольд, будучи в прошлом боевиком, оставался приверженцем террора, видя в нем главный метод борьбы с властью. Он так определял местным эсерам перспективы партийной деятельности: «В настоящее время партия в первую очередь ставит подготовку крестьянской массы к имеющему в недалеком будущем совершиться путем централизованного террора государственному перевороту. Такая подготовка будет проводиться путем распространения соответствующей партийной литературы, где будут проводиться доказательства необходимости центрального террора, как единственно правильного пути, на который для достижения конечной победы вступила партия»⁴⁰. Делая ставку на террор, новый состав ПОК устроил в Ставрополе Самарской губернии лабораторию по производству бомб и взрывчатых веществ.

Ротмистр Мартынов через свою агентуру внимательно следил за разворачивавшейся деятельностью. 25 ноября он выехал в Самару для обсуждения с начальником Поволжского охранного отделения полковником А.П. Критским плана ликвидации. Было решено провести ее после приезда в Саратов из-за границы О.С. Минора и выяснения всех террористических намерений. 20 декабря из Берлина в Саратов прибыл еще один нелегал по кличке «Алексей Александрович», по наблюдению «Сеня». Он стал тесно контактировать с Бартольдом и также был кооптирован в ПОК. «Сеня» одобрил тактическую линию Бартольда, состоявшую в том, что первоначальная задача

заключается в укреплении организации, а затем должно последовать убийство начальника Казанского военного округа генерал-лейтенанта А.Г. Сандецкого, которого поволжские эсеры намеревались ликвидировать еще с 1906 году. Для совершения покушения нашлось пять добровольцев: руководитель крестьянского братства в Сердобском уезде крестьянин И.Я. Коротков, учитель из Саратовского уезда Т.И. Мерзлов, неизвестный саратовским жандармам приезжий из Тамбова, которым оказался А.С. Антонов, будущий руководитель восстания тамбовских крестьян против коммунистов в 1920—1921 гг., «Зеленая», а также саратовская сожительница Бартольда М.В. Петровская (кличка наблюдения «Румяная»).

Находившиеся в Саратовской тюрьме эсеры, так называемая «тюремная фракция», вынесли порицание саратовской организации за неприведение в исполнение давно намечавшегося убийства начальника тюрьмы Гумберта, установившего в ней исключительно суровый режим. При обсуждении этого вопроса Бартольд и «Сеня» решили до убийства Сандецкого других терактов временно не производить.

Наконец в Саратов прибыл Минор, сразу же вошедший в ПОК. 30 декабря Мартынов доносил, что известный эсер находится в городе и взят под наблюдение под кличкой «Высокий». Мартынов вспоминал: «Как только я понял и установил точно, что приезжие главари партии начинают налаживать партийные связи в Поволжье, я немедленно предложил начальнику районного охранного отделения собрать в срочном порядке всех начальников губернских жандармских управлений Поволжья для согласования наших действий и выработки общего плана наблюдения и одновременной ликвидации в подходящий момент всего Поволжского областного комитета эсеров. Я выехал на съезд вместе с начальником Саратовского губернского жандармского управления, полковником Семигановским, которого я посвятил в общую картину положения дел. В Самару съехались на наше совещание начальники губернских жандармских управлений из Пензы, Казани, Симбирска, Тамбова, Астрахани и Саратова. Присутствовал, конечно, и начальник Самарского губернского жандармского управления (он же и начальник Поволжского районного охранного отделения), в квартире которого мы и собрались для совещаний... В самом конце декабря я был вызван на свидание “Николаевым”, который с взволнованным видом передал мне для прочтения письмо, только что полученное им по условному адресу. Письмо было из Парижа и, по расшифровке мной, заключало очень краткое сообщение о том, что Азеф, как это точно установлено, является провокатором.

Письмо это было немедленно переписано, снова запечатано и отдано “Николаеву” с условием, что он передаст его Кочетковой только 31 декабря вечером. Я решил использовать этот удобный для меня случай, перемещавший ответственность за предстоящие в Саратове аресты на провокаторство Азефа, и вместе с тем я решил начать ликвидацию приехавших из-за границы лидеров эсеровской партии с раннего утра 1 января наступающего 1909 года, т.е. не давая возможности им разбежаться в разные стороны, что, может быть, они и предприняли, если бы я не ликвидировал своевременно всю налаженную ими организацию»⁴¹.

Аресты начались 1 января и закончились 6 января 1909 года. Результаты их были впечатляющими. Они охватили четыре губернии: Пензенскую (арестовано 17 чел.), Тамбовскую (13 чел.), Самарскую (23 чел.) и Саратовскую. Здесь охранка обнаружила архив областного комитета и типографию саратовской организации, было схвачено восемь человек, в том числе Минор, Бартольд и А.А. Петров, занимавшийся устройством динамитной мастерской. Чтобы избежать каторги, он пошел на сотрудничество с жандармами, а в 1909 г. убил начальника Петербургского жандармского управления полковника С.С. Карпова.

Разгром эсеровских организаций в Поволжье был полным. На докладе об итогах ликвидации директор Департамента полиции Н.П. Зуев наложил резолюцию: «Мартынова надо будет наградить»⁴². В.М. Чернов писал о случившемся так: «О.С. Минор благополучно перешел через границу и в конце декабря прибыл в Саратов. Там он узнал, что предательство Азефа, в которое долго не верилось, окончательно доказано и уже опубликовано Центральным комитетом. Это был для него оглушительный удар. Но машина уже работала. Ранее его приехавшие товарищи успели связаться с местными людьми, и обычный механизм нелегальной работы уже пущен в ход. Опять все то же: организация областного съезда, областного комитета, постановки областной типографии, областного печатного органа. А 2 января 1909 г. массовые аресты смели все это стройное здание, и Минор оказался в одной из самых ужасных тюрем того времени — Саратовской тюрьме»⁴³. Военно-окружной суд приговорил его к 8 годам каторжных работ. Ареста избежал только один член ПОК — «Дед», скрывшийся за границу. Кроме того, жандармы так и не вышли на след типографии ПОК. Ротмистр Мартынов не зря сомневался в правильности сведений о ее местонахождении. Другое дело, что и социалисты-революционеры ею так и не воспользовались. Эсеры, как поволжские, так и заграничные, связали провал с Кочетковой, которую обвинили в провокации.

В качестве эпилога можно привести следующее событие: в 1910 г. в Самарскую губернию из-за границы ненадолго прибыл «Дед», но времена уже были не те и он, всполошивший жандармов своим визитом, ничего не сделав в плане организации эсеров, покинул Поволжье. Эпоха ПОК навсегда ушла в прошлое.

Примечания

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 102, оп. 237, 1907, д. 9, ч. 52, л. 268.
2. Там же, оп. 235, 1906, д. 20, ч. 46, л. 1—2.
3. Государственный архив Ульяновской области (ГА УО), ф. 855, оп. 1, д. 774, л. 4; ГА РФ, ф. 102, оп. 237, 1907, д. 9, ч. 52, л. 195.
4. ГА РФ, ф. 102, оп. 238, 1908, д. 9, ч. 53 прод., ч. I, л. 131.
5. Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИ УО), ф. 57, оп. 1, д. 168, л. 15.
6. Там же, л. 110б.
7. <http://socialist.memo.ru/firstpub/y05/lpk.htm#y5>.
8. ГА РФ, ф. 102, оп. 237, 1907, д. 9, ч. 52, л. А, л. 617об.

9. Там же, оп. 238, 1908, д. 9, ч. 52, л. А, л. 208.
10. Там же, ч. 50, л. 86.
11. СПИРИДОВИЧ А.И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1886—1916. Пг. 1918, с. 306.
12. ГА РФ, ф. 102, оп. 235, 1906, д. 20, ч. 46, л. 5а.
13. СПИРИДОВИЧ А.И. Ук. соч., с. 340.
14. ГА РФ, ф. 102, оп. 237, 1907, д. 9, ч. 50, л. 267об.
15. Там же, ч. 52, л. 276.
16. ФРОЛОВ ГРИГОРИЙ. Террористический акт над Самарским губернатором. — Каторга и ссылка. 1924, № 1(8), с. 117—118.
17. Там же, с. 114.
18. ГА УО, ф. 855, оп. 1, д. 766, л. 238.
19. СПИРИДОВИЧ А.И. Ук. соч., с. 360.
20. ГА УО, ф. 855, оп. 1, д. 867, л. 24.
21. ГА РФ, ф. 102, оп. 237, 1907, д. 9, ч. 50, л. 58.
22. Там же, ч. 52, л. 276.
23. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГА СО), ф. 468, оп. 1, д. 1076, л. 27.
24. Книга русской скорби. М. 2013, с. 441.
25. ФРОЛОВ ГРИГОРИЙ. Ук. соч., с. 115.
26. ГАНИ УО, ф. 57, оп. 1, д. 168, л. 13.
27. ГА УО, ф. 855, оп. 1, д. 399, л. 662.
28. Политическая каторга и ссылка. М. 1934, с. 113.
29. ГА РФ, ф. 102, оп. 238, 1908, д. 9, ч. 53, л. 194.
30. Там же, т. 2, л. 221.
31. Там же, л. 1.
32. ЧЕРНОВ В.М. Перед бурей. Минск. 2004, с. 284—285.
33. ГЕРАСИМОВ А.В. На лезвии с террористами. М. 1991, с. 166.
34. ГА РФ, ф. 102, оп. 238, 1908, д. 9, ч. 53, т. 2, л. 3об.—4об.
35. Там же, л. 7—9, 12об., 34.
36. ГЕРАСИМОВ А.В. Ук. соч., с. 169.
37. МАРТЫНОВ А.П. Моя служба в отдельном корпусе жандармов. «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 1. М. 2004, с. 228—229.
38. ГЕЙФМАН А. Революционный террор в России 1894—1917. М. 1997, с. 229.
39. ГА РФ, ф. 102, оп. 238, 1908, д. 9, ч. 53, т. 2, л. 35об.
40. Там же, л. 94об.
41. МАРТЫНОВ А.П. Ук. соч., с. 232, 240—241.
42. ГА РФ, ф. 102, оп. 238, 1908, д. 9, ч. 53, т. 2, л. 255.
43. ЧЕРНОВ В.М. Ук. соч., с. 286.

К вопросу о «вмешательстве» СССР в парламентские выборы в Греции 1958 г.

А.А. Калинин

Аннотация. В работе рассматриваются обвинения в адрес Советского Союза во «вмешательстве» в парламентские выборы в Греции, которые состоялись 11 мая 1958 года. Работа написана на основе материалов российских и американских архивов. Автор пришел к выводу, что советско-греческие отношения с 1958 г. оказались зависимыми от внутривнутриполитической борьбы в Греции.

Ключевые слова: внешняя политика СССР, холодная война, Греция, внешняя политика США, НАТО, Н.С. Хрущёв, К. Караманлис.

Abstract. The work discusses accusations the Soviet Union of meddling in the Greek Parliamentary elections were held in Greece on 11 May 1958. The work is based on materials from Russian and American archives. The author comes to the conclusion that Soviet-Greek relations since 1958 were dependent on the political struggle in Greece.

Key words: USSR foreign policy, cold war, Greece, US foreign policy, NATO, N. Khrushchev, K. Karamanlis.

Неотделимой частью психологической войны против СССР после второй мировой войны было обличение «советской пропаганды». В адрес Москвы регулярно звучали обвинения во вмешательстве во внутренние дела иностранных государств. Так, в 1958 г. греческие политики и средства массовой информации обвинили СССР и лично советского лидера Н.С. Хрущёва в попытках оказать влияние на результаты парламентских выборов в Греции.

Избранная тема никогда не становилась предметом специального исследования. Как правило, историки ограничиваются анализом итогов выборов 1958 г., подчеркивая успех Единой демократической левой партии (ЭДА), которая заняла второе место и стала главной оппозиционной силой в парламенте¹. В отдельных работах комментируется интервью Хрущёва Х. Ламбракису в начале мая 1958 года².

Калинин Александр Александрович — кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет». Киров. E-mail: leipse@yandex.ru, alexander_kalinin@mail.ru.

Kalinin Alexander A. — PhD (History), associate professor at the Vyatka State University. Kirov. E-mail: leipse@yandex.ru, alexander_kalinin@mail.ru.

Ар.А. Улуныян упоминает критику Москвы газетой «Акрополис» за вмешательство в греческие внутренние дела ³.

Подготовка к назначенным на 11 мая 1958 г. внеочередным парламентским выборам в Греции проходила в условиях стабилизации ситуации в стране и устойчивого экономического роста. Прирост валового национального продукта в 1957 г. достиг 10% при сохранении финансовой стабильности. Это создавало базу для успеха на выборах правящей партии Национальный радикальный союз (ЭРЭ), которую возглавлял премьер-министр Константинос Караманлис. К. Караманлис, занимавший пост министра общественных работ в кабинете А. Папагоса, после его смерти в октябре 1955 г. был назначен королем Павлом I новым главой греческого правительства.

Москва после 1953 г. последовательно проводила курс на развитие всесторонних отношений с Грецией. Как показывают документы Архива внешней политики РФ, Министерство иностранных дел СССР регулярно разрабатывало мероприятия по развитию отношений с этой страной. Советские дипломаты считали, что внутривосточная обстановка в Греции в тот момент способствовала усилению влияния в этой стране СССР, а также ЭДА как «единственной... легальной демократической организации, выражающей интересы трудящихся масс». В Москве были убеждены, что проамериканское правительство Караманлиса намеренно тормозит развитие отношений Греции с СССР и странами народной демократии. Программой максимум советской дипломатии стал поворот Греции к независимой внешней политике. С этой целью СССР пытался воспользоваться имевшимися разногласиями между Грецией и ведущими странами Запада, главным из которых был кипрский вопрос. В Министерстве иностранных дел СССР считали, что провал кипрской политики Караманлиса «усилил недовольство греческого народа как в отношении правительства Греции, так и в отношении правящих кругов Англии, США и Турции». Советские дипломаты сообщали о росте недовольства «односторонней ориентацией греческого правительства Караманлиса на Запад», усилении настроений в пользу проведения политики «равной дружбы» со всеми странами. В МИД считали, что такой поворот окажет влияние на внешнюю политику другого члена НАТО — Италии ⁴.

В условиях внутренней стабильности греческие оппозиционные партии все чаще обращались к внешней политике Караманлиса. Наряду с болезненным кипрским вопросом, правительство подвергалось критике в связи с возможным размещением на территории Греции ядерного оружия. Появление ракет с ядерными боеголовками стало бы серьезной военной угрозой для СССР. В этой связи Москва еще весной 1957 г. выступила с предупреждением Афинам, что размещение в Греции ядерного оружия вынудит СССР пойти на ответные меры ⁵. Вопрос об атомных базах в Греции стал одним из важных в период предвыборной кампании. «Мы не хотим баз, — говорилось в обращении лидера ЭДА И. Пасалидиса к греческому народу. — От результатов выборов будет зависеть, превратится ли наша страна в ракетную базу и объект уничтожения в возможной будущей войне» ⁶. Партия высказывалась за «независимую от диктатора США» миролюбивую внешнюю политику, за освобождение Кипра, осуждала засилье иностранных монополий в экономике Греции ⁷.

Против создания ракетных баз в Греции выступала также коалиция четырех левоцентристских партий — Прогрессистско-аграрно-демократический союз.

В течение избирательной кампании усиливались нападки греческой прессы на ЭДА в связи с ее предполагаемыми связями с запрещенной в декабре 1947 г. Коммунистической партией Греции (КПГ) и на СССР за «вмешательство» в греческие дела. 23 апреля проправительственная газета «Акрополис» опубликовала фотографии советского посла в Греции М.Г. Сергеева во время его визита к кандидату в депутаты от ЭДА А. Заккасу. В течение нескольких дней греческая пресса муссировала тему «вмешательства» Советского Союза в греческую политику и представляла ЭДА как инструмент Кремля. Объяснения Заккаса, что Сергеев зашел к нему, чтобы поздравить с Пасхой, не были приняты во внимание ⁸.

В Вашингтоне считали, что «советский блок» ведет «наступление в дипломатической, торговой и культурной областях, направленное на дальнейшее ослабление связей Греции с Западом», легализацию запрещенной КПГ. Американские аналитики с тревогой отмечали, что советская пропаганда способствует снижению прозападных настроений в греческом обществе, хотя этот процесс еще не зашел слишком далеко ⁹. Госдепартамент США был убежден, что ЭДА — это закамуфлированная коммунистическая партия, а ее ежедневная газета «Авги» фактически поддерживает программу коммунистов и является адвокатом интересов Москвы ¹⁰.

3 и 4 мая газеты «Неа» и «Вима» опубликовали письменные ответы председателя Совета министров СССР Хрущёва на вопросы издателя греческих газет Х. Ламбракиса. Советский лидер призвал «покончить с холодной войной» и высказался за дальнейшее расширение связей Греции и СССР. Отметив рост товарооборота между СССР и Грецией с 1953 г. в семь раз, Хрущёв выразил готовность Советского Союза помочь индустриализации Греции. Он подчеркивал, что наличие атомных баз на греческой территории в случае военного конфликта могло бы навлечь на страну ответный ядерный удар «со всеми вытекающими отсюда трагическими последствиями». Хрущёв указал, что некоторые члены НАТО (имелись в виду Дания и Норвегия) отказались от планов размещения на своей территории ракетно-ядерного оружия, давая понять, что и Афины могут пойти по этому «разумному пути». Ответственность за затягивание решения кипрского вопроса советский лидер возложил на страны НАТО. Он также высказался за мирное сотрудничество балканских государств, превращение Балкан в «зону мира». При этом Хрущёв избегал упоминания партии ЭДА ¹¹.

В целом, СССР поощрял амбиции Афин играть более значительную роль на Балканах и Ближнем Востоке вместо следования в фарватере политики США. Американские дипломаты не нашли в интервью каких-либо новых положений, но обратили внимание на время его публикации — за неделю до парламентских выборов ¹².

Сразу после появления интервью греческая проправительственная пресса обрушилась с критикой на Хрущёва. Газеты «Акрополис», «Этникос кирикс» и «Апоевматини» заявили, что ответы советского лидера предназначены для предстоящих 11 мая выборов и преследуют

цель вмешательства во внутренние дела Греции в пользу ЭДА. При этом осторожные замечания Хрущёва относительно опасности для самой Греции размещения на ее территории ракетно-ядерного оружия были расценены как прямая угроза. Газета «Акрополис» писала: «Советский Союз угрожает в вопросе о базах и дает демагогические обещания относительно экономической помощи». «Апоевматини» также отметила, что «интервью полно угроз», и его тон не допустим для премьера, который обращается к «печати дружественной страны»¹³. США, тем не менее, пришлось опровергнуть слухи о заключении секретного соглашения с Грецией о создании ракетных баз¹⁴.

В выступлениях греческих политиков усилился накал антикоммунистической риторики. Резко негативно интервью Хрущёва оценили лидеры Национального радикального союза. Глава ЭРЭ Караманлис заявил: «Советские руководители совершили ошибку, сделав заявления накануне наших выборов для того, чтобы повлиять на их исход. Это является недопустимым вмешательством во внутренние дела страны». «Коммунизм — враг № 1 Греции», — утверждал Караманлис¹⁵. Авторитетный член Национального радикального союза и бывший постоянный заместитель министра иностранных дел Греции П. Пипинелис утверждал, что «интервью Н.С. Хрущёва является... грубой попыткой запугать избирателей и повлиять на ход избирательной борьбы». По его утверждению, СССР ставит Грецию перед дилеммой: либо она уйдет из НАТО, либо будет уничтожена. Интервью, заявлял Пипинелис, имеет целью изолировать Грецию, которая не будет иметь атомного оружия, в то время как Советский Союз располагает всеми видами оружия. Лидер либералов С. Венизелос заявил, что «русский премьер-министр избрал очень неподходящий момент для интервью такого содержания»¹⁶. Либералы говорили о «глубоком кризисе» просоветской ЭДА, но также критиковали и Запад. Один из лидеров Либеральной партии Г. Папандреу назвал союз с западными странами «меньшим из двух зол» для Греции¹⁷.

В посольстве США обращали внимание на попытки ЭРЭ использовать интервью Хрущёва против своих политических противников — не только ЭДА, но и Либеральной партии. При этом, отмечали американцы, греческие газеты мало говорят о сути обращения Хрущёва, пытаясь использовать в интересах своих партий сам факт его вмешательства в избирательную кампанию. Дипломаты не считали, что интервью усилит политические позиции ЭДА¹⁸.

Многочисленные прогнозы результатов выборов отдавали первое место Национальному радикальному союзу Караманлиса, который мог получить около 40% голосов, Либеральной партии прочили примерно 27% голосов и второе место, ЭДА отводилось третье место с 15% голосов. Единая демократическая левая партия могла, по прогнозу американцев, завоевать 22 или 23 депутатских мандата из 300. Посол США в Греции Дж. Ридлбергер признавал, что интервью Хрущёва может оказать некоторое влияние на результаты выборов¹⁹. 10 мая американское посольство прогнозировало, что ЭРЭ получит примерно 41% голосов, Либеральная партия — 26, ПАДЭ — 15, а ЭДА — только 13%²⁰.

Однако по результатам выборов 11 мая на второе место неожиданно вырвалась ЭДА. ЭРЭ набрал 41% голосов (171 мандат), ЭДА

получила 24,5% (79 депутатских мест), Либеральная партия оказалась на третьем месте, собрав меньше 21% голосов (36 мандатов), ПАДЭ получил 10,5% (9 мандатов). Результаты выборов свидетельствовали о провале центристских партий и усилении политической поляризации между правыми и левыми. Итоги выборов стали и личной победой Караманлиса, расчет которого на досрочные выборы оправдал себя. ЭРЭ удалось получить больше депутатских мандатов, чем на выборах 1956 г. (тогда у нее было 165 мест)²¹. 17 мая новое греческое правительство во главе с Караманлисом было приведено к присяге.

Результаты выборов американцы оценивали неоднозначно: очевидный успех ЭРЭ вселял уверенность в приверженность Афин прежнему прозападному курсу, однако высокий процент ЭДА свидетельствовал об усилении политических позиций прокоммунистических сил. Американское посольство в Греции связывало успех ЭРЭ с достижениями правительства Караманлиса, в том числе ускорением темпов экономического роста²². Как писала 13 мая газета «Нью-Йорк Таймс», «в целом результаты национальных выборов в Греции Запад может приветствовать, но в то же время они служат предостережением... Национальный радикальный союз настроен решительно в пользу Запада и НАТО, и его замечательная победа в многопартийной стране обеспечит Греции на 5 или более лет устойчивое правительство, которое уже добилось существенного экономического прогресса». В то же время, отмечала газета, «объявленная вне закона коммунистическая партия, маскирующаяся под вид Единой демократической левой, получила вдвое больше голосов», чем на прошлых выборах. Успеху ЭДА способствовали и «советские угрозы ответного атомного разрушения наряду с обещаниями закупить греческий табак»²³.

В американском посольстве высокий процент ЭДА связывали с протестным голосованием. Недовольство «системой» как во внутреннем, так и в международном аспекте проистекало из налоговой и социальной политики правых правительств, которая вела к росту неравенства, а также из отсутствия поддержки позиции Греции по Кипру со стороны ее союзников. В сфере внешней политики Грецию все больше поражал «комплекс Золушки»: сотни тысяч греков испытывали обиду, что ее старшие сестры по НАТО игнорируют позицию Афин по Кипру и отдают предпочтение Турции. В результате, 59% избирателей проголосовали за партии, которые либо выступали за выход из НАТО, либо требовали «морального равенства» с другими членами Альянса²⁴. Процент протестного голосования оценивался американцами от 8 до 14% голосов, то есть «ядерный» (прокоммунистический) электорат ЭДА не превышал 17%. При этом дипломаты склонны были считать внутренние факторы главной причиной столь высокого протестного голосования²⁵. Опасность состояла в том, что СССР мог расценить итоги выборов как свидетельство эффективности влияния на греческий электорат с помощью обращений, подобных интервью Хрущёва. Это могло подтолкнуть Москву к еще большей активизации пропаганды в Греции²⁶.

Американское посольство пришло к заключению, что интервью Хрущёва оказало некоторое влияние на результаты выборов. Хотя, как считали американцы, оно было явно призвано помочь ЭДА, од-

нако его содержание, особенно завуалированные угрозы Греции, помогли также получить дополнительные голоса Караманлису как фигуре, вокруг которой могла сплотиться греческая нация перед лицом коммунистической опасности. Таким образом, вмешательство Хрущёва лишь усилило существовавшую тенденцию к поляризации греческого политического спектра, и больше всего от него пострадали центристские партии²⁷. США опасались, что тенденция политической поляризации может получить продолжение. В национальной разведывательной оценке NIE 32—58 «Перспективы стабильности и внешнеполитической позиции Греции» от 23 сентября 1958 г. допускалось, что на следующих выборах ЭДА может получить треть голосов избирателей²⁸.

Греческие политики успех ЭДА приписывали внешним факторам. Ответственность за это в первую очередь возлагалась на США. Либеральная газета «Элефтерия» связывала успех ЭДА с «постепенным накоплением недовольства большинства народа политикой Запада. Циничное поведение западных держав в кипрском вопросе... диктат в отношении нас — все это каждый раз неизбежно приводило к росту антизападных настроений»²⁹. Эту позицию подтвердил Караманлис во время беседы с Ридлбергером 26 мая. Он связал высокий процент ЭДА с «несправедливым обращением» со стороны союзников, включая США³⁰. Греческие журналисты признавали, что советская информационная атака по вопросам о Кипре и размещении ракетных баз оказалась эффективной. Поддержка СССР позиции Греции по кипрскому вопросу принесла дополнительные голоса ЭДА³¹.

Власти на успех ЭДА отреагировали репрессиями. Уже в первые дни после выборов последовали заявления о наличии угрозы безопасности страны, исходящей от ЭДА. 14 мая постоянное представительство Греции при НАТО направило в Совместную рабочую группу Альянса по информационной политике и культурному сотрудничеству записку с предложением о создании «Комитета по изучению советской пропаганды». Греческая сторона заявляла о необходимости разработки методов защиты от психологической войны со стороны СССР и предложила НАТО разработать механизм согласованной реакции на «советскую пропаганду»³².

Полиция, ссылаясь на «защиту демократии и безопасности греческого народа», приступила к арестам членов и сторонников ЭДА, обыскам в канцеляриях партии. Министерство внутренних дел Греции объявило, что деятельностью ЭДА руководят КППГ и Советский Союз. В начале июля большинство греческих газет развернули пропагандистскую кампанию против ЭДА с целью «доказать» участие партии в «коммунистическом заговоре» против Греции. 5 июля газета «Этникос кирикс» сообщила, что 4 депутата ЭДА во время пребывания в Румынии, Болгарии и СССР якобы получили указания от КППГ, касающиеся тактики во время парламентских выборов. Газета потребовала поставить ЭДА вместе с другими «отделениями КППГ» вне закона, лишить гражданских прав сторонников коммунизма и распустить Греко-советское общество. «Апоевматини» предложила провести чистку государственного аппарата от «коммунистических элементов». Появлялись сообщения о многочисленных арестах и увольнениях с работы членов и сторонников ЭДА за «подрывную политическую де-

тельность»³³. Начиная с 31 августа канцелярии ЭДА стали подвергаться нападениям «неизвестных лиц». В городах Козани и Волосе в отделения партии были брошены бомбы. В Аргосе неизвестные подожгли помещение местной организации ЭДА³⁴.

Правительство Караманлиса выступило со специальным заявлением, назвав ЭДА «замаскированным орудием Коммунистической партии Греции, действующим против интересов страны», которая «использует кипрский вопрос как средство ослабления западного мира» и «стремится к моральному и материальному разоружению Греции». Власти объявили, что «в ЭДА скрываются лица, занимающиеся подрывной деятельностью, и что они составляют твердое ядро КПГ, действующее нелегально»³⁵. Коммунизм был объявлен единственной угрозой греческой демократии³⁶. Широко обсуждалось предложение объявить ЭДА вне закона. Опасения такого шага со стороны властей стали одной из причин откола от ЭДА в начале сентября группы из 12 депутатов во главе с И. Циримокосом³⁷.

К началу декабря число арестованных и сосланных членов и сторонников ЭДА достигло 170. В это число вошли 18 кандидатов от ЭДА на парламентских выборах 1958 года³⁸. В декабре в греческой прессе появились ложные сообщения, что «запрещенная КПГ готовится возобновить вооруженную партизанскую борьбу против правительства». При этом подчеркивалось, что взгляды коммунистов представлены в парламенте широкой оппозиционной группой ЭДА³⁹. 5 декабря был арестован герой греческого движения Сопротивления, секретарь ЭДА по организационным вопросам и главный редактор газеты «Авги» Манолис Глезос по обвинению в контактах с Политбюро ЦК КПГ, «соучастии» и «помощи» лицам, занимающимся «шпионской деятельностью»⁴⁰.

Еще одним решением Караманлиса стало замораживание культурных, научных, спортивных и других связей Греции с СССР и другими социалистическими странами, которые, по мнению греческих властей, усиливали влияние ЭДА⁴¹. Греческое правительство обратилось к американцам с просьбой активизировать греко-американские культурные связи. Информационное агентство США, главный орган американской внешнеполитической пропаганды, получило указания принять контрмеры против советского культурного наступления в Греции⁴². Новый греческий кабинет допускал только экономические связи с Москвой, которые позволяли Греции извлекать ощутимую выгоду. 21 июля 1958 г. было подписано «Долгосрочное Соглашение между СССР и Грецией о взаимных поставках товаров» на 1958—1960 годы. Соглашение предусматривало увеличение товарооборота между странами к 1960 г. в 2,5 раза по сравнению с 1957 годом⁴³.

В начале сентября греческий МИД направил иностранным посольствам уведомление, что опубликование и распространение «пропагандистских материалов» противоречит законам Греции. Целью этого мероприятия было пресечение «советской пропаганды». Греческая пресса объявила распространение бюллетеня советского посольства «Советские новости» «враждебным действием». Газета «Апоевматини» утверждала, что на средства СССР действуют радиостанции в Праге и других местах, которые ведут антигреческую пропаганду⁴⁴. Посоль-

ство США полностью поддержало меры греческого правительства, расценив их как, «возможно, запоздалое признание Грецией опасностей, исходящих от коммунистической пропаганды»⁴⁵.

Реакцией СССР на антисоветскую кампанию стала публикация газетой «Известия» 12 ноября статьи «Развивать традиционные советско-греческие связи». В ней подчеркивались успехи в развитии экономических и культурных связей между двумя странами с 1953 г., но отмечались негативные тенденции в советско-греческих отношениях за последние полгода, которые расценивались как «отголосок холодной войны»: ограничение культурных связей с социалистическими странами и появление многочисленных антисоветских статей в греческой прессе. Под различными предлогами были сорваны поездки в Афины советских ученых, артистов и спортсменов, греческим делегациям был запрещен выезд в СССР. «Известия» обращали внимание, что охлаждение отношений Афин и Москвы совпало с новым обострением кипрского вопроса, выдвинув предположение, что антисоветская кампания преследует цель отвлечь внимание греческого народа от колонизаторской политики западных держав. В статье говорилось, что СССР стремится к дальнейшему развитию всесторонних отношений с Грецией на регулярной и прочной основе⁴⁶.

В ответ на статью в «Известиях» газета «Катимерини» писала, «что предпосылкой для развития греко-советских отношений должен быть искренний и окончательный отказ Советского Союза от попыток косвенно или прямо повлиять на греческую внутреннюю или внешнюю политику». «Акрополис» и «Апоевматини» обвинили «Известия» в демагогии. «Советская Россия...», — писала газета «Акрополис», — недовольна, так как не может наводнить ее (Грецию. — А.К.) своими “посланниками”, и демагогически выступает по кипрскому вопросу»⁴⁷. Кампании против ЭДА и СССР были продолжены.

Греческое правительство при поддержке депутатов от ЭРЭ пошло в начале 1959 г. на изменение законодательства о проведении муниципальных выборов, чтобы изолировать ЭДА от других оппозиционных партий. Также было отменено избрание мэров непосредственно избирателями. Кабинет Караманлиса заявил, что за ЭДА голосуют в основном «коммунистические, а не национально-мыслящие избиратели» и что, сотрудничая с ЭДА, партии оппозиции пользуются поддержкой «врагов Греции»⁴⁸.

Таким образом, парламентские выборы 1958 г. стали важной вехой в развитии советско-греческих отношений, которые после периода «потепления» 1953—1957 гг. из-за позиции греческой стороны вновь стали охлаждаться. Отношения двух стран теперь были поставлены в зависимость от внутривнутриполитической борьбы в Греции. Успех на выборах партии ЭДА стал неожиданным для греческой элиты: всего через восемь лет после окончания гражданской войны (август 1949 г.) поддерживаемая КПГ партия смогла получить четверть голосов избирателей. Греческие власти ответили административными методами. Репрессии и информационная кампания призваны были дискредитировать и организационно ослабить ЭДА. Этот нажим дал свои результаты: в дальнейшем партия не добивалась таких успехов, как в 1958 году. На выборах 1961 г. ЭДА получила 14,5% голосов. Хотя аме-

риканцы не были инициаторами гонений на ЭДА, они поддержали эту кампанию, рассчитывая на ослабление враждебной политической силы и уменьшение советского влияния в Греции.

Холодная война делала двусторонние связи СССР и Греции зависимыми от биполярной конфронтации. Советский Союз придерживался классового подхода во внешней политике, оказывая моральную поддержку левым греческим политикам. Успех ЭДА связывался правительством Караманлиса с ростом экономических, культурных, научных и спортивных советско-греческих контактов, которые формировали позитивный образ Советского Союза, размывая сконструированный пропагандой образ врага. Поэтому в 1958 г. греческие власти выработали новый подход к отношениям с Советским Союзом: развитие экономических отношений, необходимых для сбыта греческих сельскохозяйственных товаров, при замораживании культурных контактов и минимизации политических связей.

Примечания

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-01-50066.

1. CLOSE D.H. Greece since 1945: Politics, Economy and Society. L.-N.Y.-Toronto. 2002, p. 101; HATZIVASSILIOU E. Greece and the Cold War. Frontline State, 1952—1967. L.-N.Y. 2006, p. 63, 69; УЛУНЯН АР.А. Политическая история Греции: Учебное пособие. М. 2004, с. 125—127.
2. GKOTZARIDIS E. A Pacifist's Life and Death: Grigorios Lambrakis and Greece in the Long Shadow of Civil War. Newcastle upon Tyne. England. 2016, p. 189—190.
3. УЛУНЯН АР.А. Балканы: горячий мир холодной войны. Греция и Турция между Западом и Востоком. 1945—1960 гг. М. 2001, с. 217.
4. Архив внешней политики РФ (АВП РФ), ф. 084, оп. 45, п. 164, д. 12, л. 1—6, 9—11, 22, 73, 74, 78, 84.
5. Государственный архив РФ (ГА РФ), ф. Р-4459, оп. 27, д. 18071, л. 70.
6. Там же, д. 18966, л. 114.
7. Там же, л. 154.
8. J.E. Horner (Counselor of Embassy for Political Affairs) to the Department of State. Joint Weeka No. 18 for State, Army, Navy and Air Departments. Athens, Greece. April 29, 1958. U.S. National Archive and Records Administration, College Park, Maryland, USA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1955—1959. Box 3724. 781.00(W)/4—2958, p. 4.
9. Foreign Relations of the United States. 1958—1960. Vol. X, Part 2. Eastern Europe, Finland, Greece, Turkey. Wash. 1993, p. 617, 618, 624.
10. R. Dreessen to M. Williams. Office Memorandum. Composition of EDA. Washington, D. C. May 13, 1958. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1955—1959. Box 3722. 781.00/5—1358.
11. ГА РФ, ф. Р-4459, оп. 27, д. 18966, л. 147; Правда. 4.V.1958, с. 1—2; J.E. Horner to the Department of State. Joint Weeka No. 19 for State, Army, Navy and Air Departments. Athens, Greece. May 6, 1958. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1955—1959. Box 3724. 781.00(W)/5—658.
12. J.E. Horner to the Department of State. Joint Weeka No. 19 for State, Army, Navy and Air Departments. Athens, Greece. May 6, 1958. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1955—1959. Box 3724. 781.00(W)/5—658.
13. ГА РФ, ф. Р-4459, оп. 27, д. 18 966, л. 148, 151.
14. Memorandum of Conversation. Comments on Greek Elections and the Khrushchev Interview. Participants: A. Angelopoulos (Correspondent for “Acropolis” and “Apogevmatini”), S. Campbell (Near Eastern Affairs/Policy Division). Washington,

- D. C. May 16, 1958. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1955—1959. Box 3722. 781.00/5—1658.
15. ГА РФ, ф. Р-4459, оп. 27, д. 18966, л. 153, 159.
 16. Там же, л. 152, 159.
 17. J.W. Riddleberger (U. S. Ambassador to Greece) to the Secretary of State. Athens, Greece. May 10, 1958. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1955—1959. Box 3722. 781.00/5—1058.
 18. J.E. Horner to the Department of State. Joint Weeka No. 19 for State, Army, Navy and Air Departments. Athens, Greece. May 6, 1958. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1955—1959. Box 3724. 781.00(W)/5—658 p. 3.
 19. J.W. Riddleberger to the Secretary of State. Athens, Greece. May 6, 1958. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1955—1959. Box 3722. 781.00/5—658; J. E. Horner to the Department of State. Joint Weeka No. 19 for State, Army, Navy and Air Departments. Athens, Greece. May 6, 1958. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1955—1959. Box 3724. 781.00(W)/5—658, p. 4.
 20. J.W. Riddleberger to the Secretary of State. Athens, Greece. May 10, 1958. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1955—1959. Box 3722. 781.00/5—1058.
 21. ГА РФ, ф. Р-4459, оп. 27, д. 18966, л. 188; FRUS. 1958—1960. Vol. X, Part 2. P. 613; O. Jones to W. Rountree. Office Memorandum. Greek Elections. Washington, D.C. May 13, 1958. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1955—1959. Box 3722. 781.00/5—1358; J.E. Horner to the Department of State. Joint Weeka No. 21 for State, Army, Navy and Air Departments. Athens, Greece. May 20, 1958. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1955—1959. Box 3724. 781.00(W)/5—2058, p. 2.
 22. J.E. Horner to the Department of State. Joint Weeka No. 20 for State, Army, Navy and Air Departments. Athens, Greece. May 14, 1958. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1955—1959. Box 3724. 781.00(W)/5—1458, p. 2.
 23. ГА РФ, ф. Р-4459, оп. 27, д. 18 966, л. 177—178.
 24. J.W. Riddleberger to the Secretary of State. Athens, Greece. May 12, 1958. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1955—1959. Box 3722. 781.00/5—1258; J.E. Horner to the Department of State. Joint Weeka No. 20 for State, Army, Navy and Air Departments. Athens, Greece. May 14, 1958. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1955—1959. Box 3724. 781.00(W)/5—1458, p. 2—3; J.E. Horner to the Department of State. Joint Weeka No. 21 for State, Army, Navy and Air Departments. Athens, Greece. May 20, 1958. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1955—1959. Box 3724. 781.00(W)/5—2058, p. 3; American Embassy in Athens to the Department of State. Analysis of the Greek National Elections, May 1958. Athens, Greece. June 5, 1958. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1955—1959. Box 3722. 781.00/6—558.
 25. R. Dreessen to M. Williams. Office Memorandum. Composition of EDA. Washington, D. C. May 13, 1958. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1955—1959. Box 3722. 781.00/5—1358, p. 2.
 26. O. Jones to W. Rountree. Office Memorandum. Greek Elections. Washington, D. C. May 13, 1958. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1955—1959. Box 3722. 781.00/5—1358.
 27. American Embassy in Athens to the Department of State. Analysis of the Greek National Elections, May 1958. Athens, Greece. June 5, 1958. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1955—1959. Box 3722. 781.00/6—558, p. 8, 9.
 28. FRUS. 1958—1960, vol. X, part 2, p. 634.
 29. ГА РФ, ф. Р-4459, оп. 27, д. 18 966, л. 179.
 30. J.E. Horner to the Department of State. Joint Weeka No. 23 for State, Army, Navy and Air Departments. Athens, Greece. June 4, 1958. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1955—1959. Box 3724. 781.00(W)/6—458.
 31. Memorandum of Conversation. Comments on Greek Elections and the Khrushchev Interview. Participants: A. Angelopoulos (Correspondent for “Acropolis” and “Apogevmatini”), S. Campbell (Near Eastern Affairs/Policy Division). Washington, D. C. May 16, 1958. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1955—1959. Box 3722. 781.00/5—1658.

32. HATZIVASSILIOU E. *Op. cit.*, p. 63.
33. ГА РФ, ф. Р-4459, оп. 27, д. 18 967, л. 82, 89, 118, 190, 213; д. 18 968, л. 50.
34. Там же, д. 18 968, л. 61, 62, 65, 72.
35. Там же, д. 18 967, л. 196, 207.
36. Там же, д. 18 968, л. 279.
37. J.E. Horner to the Department of State. Joint Weeka No. 36 for State, Army, Navy and Air Departments. Athens, Greece. September 2, 1958. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1955—1959. Box 3725. 781.00(W)/9—2558, p. 2.
38. ГА РФ, ф. Р-4459, оп. 27, д. 18969, л. 265.
39. Там же, л. 281, 283.
40. Там же, л. 282, 283, 285, 286; д. 19 944, л. 2, 3; ВИТИН М.Г. Манолис Глезос. — Вопросы истории. 1967, № 9, с. 150—151.
41. ГА РФ, ф. Р-4459, оп. 27, д. 18 966, л. 269—271; д. 18 967, л. 132; АВП РФ, ф. 084, оп. 43, п. 52, д. 4, л. 172, 173.
42. STEFANIDIS I.D. “Telling America’s story”: US propaganda operations and Greek public reactions. — *Journal of the Hellenic Diaspora*, vol. 30, No. 1 (2004), p. 68; FRUS. 1958—1960, vol. X, part 2, p. 623, 624.
43. АВП РФ, ф. 84, оп. 41, п. 47, д. 6, л. 38, 39; ГА РФ, ф. Р-4459, оп. 27, д. 18967, л. 167.
44. ГА РФ, ф. Р-4459, оп. 27, д. 18 968, л. 63, 96; STEFANIDIS I.D. *Op. cit.*, p. 69.
45. J.E. Horner to the Department of State. Joint Weeka No. 36 for State, Army, Navy and Air Departments. Athens, Greece. September 2, 1958. NARA. RG 59. General Records. Central Decimal File, 1955—1959. Box 3725. 781.00(W)/9—2558, p. 2.
46. Известия. 12.XI.1958, с. 3.
47. ГА РФ, ф. Р-4459, оп. 27, д. 18 969, л. 145, 146.
48. Там же, д. 19 944, л. 101, 102, 300—302.

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ББК 63.3(0)61

Риторика в духе «воинственного» обличения в академической полемике 20-х — 30-х гг. XX в.

Н.Х. Орлова

Аннотация. В работе вводятся в оборот архивные документы, иллюстрирующие академическую полемику 20—30-х гг. XX века. В это время научные элиты формировали ее, своего рода, канон. На конференциях нарабатывалась риторика в духе «воинственного» обличения. Документы свидетельствуют, что все участники полемики, обличители и обличаемые, неуклонно следовали канону. Далее это закреплялось в печатном слове, тиражировалось и служило определенным ориентиром для широких масс.

Ключевые слова: Общество воинствующих материалистов-диалектиков, В.И. Ленин, советская наука, история философии, марксизм-ленинизм, научная полемика.

Abstract. Introduced into circulation archival documents illustrate an academic polemic in 20—30s of XX century. At this time, scientific elites form some kind of the polemic canon. A military style rhetoric of aggressive accusation is acquires in various conferences. Documents demonstrate that all participants of that actions, both accusers and defendants, steadily followed the canon. Further, this method was in use in the mass media and served as a reference point for broad masses.

Key words: Society of Militant Materialists Dialecticians, V.I. Lenin, Soviet science, history of philosophy, marxizm-Leninism, scientific polemic.

В передовице журнала «На литературном посту» в конце 1928 г. было написано, что «истекший литературный год может быть определен как год, в который наибольшее количество лучших литературных произведений принадлежит пролетарской литературе... Борьба с троцкистской теорией культурного строительства, которую мы вели прошлые годы, в основном успешно закончена»¹. Однако в Политехническом музее состоялся вечер под названием «С кем и за что мы будем драться в 1929 году?» Призыв к драке обосновывался тем, что «ликвидаторы пролетарской литературы не исчезли. Они лишь отступили на новые позиции, они лишь по-новому пытаются замаскироваться...² Враг отступил вглубь литературы»³.

Орлова Надежда Хаджимерзановна — доктор философских наук, профессор Института философии Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: nadinor@mail.ru.

Orlova Nadezda Kh. — doctor of philosophical sciences, professor at the Institute of Philosophy. St. Petersburg State University. E-mail: nadinor@mail.ru.

Думается, что уклониться от прокладываемого курса риторики было невозможно. И, вместе с тем, даже стратегия активного участия в псевдофилософской игре под названием «Ленин как философ», не обеспечивала бонус неприкосновенности. Это замечательно иллюстрирует хроника периодики, архивных документов, со страниц которых звучат воинственные разоблачения, причем, тот, кто вчера разоблачал, завтра сам попадал в список подозреваемых. Активные разоблачители парадоксальным образом рисковали еще и тем, что становились более заметными, а значит и более уязвимыми, их могли обвинить в том, что они разоблачают не то, не тех и не так. Утверждалось, что на данном этапе обостренной классовой борьбы чистота марксистской теории во всех областях должна быть выше, чем когда бы то ни было. Маски должны были срываться не только в искусстве, но и в полемике о нем, не только в науке, но и в дискуссиях о ней, не только в литературе, но и в литературоведении. Недоверие создавало фон тотальной опасности, «которая угрожает зачастую марксизму именно со стороны его наиболее пламенных на словах сторонников»⁴. Ведь даже такие «откровенные идеалисты и метафизики как А. Белый клянутся Энгельсом и диалектикой, или как В. Шкловский заявляют о своей близости к марксизму»⁵.

Для решения задач почти военного значения организовывались разные общества, ассоциации, конференции, издания. В сами названия этих структур встраивалась идея необходимости беспощадной борьбы с актуальным врагом и, конечно, следования идеологической платформе марксизма-ленинизма⁶. Характерный пример: Всесоюзная ассоциация Общества воинствующих материалистов-диалектиков (ОВМД), созданная в апреле 1929 года.

Из протокола № 1 ассоциации ОВМД от 5—6 июня 1929 г. становятся известны имена главных на тот момент, «воинствующих» лиц: Деборин, Стэн, Карев, Гессен, Маньковский, Митин, Тащилин, Выдра, Беркович, Демчук, Степовой, Разумовский, Дынник, Губанов, Подволоцкий, Дитяткин, Юринец, Кривцов, Левит. Обсуждались организационные вопросы проведения Всесоюзного марксистско-ленинского философского съезда в апреле 1930 года. В повестку пленарных заседаний включались доклады: «Вступительное слово о задачах философии в СССР» (Деборин), «Ленин и теория диалектики» (Деборин), «Проблема причинности в современной физике» (Гессен), «Диалектика Маркса в “Капитале”» (Карев), «Проблема марксистской истории философии» (Луппол), «Критика философии современного ревизионизма» (Стэн)⁷.

Эти люди фигурировали как законодатели генерального направления в развитии философии в СССР и, входя в состав Президиума съезда, формулировали основные положения Устава общества⁸. Однако очень скоро имена некоторых его основоположников подвергнутся беспощадному остракизму. И основная задача всякого идеологически сознательного «воина» будет включать в себя «разоблачение, разгром именно этих идеологических вылазок классового врага», среди которых — коммунисты-марксисты Перверзев, Деборин, Рубин — «обманутые защитной терминологией ревизионизма», превратившиеся в «агентуру враждебной классовой идеологии»⁹. -

В стенограмме конференции ОВМД. от 12.03.1931 г. чувствуется пафос обличения тех, кто стоял у истоков формирования воинствующих идеологических канонов.

Двухчасовой пленарный доклад Митина «Об итогах философской дискуссии и о задачах, которые стоят перед нами» подвел своеобразные итоги этого процесса канонизации. С одной стороны, «в смысле теоретической работы мы за последние годы имеем не только завершение той борьбы с механистическими материалистами, которую мы начали несколько лет тому назад. Но мы имеем также разоблачение меньшинствующим идеализмом... Мы сейчас раскрыли оторванность теории от практики, имевшуюся на прошлом этапе философского развития. Мы раскрыли непонимание и извращение Ленина на прошлом этапе философского развития»¹⁰. В риторике того времени присутствовало выражение «философский фронт», на котором происходила «философская драка». Совпасть с ее сутью можно было лишь связав философскую дискуссию с «процессом обостренной классовой борьбы». Собственно, это был канон, которому требовалось следовать на полемической площадке, будь то выступление на собрании или на страницах текста. Дискуссионные направления маркировались именами их идейных лидеров: борьба велась с «рубинщиной» в области теории политической экономии, с «переверзиевщиной» в литературоведении, кроме того, выступали против «деборинщины». «Мы имеем также воскрешение, восстановление, новое химическое возрождение в той или иной форме» различных меньшевистских теорий¹¹.

С другой стороны, задача выбора облегчалась генеральными идеологическими ориентирами — тем, что итоги дискуссии были подведены решениями Центрального комитета партии, опубликованными в газете «Правда» и в журнале «Под Знаменем Марксизма». Переломным моментом в ходе философской дискуссии, безусловно, стало высказывание Сталина в беседе с Бюро ячейки Института красной профессуры, которая состоялась в середине декабря 1930 года. Таким образом, «решения ЦК представляют собой такой документ, который по существу есть программа нашей дальнейшей теоретической работы на других ближайших участках нашего фронта»¹².

Все, что происходило в области философской дискуссии, было взято «под жесткий политический обстрел после выступления тов. Сталина на конференции аграрников-коммунистов». Таким образом «центральным стержнем всей драки» объявлялась проблема партийности в философии, которая суть, проблема большевистской борьбы. В качестве показательного примера приводился один из «грехов» — это постановка вопроса о выделении собственно ленинизма, как отдельной от марксизма теории. «Выразителем таких взглядов до самого недавнего времени вплоть до его ареста являлся Рязанов... Ясно становится сейчас, что значит быть марксистом, но не ленинистом, что значит быть марксистом, но не большевиком и т.д.»¹³

В список целой плеяды согрешивших «теоретиков» попали Карев, Деборин, Троцкий, Зиновьев, Преображенский, Бухарин. Так, Кареву вменялся в вину его тезис о том, что ленинизм не может пониматься как развитие марксизма, а Деборину — утверждение, что ленинизм — «это есть ничто иное как марксизм на практике». И

Плеханов в этом случае понимался как теоретик, а Ленин — как практик. Таким образом они дополняли друг друга.

Собственно, перечисляемые в докладе имена давали подсказки, кого и как следовало цитировать. «О ленинизме писал Зиновьев, писал Троцкий, писал Бухарин, писал Деборин. Но все они неправильно тогда и в течение всего периода ставили вопрос. Единственным верным последовательным учеником Ленина, кто дал теоретическую формулировку ленинизма — является Сталин». Таким образом, важнейшим был «вопрос о ленинизме в философии», который понимался как программа предстоявшей работы, как «перспектива дальнейшей нашей теоретической работы в области философии»¹⁴.

Практически все выступления в той или иной форме повторяли канон, заявленный в пленарном докладе. Вот несколько примеров.

В докладе Тымянского «О задачах ОВМД в первый год работы» говорилось:

Первая задача — борьба «против механистических ревизий марксистско-ленинской мысли». Вторая — «создание кадров естественников-общественников, кадров, знающих диалектический материализм и усвоивших методологию диалектического материализма». Третья — «задача антирелигиозной пропаганды»¹⁵.

По первому вектору рапорт звучал так: «мы имели борьбу с павловской школой, которая пыталась отождествить учение об условных рефлексах с марксизмом... борьбу с идеализмом, с механическим материализмом, с отождествлением марксизма и дарвинизма в физике... борьбу с представителями аксиоматики, логики»¹⁶.

По второй задаче реализуется своеобразная стратегия на опережение возможной критики, дается развернутый анализ «ошибок», допущенных ОВМД. «Если бы я хотел подвести некоторые итоги тем недостаткам, которые мы имели на прошлом этапе философского руководства, то позвольте указать на два таких недостатка. Первый заключается в том, что мы извращали Ленина и в основном не понимали Ленина; в пропаганде занимались пропагандой не Ленина, а Гегеля. Основная сущность извращений заключается в следующем. Самый закон единства противоположности, основной закон Ленина, основной закон его методологии — нами не только не понимался, но просто извращался нами. Искажалось само понимание, дух ленинского понимания этого закона»¹⁷.

Шейн утверждал: «Наша задача заключается не в том, чтобы плестись в хвосте за современным естествознанием, наша задача заключается в том, чтобы переработать естествознание и сознательным образом внести в него материалистическую диалектику не только как абстрактный закон бытия, но как теорию познания». «Диалектике, как партийной теории пролетариата приходится производить интервенции этого буржуазного естествознания, или точнее не самого естествознания, а тех метафизических и идеалистических элементов, которые в нем имеются»¹⁸.

В выступлении Смирнова саморазоблачительная риторика доклада Тымянского усиливалась тезисом, что «товарищем Тымянским ничего не было сказано о теоретическом вредительстве», которым именно и характеризуется «эпоха деборинщины», «эпоха извращения революционной сущности марксизма»¹⁹. Очевидно, что стремление

Тымянского в своем докладе как бы профилактически предотвратить обвинение во вредительстве, не сработало, так как прозвучавшая в адрес Деборина критика усиливалась контркритикой уже в адрес самого Тымянского.

Масловский в своем выступлении не только увеличивал разоблачительный пафос, но и доходил до подсказок, каково должно быть наказание: «Вы все товарищи, знаете, что бывшие лидеры разоблачали себя перед XVI Партсъездом, а потом, приехав на места на Кавказ и на Урал, они проводили в жизнь те свои убеждения, которые они имели до Съезда... сейчас существует болезнь наслаждаться в своем разоблачении, а на практике мы видим другое. Мы должны... следить за ними глазами ОГПУ»²⁰.

Т. Бусыгин заверил: «Острота и страстность философской дискуссии об итогах которой вчера сообщил докладчик тов. Митин для большевиков не может представлять чего-то непонятного и странного. Вопрос идет о марксистской теории, вопрос идет о марксистской философии»²¹.

Острой остается проблема «поворота нашей работы в области естествознания, методологии естествознания, в частности в области физико-математической науки». В области математики «мы имеем еще более яркий пример теоретического вредительства. ... положение вещей там таково, что студенты математики заражены идеалистическими взглядами на математику, которые они получают из буржуазных учебников по математике, из лекций своих профессоров по математике... читают Пуанкаре». Да и в самой Большой Советской энциклопедии реализуется это «антимарксистское» цитирование Пуанкаре, а в физику проникает «Планковская аксиоматика»²².

Т. Огофонцев прошелся по работе Шейна «Сущность математики в свете диалектического материализма». Досталось и Гессену, критика которого на конференциях в это время считалась хорошим тоном, своего рода маркером, что ты в другом лагере. «Мы должны предупредить все то философское руководство у нас в Ленинграде и Москве, старое руководство, чтобы это положение с нами не случилось, чтобы они не пошли прямой контрреволюцией, как это случилось с Рязановым»²³.

И хотя на съезде, казалось бы, были расставлены оценки, звучали заявления об окончательной победе в борьбе с естественниками, но, скорее всего, речь шла о канонизации курса на идеологические разоблачения и различия в академическом сообществе.

Вот еще один архивный документ, который замечательно иллюстрирует академическую повседневную жизнь советских ученых, перед которыми стояла задача соответствовать канонам. Несколько страниц из доклада проф. Ф.Ф. Васильевского «К вопросу о кризисе физики и путях выхода из него» (к конференции «Идеализм и физика»). Данные о докладчике приводятся согласно титульному листу рукописи доклада на 32 страницах. Есть еще один документ, связанный с этим сюжетом, — повестка I Учебно-Теоретической конференции членов ячейки ОВМД, СНР, преподавательского состава и партактива Военной Электротехнической академии РККА «Идеализм в физике» (21 декабря 1933 г.)²⁴. В программе конференции заявлен доклад тов. Васильева и прения, в которых есть имя проф. Василюевского. К

сожалению, в практике того времени обычным делом было опускать инициалы, поэтому нельзя утверждать категорически, что Василиевский и Васильевский одно и то же лицо. Основные направления доклада сделаны, как подчеркивается в тексте, именно профессионалом физиком²⁵.

Разоблачительный тон выступлений (публикаций) задавался уже с первых страниц, даже если тема заявлялась как философско-аналитическая. Судя по каталогам библиотек, многие авторы активно публиковались в жанре боевых прокламаций. Общим местом было начинать публичные лекции «О книге В.И. Ленина “Материализм и эмпириокритицизм”» с обвинений в «двурушничестве» Богданова, Базаров и др. В этом обвинялся и Плеханов, который «не смог борьбу по вопросам философии поднять на тот уровень, на который ее поднял Ленин»²⁶. А все остальные «делали вид, что воюют лишь с некоторыми философскими ошибками Плеханова, а на деле стремились в корне подорвать философский материализм Маркса и Энгельса». Богданов считался автором «антимарксистской вредительской теории равновесия», а вслед за этим — врагом партии и народа²⁷.

В этом смысле работа Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» решала задачу «разыскать, на чем свихнулись люди, преподносящие под видом марксизма нечто невероятно сбивчивое, путанное и реакционное». Риторика философской полемики тяготела к пафосу непримиримого обличения и демонстрации того, как «чистый опыт» и «новейший позитивизм» служат целям «улавливания философских простаков» на фоне кризиса теоретической физики²⁸.

Таким образом, академическая полемика становилась метафорой политической борьбы с «русскими махистами», которые «играли только роль подголосков буржуазных идеологов и являлись агентами буржуазии для внесения разброда в умы революционного рабочего класса»²⁹. Важнейшей задачей виделось разоблачение «вздорности махистских теорий», «вымученной теории интроспекции», «мракобеса» Авенариуса. «Злоключения Богданова» в том, что он «рассчитывал спастись от обвинений в субъективном идеализме». Ленин «разоблачает» уловку махистов, которые, по его мнению, чтобы замаскировать «свой субъективный идеализм», широко раскрывают «двери мистике и мракобесию», «жонглируют словечком “опыт”». Именно потому, что физики не знали диалектики, «новая физика свихнулась в идеализм»³⁰.

Канонизировалась риторика о фигуре «гениального продолжателя» дела Ленина, который в 1909 г. в провидчески «написанной им резолюции Бакинского комитета партии призывал к поддержке позиции Ленина»³¹. Риторика тех лет акцентировала статус Сталина, как «мыслителя, который обобщает богатейший материал нашей эпохи». Его произведения стоят «в ряду величайших произведений мировой научной и философской мысли». Именно в «Кратком курсе истории ВКП(б)» реализовано «гениальное изложение основ диалектического и исторического материализма»³².

Анализ самой работы Ленина совпадает с уже сложившимся дискурсом, выраженным риторикой «непримиримой борьбы», «разоблачения реакционной классовой сущности». Материалистическая традиция «передовой общественной мысли России» представлена имена-

ми Радищева, Герцена, Белинского, Чернышевского, Добролюбова, а также русскими учеными Лобачевским, Столетовым, Менделеевым, Сеченовым, Тимирязевым, Павловым. А победным и обязательным аккордом должно было стать утверждение, что собственно расцвет советской науки обеспечен «великим триумфом теории марксизма-ленинизма»³³.

В заключение стоит подчеркнуть еще раз, что сформировавшийся в 20—30-е гг. XX в. на площадках заседаний и конференций воинствующих материалистов идеологический канон на долгое время определил стратегию ведения научной полемики, публичных выступлений на самых разных направлениях. В дальнейшем воинственные публичные доклады тиражировались и переиздавались. Очевидно, что таким образом многие ученые стремились защитить себя от возможных подозрений в «отпадении» от канона. Позволю себе утверждать, что академическое сообщество всегда с готовностью стремится формировать запретительные и разрешительные системы, которые определяют стратегию академической повседневности и биографию ученого в целом.

Примечания

1. Было б болото... — На литературном посту. Двухнедельный журнал марксистской партии. М. 1928, декабрь, № 24, с. 3.
2. Характерная стилистика того времени: «целая орава» модных писателей интересы контрреволюционной буржуазии выражает в богоискательстве. Среди них С. Булгаков, Д. Мережковский, З. Гиппиус, Н. Минский, Н. Бердяев и др. Примкнувшие к этой когорте: А. Белый, Л. Андреев, Бальмонт, Соллогуб, А. Блок. Некоторые, такие как Арцибашев, Вербицкая, Нагродская и др., стали «усиленно смаковать и разжевывать» половой вопрос. Санкт-Петербургское отделение Российской Академии Наук (СПБО РАН), ф. 231, оп. 1, д. 25, л. 4.
3. Было б болото...
4. СПБО РАН, ф. 231, оп. 1, д. 25, л. 26.
5. Там же, л. 1.
6. В последние годы стали доступны документы и материалы аналитических проектов, позволяющие реконструировать многогранные аспекты коммуникации научного сообщества того времени. См., например: Документы об организации и проведении репрессивной политики в отношении науки и ученых в начале 1930-х гг. (Общество воинствующих материалистов-диалектиков, Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству, журналы «Варнитсо», «Научный работник», «Фронт науки и техники»). Проект Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (ИИЕТ РАН). — Социальная история отечественной науки. URL: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/books/os/475-495.pdf>; ТИМЕ Г.А. Институализация идеологии. Общество воинствующих марксистов-диалектиков (ОВМД) в Ленинграде на рубеже 1920-х — 1930-х годов. Институты культуры Ленинграда на переломе от 1920-х к 1930-м годам: материалы проекта «Механизмы деятельности институций культуры (издательства, научные и образовательные институты, объединения и проч.) Петрограда/Ленинграда в переходный период от 1920-х к 1930-м годам» (2009—2011). Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. URL: <http://www.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=UHLZxE51B8%3d&tabid=10460>.
7. СПБО РАН, ф. 239, оп. 1, д. 1а. Протокол ассоциации ОВМД. Устав и план работы, л. 4.
8. Там же, л. 7.

9. Там же, ф. 231, оп. 1, д. 25, л. 2.
10. Там же, ф. 239, оп. 1, д. 80, л. 1—155. Стенограмма конференции ОВМД от 12.03.1931, л. 1.
11. Там же, л. 5—7.
12. Там же, л. 5.
13. Там же, л. 8, 12.
14. Там же, л. 16—17.
15. Там же, л. 28.
16. Там же, л. 29.
17. Там же, л. 44.
18. Там же, л. 59—60.
19. Там же, л. 61.
20. Там же, л. 66.
21. Там же, л. 76.
22. Там же, л. 81—83.
23. Там же, л. 86.
24. СПБО РАН, ф. 239, оп. 1, д. 139, л. 1—38. Рукопись, л. 1.
25. Там же.
26. СИДОРЕНКО И.Л. О работе Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Лекция. Хабаровск. 1940, с. 6.
27. ПОЗНЕР В.М. О книге В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Стенограмма публичной лекции, прочитанной в марте 1948 г. в Москве по поручению Всесоюзного Общества по распространению политических и научных знаний. М. 1949, с. 25.
28. Там же, с. 6—7.
29. Там же.
30. Там же, с. 18, 21.
31. ПОЗНЕР В.М. Ук. соч. (Переизданная стенограмма публичной лекции, прочитанной в Москве, в Центральной лектории Общества по распространению научных и политических знаний). Магадан. 1949, с. 36.
32. СИДОРЕНКО И.Л. Ук. соч., с. 24.
33. ПОЗНЕР В.М. Ук. соч. (Переизданная стенограмма...), с. 37.

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

ББК 81/2(2Рос.Баш)/УДК 81/272(470.57)

Формирование языковой политики в сфере школьного образования в Башкирии в 1920—1930-е гг.

Ф.Г. Сафин, А.И. Халиулина

Аннотация. В работе на основе архивных материалов раскрывается языковая политика, проводимая в сфере школьного образования в сложном в этнодемографическом и этноязыковом отношении регионе — Башкирии. В работе выявлены основные этапы изменения языковой политики, исходя из общих тенденций ее развития в общесоюзном масштабе. Если в начале 1920-х гг. курс партии большевиков заключался в том, чтобы разъяснять политику советской власти трудящимся массам на их родных языках, то во второй половине 1930-х гг. упор был сделан на улучшение преподавания русского языка.

Ключевые слова: языковая политика, языковое строительство, латинизация, кириллица, национальные школы, преподавание на русском языке.

Abstrac. Based on the archives, this work discloses the linguistic politics introduced in the sphere of school education in region famous for its complicated ethnodemographic situation — Bashkiria. We single out the main stages of the changes in the linguistic politics, taking into account general tendencies of its development on an All-union scale. At the beginning of 1920s the policy of the bolshevik's party aimed at interpreting the politics of the Soviet authorities to the working masses in their native languages. However, in mid-1930s they emphasized the improvement of the Russian language.

Key words: linguistic politics, linguistic building, latinization, cyrillic, national schools, teaching the russian language.

В связи с принятием закона о языках в ряде национальных республик Российской Федерации изучение языка титульной нации стало обязательным. Сторонники данного решения ссылаются на положения Конституции РФ о том, что республики имеют право вводить

Сафин Фаиль Габдуллович — доктор исторических наук, профессор Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН. E-mail: failsafin@mail.ru; *Халиулина Айгуль Ильясовна* — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН. E-mail: aygul_kamila@mail.ru.

Safin Fail G. — doctor of historical sciences, professor at the Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev, Ufa Scientific Centre of RAS. E-mail: failsafin@mail.ru; *Khaliulina Aigul I.* — candidate of historical sciences, research assistant at the Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev, Ufa Scientific Centre of RAS. E-mail: aygul_kamila@mail.ru.

свои государственные языки, а наделенный государственным статусом язык должен стать обязательным для изучения. Однако целесообразность такой политики ставят под сомнение представители нетитульных этнические групп.

Если рассматривать языковую политику в историческом аспекте, то подобные проблемы имели место и в 1920—1930-е годы. В данной работе, опираясь на архивные источники и имеющуюся литературу, на примере Башкирской республики предпринята попытка показать особенности языковой политики в стране в этот период и ее влияние на этнополитические процессы в целом.

Основная гипотеза данного исследования состоит в том, что несмотря на лозунги, выдвигаемые этническими элитами в пользу возрождения национальных языков, нерусские народы страны всегда были ориентированы на приобщение к русскому языку.

В 1920-е гг. установившаяся в России власть стремилась создать приоритетные условия для развития национальных языков с целью довести до трудящихся масс идеи советской власти на их родном языке. С этой целью были выработаны новые алфавиты для тех народов, которые до этого не имели своей письменности. Следует отметить, что башкирская и татарская письменности до 1928 г. функционировали на основе старотюркского алфавита, затем перешли на алфавит, основанный на латинской графике, и в 1938 г. — на кириллицу.

Переход на кириллицу в целом сыграл позитивную роль для нерусских народов, так как изучать языки, основанные на одном и том же алфавите, было гораздо удобнее.

Как показывают архивные источники, в ряде башкирских волостей, в которых значительную долю населения составляли русские, школы с обучением на русском языке отсутствовали. Местное русское население выражало свое возмущение тем, что «при Николае русские и башкиры ходили в одну школу, а когда советская власть — то школа создается только лишь для башкир»¹.

В сентябре 1924 г. Президиум Башкирского обкома РКП (б) принял постановление, в котором отмечалось, что русский язык является общим языком народов СССР, и знание его всем населением страны способствует сближению трудящихся разных национальностей. Исходя из этого, было заявлено о необходимости систематического преподавания русского языка как предмета во всех национальных школах².

С этой целью коллегия Башнаркомпроса утвердила инструкцию по введению русского языка в башкирских, татарских и других национальных школах. Русский язык вводился со второго года учебы. Со второй половины первого года допускалось обучение разговорным навыкам русского языка, а начиная с третьего — преподавание некоторых предметов (математика, география) на русском языке³.

Вместе с тем, приоритетной оставалась политика партии, направленная на обучение на родном языке. В принятом 20 сентября 1931 г. постановлении Башкирского обкома партии «О переводе на родной язык преподавания в средних школах и отдельных дисциплин в ВУЗах Башкирии» было предложено Народному комиссариату просвещения начать с 1931—1932 уч. г. плановый перевод преподавания всех дисциплин в средних школах и национальных отделениях ВУЗов на родной язык учащихся. В документе также говорилось об обязательнос-

ти преподавания башкирского языка, начиная с 1931—1932 уч. г., во всех городских школах повышенного типа, техникумах и ВУЗах для всех национальностей ⁴.

В национальных школах I ступени русский язык вводился начиная с половины второго года обучения по 2 часа в неделю, а в школах II ступени — по 4 часа. Изучение башкирского языка по учебному плану было обязательным во всех русских школах с IV класса — по 3 часа в неделю. А в школах II ступени со смешанным составом учащихся, где преподавание на русском языке было обязательным, башкирский язык изучали по 3 часа в неделю, если учащиеся из башкир составляли большинство, например — 60%. В школах II ступени, например, школах крестьянской молодежи (ШКМ), татарских и других национальных школах, изучение башкирского языка было необязательным ⁵.

Особенность Башкирской республики состояла в том, что часть башкирского населения в качестве родного языка признавала татарский. По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., из всех башкир родным язык своей национальности признали 53,8%, а 46,2% отметили татарский язык. Такая картина была присуща, прежде всего, западным и северо-западным регионам республики. Поэтому население данного региона обучение на башкирском языке не приняло еще 100 лет тому назад. По этому поводу Бирский отдел народного образования в своем письме «О башкирском букваре» от 16 февраля 1921 г., направленном на имя председателя правления Башкнигоиздательства и обкома партии, отмечал, что учебники на башкирском языке им не подходят, и просил обеспечить их учебниками и учебными пособиями на татарском языке ⁶.

Председатель указанного кантисполкома Галкин, выступая 19 июня 1924 г. на заседании Центральной комиссии по реализации башкирского языка, отмечал, что применение башкирского языка в Бирском кантоне не представляется возможным, потому что там нет башкир. Хотя местные жители называют себя башкирами, но «чистого» башкирского языка они не понимают, поскольку говорят на татарском. Из-за этого делопроизводство приходится вести на татарском языке, считая его государственным наравне с русским. Книги и брошюры на башкирском языке, посланные сюда, возвращались обратно, сопровождаемые требованием прислать литературу на татарском языке. Кантонная газета «Туры юл» («Прямой путь») издавалась исключительно на татарском языке ⁷.

Это привело к необходимости внести в языковую политику ряд корректировок. Поскольку почти половина населения республики была русскоговорящей, особое внимание стали уделять преподаванию русского языка. Это диктовалось потребностями населения, а также все более расширявшимися связями между регионами страны. Видимо поэтому Бюро Башкирского Обкома ВКП(б) 8 мая 1936 г. приняло постановление «Об улучшении преподавания русского языка в начальных, неполных средних и средних школах Башкирии». В нем отмечалось, что преподавание русского языка, особенно в башкирских, татарских и школах национальных меньшинств, поставлено неудовлетворительно. Особое внимание было уделено низкой квалификации учителей. В большинстве начальных школ (1—4 классы) рус-

ский язык преподавался учителями, не имевшие знаний по этому предмету даже в объеме начальной школы ⁸.

Для укрепления позиций башкирского языка был создан специальный орган — Центральная комиссия по его реализации, которая контролировала использование башкирского языка в аппаратах государственной власти. Однако введение башкирского языка, основанного на старотюркской, а затем латинской графике, стало затруднительным для изучения носителям других языков. Более того, введение национальных языков под видом государственного породило множество фактов дискриминации по языковому принципу. В органы государственной власти на работу стали принимать только носителей национальных языков, а требования по ведению делопроизводства на национальных языках, ужесточились.

19 декабря 1936 г. Бюро Башкирского Областного Комитета ВКП(б) рассмотрело вопрос «О состоянии преподавания марийского языка в марийских школах Башкирии». Вопрос касался преподавания родного марийского языка и марийской литературы. В постановлении Бюро отмечалось, что обучение велось по программе, составленной контрреволюционером-троцкистом Мухиным. Исходя из этого, народному комиссариату просвещения республики было предложено изъять эту программу, а также книги и журналы, указанные в списке, составленном Марийским Обкомом ВКП (б), и провести совещание в Мишкинском и Калтасинском районах преподавателей марийского языка для обсуждения вопросов языка и литературы с участием учителей марийских школ и из других районов Башкирии ⁹.

В связи с ситуацией, сложившейся с преподаванием русского языка, Бюро Обкома партии предложило Наркомату просвещения пересмотреть учебные планы всех курсовых мероприятий и заочного обучения в сторону расширения изучения русского языка за счет ликвидации многопредметности с таким расчетом, чтобы учителя, прошедшие эти курсы, и заочники овладели элементарным курсом грамматики русского языка и методами его преподавания.

С целью повышения квалификации учителей русского языка было предложено организовать в летний период специальные 10-дневные районные курсы для учителей IV—X классов начальной, неполной средней и средней школ по русскому языку и литературе, обеспечив их квалифицированными преподавателями и пособиями.

Одной из мер по улучшению преподавания русского языка в школах должно было стать издание к началу учебного года учебников и программы по русскому языку для нерусских школ, а также наглядных и методических пособий по орфографии, развитию устной речи и каллиграфии ¹⁰.

Анализ документов, в том числе и из центральных архивов, показывает, что расширение использования национальных языков в союзных и автономных республиках, а также связанная с этим коренизация аппаратов органов государственной власти на местах и ущемление на этой основе представителей других национальностей, прежде всего русских, видимо, подтолкнули союзный Центр к свертыванию применения национальных языков в общесоюзном масштабе.

Одним из первых шагов в этом направлении было принятие 1 декабря 1937 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) постановления «О ликвидации

национальных районов и сельсоветов»¹¹. В нем отмечалось, что в ряде областей и краев искусственно созданы различные национальные районы и сельсоветы, существование которых не оправдывается национальным составом их населения. Многие из этих районов, говорилось в документе, были образованы врагами народа с вредительскими целями. Буржуазные националисты и шпионы, пробравшись на руководящие посты в этих районах, проводили антисоветскую работу среди населения, запрещали в школах преподавание русского языка, задерживали выпуск газет на русском языке и т.п.¹²

24 января 1938 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О реорганизации национальных школ»¹³, в котором отмечалось, что произведенной ЦК ВКП(б) проверкой установлено, что в союзных и автономных республиках насаждались особые национальные школы (немецкие, финские, польские, латышские, английские, греческие, эстонские, ижорские, вепские, китайские и т.п.), которые превратились в очаги буржуазно-националистического, антисоветского влияния на детей. ЦК компартий национальных республик и Народным комиссариатам просвещения предлагалось реорганизовать особые национальные школы путем перевода их на учебные планы и программы советских школ обычного типа с преподаванием или на языке соответствующей республики, или на русском¹⁴.

Выполняя постановление ЦК ВКП(б), Башкирский обком партии 19 марта 1938 г. принял свое постановление — «О реорганизации немецких, латышских и эстонских школ, существующих в Башкирской республике». Согласно постановлению, отмеченные национальные школы были переведены в советскую систему образования обычного типа с ведением преподавания на русском языке по учебному плану русской национальной школы¹⁵. Всего по республике было ликвидировано более 20 национальных школ¹⁶.

Ранее, 9 февраля 1937 г., в Президиуме ЦИК БАССР рассматривался вопрос «О состоянии культурно-массовой работы среди латышского населения Архангельского и Иглинского районов»¹⁷. На заседании отмечалась необеспеченность школ тетрадями и наглядными пособиями, отсутствие детской художественной литературы на родном языке в школах и библиотеках, а также латышской литературы в книготоргующих организациях (Башкниготорг, Культобъединение, Башсоюз). Одновременно говорилось о слабости ведения занятий на русском языке в школах (Цветаево и Балтийское), где имелось значительное число учеников латышской национальности.

В своем постановлении Президиум ЦИК предложил Наркомпросу и районным отделам народного образования усилить методическое руководство и контроль за работой учителей в латышских школах, помочь им учебными и наглядными пособиями, способствовать организации детских школьных библиотек на родном языке, обеспечить начальные школы (Цветаево и Балтийское) латышскими педагогическими кадрами для проведения занятий на их родном языке. Учитывая наличие значительного латышского населения в г. Уфе, было предложено проработать вопрос об открытии в городе латышского клуба. Башнаркомпросу, Башкниготоргу и Культобъединению Башсоюза было предложено обеспечить районы и сельсоветы с латышским населением учебными пособиями и художественной литературой

на родном языке, а также снабдить литературой других западных национальных меньшинств (немецкой, эстонской, еврейской и т.д.)¹⁸.

Таким образом, если годом раньше ЦИК БАССР предусмотрел ряд мер по усилению помощи латышским и другим национальным меньшинствам, то в 1938 г., в связи с постановлением ЦК ВКП(б), были приняты меры совершенно противоположного характера.

В некоторых районах, обеспечивая функционирование школ с национальным языком обучения, предпочтение отдавали русскому языку. Таким образом, еще в 1930-е гг. процессу приобщения нерусских народов к русскому языку уделялось достаточное внимание. И это происходило еще до принятия постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 13 марта 1938 г. «Об изучении русского языка в школах национальных республик и областей»¹⁹.

Одной из причин неудовлетворительной постановки преподавания русского языка в школах национальных республик и областей, как отмечалось в постановлении, была «подрывная работа контрреволюционных троцкистско-бухаринских и буржуазно-националистических элементов, пролезших в отдельные звенья партийного, советского аппарата и в органы народного образования, направленная к тому, чтобы сорвать проведение ленинско-сталинской национальной политики и подорвать братское единство народов СССР с русским народом»²⁰.

Необходимость преподавания русского языка в школах национальных республик и областей диктовалась, прежде всего, тем, что в условиях многонационального государства знание русского языка должно было явиться мощным средством связи и общения между народами СССР, способствующим их дальнейшему хозяйственному и культурному росту. Во-вторых, овладение русским языком должно было способствовать дальнейшему усовершенствованию национальных кадров в области научных и технических познаний. В-третьих, знание русского языка обеспечивало необходимые условия для успешного несения всеми гражданами СССР воинской службы в рядах Рабоче-Крестьянской Красной армии и Военно-Морского Флота²¹.

Согласно постановлению, обязательное изучение русского языка как предмета вводилось с 1 сентября 1938 г. в нерусских школах национальных республик и областей — начиная со II класса в начальных школах и с III класса во всех неполных средних и средних школах.

В связи с этим, в действующие учебные планы этих школ вносились изменения. На изучение русского языка во II классе отводилось по 2 часа в неделю, в III—IV — по 4, в V—VII — по 5 и в VIII—X классах — по 4 часа. Исходя из этого, Наркомпросам союзных и автономных республик поручалось в двухмесячный срок пересмотреть программы по русскому языку для нерусских школ, не допуская перегрузки программ учебным материалом²².

Вместе с тем, ЦК ВКП(б) и СНК СССР подчеркивали, что родной язык остается основой преподавания в школах национальных республик и областей, поэтому исключения из этого правила, имеющие место в некоторых автономных республиках РСФСР, могут носить лишь временный характер, и тенденция превращения русского языка из предмета изучения в язык преподавания и ущемления родного языка, была бы вредной и неправильной²³.

Совету Народных Комиссаров СССР поручалось к 1 апреля 1938 г. утвердить учебные планы, программы и порядок изучения русского языка в национальных школах, план подготовки через краткосрочные пяти-месячные курсы преподавателей русского языка в национальных школах по союзным республикам. Наркомпросы союзных республик обязывали издавать соответствующие буквари и учебники по русскому языку.

Оргбюро ЦК ВКП(б) на своем заседании 14 июля 1938 г. отметило, что в принятом решении ЦК и СНК от 13 марта 1938 г. об изучении русского языка в нерусских школах особо не оговорено количество часов в неделю для сельских школ, работающих по семидневной неделе, что приводит к сокращению общего числа часов в год, отводимых на русский язык в сельских начальных школах на 64 часа, а в средних — на 211 часов. Оргбюро приняло дополнение к данному постановлению, определив количество часов по русскому языку для нерусских сельских школ, работающих по семидневной неделе.

Согласно данному дополнению, Наркомпросам союзных республик разрешалось установить в 1938—1939 уч. г. в начальных школах: во II классе — по 3 часа русского языка в неделю, в III и IV — по 5 часов в неделю, а в неполных средних и средних школах с III по X классы — по 5 часов в неделю ²⁴.

Претворяя данное постановление в жизнь, Совет Народных Комиссаров БАССР 14 апреля 1938 г. принял постановление о подготовке и переподготовке учителей русского языка в нерусских школах, а также утвердил план и расходы на проведение этих мероприятий. В республике прошло совещание учителей по вопросам преподавания русского языка в национальных школах.

Данный вопрос стал предметом обсуждения на совещании заведующих райгорно республики. Совещание приняло предложения о мероприятиях по улучшению преподавания русского языка в нерусских школах Башкирии, в котором отмечалось, что враги народа — буржуазные националисты, долгое время орудовавшие в органах народного образования Башкирии, проводили политику изоляции башкирской и татарской молодежи от передовой культуры великого русского народа, проповедовали «теории» необязательного знания русского языка учащимися нерусских школ ²⁵. Изучение русского языка в нерусских школах, по мнению участников совещания, находилось не только в неудовлетворительном состоянии, но и в ряде школ игнорировалось. Например, в школе Туймазинского района среди учащихся царил «теория», что «мы нерусские дети, нам не обязательно знать русский язык». Немало аналогичных случаев было и в других районах. Исходя из этого, совещание заведующих райгорно постановило организовать курсы в летний период по подготовке и повышению квалификации учителей русского языка в нерусских школах с полным охватом всех учителей, разработать методики преподавания русского языка в нерусских школах, а также ряд других мер.

Спустя год (21 апреля 1939 г.) Бюро Башкирского обкома ВКП(б) рассмотрело вопрос «О ходе выполнения решения ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 13 марта 1938 г. «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей», в котором констатировалась неудовлетворительная работа Народного комиссариата просвещения республики в деле постановки изучения русского языка в

нерусских школах. Особо отмечалась нехватка учителей русского языка, их плохая подготовка, недостаточная обеспеченность учебниками по русскому языку, наглядными пособиями, письменными принадлежностями.

Важным шагом в национальном языковом строительстве стал переход на алфавит, основанный на кириллице. В августе 1938 г. в письме секретаря Башкирского обкома и председателя Совнаркома АССР в Центральный Комитет ВКП(б) и в Совет народных комиссаров СССР была выражена просьба разрешить перевод башкирской письменности с латинизированного алфавита на русский²⁶.

Таким образом, проводимая в стране языковая политика в 1920–1930-е гг. была направлена на создание национальной системы образования, которая способствовала бы донесению решений советской власти до трудящихся масс на их родном языке. Учитывая национальный фактор, языковая политика строилась очень гибко, с учетом местных особенностей. Однако в реализации данной программы стал преобладать местный национализм этнических элит, которые использовали силу языка как инструмент кадровой политики и сохранения власти в республиках. С другой стороны, единство политических задач требовало применения на всей территории страны единого языка, на котором бы общались все народы многонациональной страны. Этим языком межнационального общения стал русский, для изучения и распространения которого руководство страны приняло ряд мер.

Примечания

1. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ), ф. 122, оп. 5, д. 8, л. 202.
2. Там же, ф. п. 122, оп. 3, л. 116–117.
3. Там же, ф. Р-798, оп. 1, д. 738, л. 2.
4. Там же, ф. 122, оп. 10, д. 275, л. 3–3а; оп. 10, д. 44, л. 110–112.
5. Там же, оп. 4, д. 37, л. 74.
6. Там же, ф. п. 122, оп. 2, д. 128, л. 52.
7. Там же, ф. Р-444, оп. 1, д. 49, л. 10.
8. Там же, ф. 122, оп. 16, д. 62, л. 100.
9. Там же, д. 122, л. 46–47.
10. Там же.
11. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 114, д. 633, л. 3–4.
12. Там же.
13. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), ф. 89, оп. 62, д. 5, л. 1.
14. Там же.
15. НА РБ, ф. 122, оп. 18, д. 80, л. 10–12.
16. Там же, ф. 798, оп. 1, д. 4958, л. 9.
17. Там же, д. 4501, л. 59.
18. Там же.
19. РГАНИ, ф. 89, оп. 62, д. 8, л. 2–6; РГАСПИ, ф. 17, оп. 114, д. 863, л. 176–178.
20. РГАНИ, ф. 89, оп. 62, д. 8, л. 2–6.
21. РГАСПИ, ф. 17, оп. 114, д. 863, л. 176–178.
22. РГАНИ, ф. 89, оп. 62, д. 8, л. 3.
23. Там же, л. 6.
24. Там же, д. 10, л. 1.
25. НА РБ, ф. 798, оп. 1, д. 4958, л. 13.
26. Там же, ф. 122, оп. 18, д. 1, л. 410–411.

Тувинская Народная Республика как фактор формирования НОВОЙ ТУВИНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Н.П. Москаленко

Аннотация. Данная работа посвящена процессу формирования новой тувинской идентичности в период становления Тувинской Народной Республики (1921—1944 гг.), а также роли и значению государственности и личности в осознании идентичности тувинского арата. В публикации показано, что в этом процессе большую роль сыграли не только геополитические и этнополитические события, протекавшие в этом регионе в начале XX в., но и конкретные исторические личности — И.Г. Сафьянов (1875—1954 гг.) и Монгуш Буян-Бадьргы (1892—1932 гг.).

Ключевые слова: Тува, Урянхайский край, Тувинская Народная Республика (1921—1944 гг.), социально-культурная антропология, этнология, самосознание.

Abstract. This work describes the process of formation of a new Tuvan identity in the period of establishment of the Tuvan People's Republic (1921—1944), and the role of statehood and personality in the recognition of the identity of Tuvan arat. The foundations of their national statehood were laid during this period, as well as beginning the complex process of developing their own national identity. A big role in this process was played not only by geopolitical and ethnopolitical events, but also by specific historical figures — I.G. Safianov (1875—1954) and Mongush Buyan-Badyrgy (1892—1932).

Key words: Tuva, the Uriankhai territory, the Tuvan People's Republic (1921—1944), socio-cultural anthropology, ethnology, identity.

Период существования Тувинской Народной Республики (1921—1944 гг.), ее роль в истории Тувы и России до сих пор вызывают интерес не только у историков, но и у современных этнологов, социально-культурных антропологов, исследующих истоки формирования самосознания (идентичность) тувинского народа.

Время образования Тувинской Народной Республики (ТНР) можно назвать «эпохой великих перемен». Менялся не только кочевой образ жизни народа с его многовековым хозяйственным укладом и

Москаленко Нелли Павловна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. E-mail: nelly_moskalenko@mail.ru.

Moskalenko Nelly P. — candidate of historical sciences, senior researcher at the Institute of the North and Anthropology named after N.N. Miklukho-Maklay RAS. E-mail: nelly_moskalenko@mail.ru.

сезонно-временным ритмом существования, но и родовое самосознание. Впервые складывались новые символы государства и его основные институты: правительство, парламент, судебная система, система надзора и контроля, здравоохранение, профессиональные и культурные союзы, партийные и молодежные объединения.

Геральдические символы Танну-Тувинской Республики появились сразу после ее создания¹. Молодое правительство обратилось к оформлению нового флага, опираясь на хорошо понятную традиционную буддийскую символику. Так, первое знамя ТНР имело вид одного из «восьми благоприятных символов с восемью спицами» — «Колеса Учения», символизирующего восьмеричный духовный путь к совершенству и просветлению. В исторических документах эту эмблему называли «хорло» (тув. хорлуу), но здесь этот символ уже трактовался в совершенно ином контексте: благодаря победе Тувинской народной партии кочевой тувинский народ придет к новой счастливой жизни, где каждому человеку найдется свой достойный путь к совершенствованию благодаря новым знаниям и новой идеологии.

Юридическое оформление новая национальная символика получила лишь в 1926 г. — в третьей Конституции ТНР, в которой говорилось: «Государственный герб состоит из изображения “хорло”, внутри которого — земной шар в лучах солнца. Вверху же — серп и грабли, окруженные венцом из колосьев» (Конституция Тувы 1993 г.). В Конституции ТНР 1941 г. была окончательно закреплена символика, схожая с советской. «В новом гербе ТНР находилось изображение земного шара, а вокруг него — обрамление из колосьев хлеба и других растений, переплетающихся в нижней части с красной лентой, и, наконец, в нижней части герба было изображение серпа и молота. Вид нового флага соответствовал флагу СССР — только вместо звезды с серпом и молотом на флаге ТНР помещались золотые буквы “ТНР”. Это были последние государственные символы республики, которые просуществовали до 1944 года»².

В период ТНР большинство элементов традиционной культуры подлежало искоренению, как пережитки прошлого, причем подвергались изменению именно те элементы традиционной культуры, которые были связаны, главным образом, с религиозными чувствами. Менялся сам человек, его отношение к себе, к своим традиционным ценностям, базировавшимся, главным образом, на родовом самосознании, где человек являлся неотъемлемой частью своего рода (соока) и общины. В новых исторических условиях основой самосознания стала идея национального государства, а правила, регламентированные прежним сословным обществом, утратили значение. Мир кочевника значительно расширился, появилась другая система отсчета ценностей.

В это время начала формироваться новая идентичность, впервые объединившая все родовые группы под общим названием — «народ Танну-Тува улуса»³. Вместе с тем, этническая компонента самосознания не всегда была определяющей. В первую очередь человек идентифицировал себя по родовой, семейной, а затем — по территориальной принадлежности. И по сей день «свой»-«чужой» не всегда определяется только этническими признаками, большое значение имеют родовые или семейные отношения, а также участие в доле собствен-

ности. Этому факту можно найти объяснение. Исторически сложилось, что наиболее устойчивой и безопасной формой кочевой жизни в уединении оставалось совместное существование и взаимопомощь в общине, где любой человек являлся неотъемлемой ее частью (семьи, рода) и от каждого зависел окончательный успех дела. Забота о человеке была первостепенной: люди создавали общий продукт и всегда оставляли провизию и одежду «в кочевых или охотничьих хижинах» для других. Доводы были простые: человек, который пройдет по этой дороге после тебя — такой же «нуждающийся» человек, как и ты (поскольку он здесь оказался). При этом не имело большого значения этническое и территориальное происхождение человека: тувинец, русский, монгол, улуг-хемский, как-хемский, хемчикский, овюрский и т.д. Поскольку вопрос выживания был первостепенным, и совместное сосуществование значительно увеличивало шанс выжить, важен был друг, а его этническое или социальное происхождение не имело значения. «Чужие» были не врагами по определению, а скорее друзьями.

Возможно, именно толерантное отношение к этническому происхождению «чужого» способствовало плавной и длительной интеграции тувинцев с русским народом — сначала со старообрядцами, а затем — с купцами царской России.

В этом контексте чрезвычайно интересна судьба Иннокентия Сафьянова. Именно ему было суждено сыграть ключевую роль в создании нового тувинского государства ⁴. В современной тувинской литературе эту личность называют «легендарной», так как именно он предложил внести в первую Конституции ТНР новое название Тувы — Танну-Тува улус, а город Белоцарск переименовать в Красный (ныне — Кызыл). «Даже этих двух эпизодов из жизни И. Сафьянова вполне хватило бы, чтобы жители Тувы навсегда должны были вписать его в списки своих национальных героев» ⁵.

Появление новой государственной идентичности имело не только политическое, но и важное психологическое значение для формирования социального сообщества, ибо прежнее название Тувы — Урянхайский край, Урянхайская земля, а ее народа — «урянхайцы» — сами тувинцы воспринимали резко отрицательно. По их мнению, оно несло в себе негативный и даже оскорбительный оттенок ⁶. В первую Конституцию ТНР не вошло и прежнее наименование тувинцев — «сойоты», которое также отрицалось большинством населения Тувы ⁷.

Переименование Урянхайского края в Танну-Тува улус (Танды Тыва) имело, безусловно, историческое значение: впервые на официальном уровне была сформулирована и закреплена новая общегражданская идентичность, основанная на этническом компоненте — танну-тувинец. Не случайно, закрывая съезд хошунов (районов) 16 августа 1921 г., Монгуш Буян-Бадыргы торжественно произнес: «От имени всех представителей нашего народа приношу глубокую благодарность великой Советской России, которая в лице саита Сафьянова И.Г. помогла нашему народу Танну-Тывы объявить себя самостоятельным в своих внутренних делах и независимым народом. Этого мы и добивались много лет...» ⁸

Иннокентий Георгиевич Сафьянов (Эккендей) родился 26 сентября 1875 г. в семье минусинского купца и золотопромышленника

Г.П. Сафьянова⁹. Когда мальчику исполнилось одиннадцать лет, отец отдал его в красноярскую гимназию, где в то время учились дети местной буржуазии. Среди гимназистов Иннокентий заметно выделялся ярко выраженным чувством социальной справедливости. В гимназии ему удалось организовать нелегальный кружок молодых революционеров, но вскоре его арестовали и отдали на поруки родителям. Отец отправил непослушного сына на одну из своих отдаленных торговых факторий в Урянхайский край, где тот сблизился с революционером Феликсом Яковлевичем Коном, находившимся в минусинской ссылке и отпущенным в Урянхай для казенной работы под присмотром Иннокентия. Ф.Я. Кон позже писал, что «хозяин на заимке был Иннокентий Георгиевич Сафьянов, ныне коммунист. В то время это был просто хороший, отзывчивый человек, во время голода в Сойотии скормивший сойотам всю имевшуюся у него на складе муку. С сойотами он сжился, и к нему отношение было более чем дружеским».

Иннокентий Сафьянов уничтожал долговые расписки, за что был выслан в 1916 г. из Урянхайского края. В 1918 г. он был введен в состав краевого совета Тувы, а позже избран заместителем председателя исполкома совета. В августе 1921 г. в результате большой подготовительной работы, в сложной политической ситуации был созван тувинский съезд представителей всех хошунов. С приветственной речью на тувинском языке выступил Иннокентий Сафьянов. Он сказал: «Мои земляки, нет, я не ошибаюсь. Ведь я вырос среди аратов. Съезд, которого мы так долго ждали, должен установить новый порядок жизни, а свободно избранное на этом съезде народно-революционное правительство должно найти в себе силы, чтобы повести народ к свободе»¹⁰. На съезде была одобрена новая Конституция и провозглашена ТНР.

Особое отношение к Иннокентию Сафьянову было вызвано не только тем, что он хорошо знал, понимал и любил обычаи и традиции простого тувинского народа, но и тем, что у него была «почти тувинская» любовь к главному символу кочевника — коню. Эту любовь привил ему его родной дядя, Андрей Сафьянов, известный в Урянхайском крае коневод, который вывел особую «андреевскую» или «сафьяновскую» породу лошадей, пользовавшуюся большой популярностью в Туве и в Монголии¹¹.

Иннокентию Сафьянову удалось приблизиться к пониманию сути кочевой культуры, что вызывало большое уважение у простого арата-кочевника. Ведь для тувинца символ его родины — «это коновязь (тув. баглааш), место возле юрты, дома, где он привязывал своего коня». Стоит отметить, что коновязь — это первое, что появляется на месте кочевья (аала) и последнее, что остается после ухода кочевника. Конь для кочевника всегда был чем-то большим, чем просто полезное животное. «Уходя из жизни, наши предки прощались с близкими людьми и с конем. Тувинца в мир иной был призван сопровождать только конь»¹². Издревле человек начинал утро с молитвы и с общения со своим конем.

Один арат вспоминал: «Иннокентий Сафьянов для тувинцев не был чужим человеком, он был примером для многих тувинцев, был образцом “настоящего человека”, а также отличным хозяйственни-

ком, человеком слова и дела... И он был русским. Значит, не все русские приносят беду, есть русские с “тувинским сердцем”, и ценности тувинского арата не чужды для русского человека»¹³.

Становление тувинской государственности способствовало формированию мягкой формы этноцентрической идентичности, что мешало более глубокой интеграции с русским миром. Именно благодаря Иннокентию Сафьянову появилась формулировка «мы» и «наша».

В 1924 г. Иннокентий Сафьянов был вынужден уехать из Тувы, и, как оказалось, навсегда. Долгие годы его роль в истории республики незаслуженно замалчивалась. В настоящее время она пересматривается и ставится вопрос о создании ему памятника.

Немаловажную роль в истории ТНР сыграл и Монгуш Буян-Бадырғы (1892—1932 гг.) — политический и государственный деятель Тувы, один из основателей и первый руководитель ТНР.

Он родился в местечке Аянгаты Барун-Хемчикского хошуна в семье бедного арата Монгуша Номчула. В младенческом возрасте он был усыновлен нойоном Даа-хошуна Хайдыпом. Буян-Бадырғы свободно владел санскритом, монгольским, китайским и русским языками. После смерти приемного отца в 1909 г. он стал нойоном Даа-хошуна. В октябре 1913 г. Буян-Бадырғы обратился к российскому императору Николаю II с просьбой о принятии тувинцев Даа-хошуна под покровительство Российской империи. 17 апреля (4 апреля) 1914 г. Николай II, находясь на отдыхе в Ливадии, подписал указ о протекторате России над Урянхайским краем.

Россия включила его в состав Енисейской губернии. Все политико-административные дела вел иркутский генерал-губернатор, что, в сущности, выходило за рамки юрисдикции протектората, но не встречало в сложившихся условиях возражений со стороны нойонов Тувы. Урянхайский край стал последней территорией, вошедшей в состав Российской империи. Впоследствии именно на основе протектората и вовлечения этого региона в сферу российской геополитики были созданы предпосылки для формирования первого национального государства тувинцев в центре Азии — Тувинской Народной Республики (1921—1944 гг.).

После победы Красной армии в гражданской войне в Сибири Буян-Бадырғы провел длительные переговоры с представителями Советской России о будущем статусе Тувы. В августе 1921 г. он стал председателем Всетувинского учредительного народного хурала, на котором было провозглашено создание Тувинской Народной Республики и принята первая Конституция. После образования ТНР Буян-Бадырғы принял самое активное участие в формировании системы местной власти. В 1924 г. он возглавил Совет министров ТНР, однако затем был исключен из рядов ЦК ТНРП и снят со всех занимаемых должностей, а в марте 1932 г. — обвинен в контрреволюционной деятельности и расстрелян.

Лишь в 2007 г. был подписан указ председателя правительства РТ «О политической реабилитации государственных деятелей Тувинской Народной Республики и граждан, подвергнутых политическим репрессиям на территории ТНР в 1920—1930 гг.», в котором доброе имя основателя тувинской государственности Монгуша Буян-Бадырғы было окончательно восстановлено.

В 2014 г. в честь столетия единения Тувы и России в Кызыле рядом с Национальным музеем Республики Тыва был торжественно установлен памятник «основателю тувинской государственности — Монгушу Буян-Бадыргы». Выступая на его открытии, глава республики отметил: «Такой памятник не просто дань прошлому, он — символ будущего, путеводная звезда для представителей всех культур, всех народов, живущих в нашей стране — родной Туве. И он важен не только для республики, но и для всей России. В начале прошлого столетия, когда на территорию Тувы претендовали Китай и Монголия, Монгуш Буян-Бадыргы вместе с другим известным деятелем — Иннокентием Сафьяновым — нашли выход из сложнейшей ситуации, благодаря их мудрому решению и тонкой политике тувинский этнос не погряз в гражданской войне, а объединение нации произошло бескровно»¹⁴.

В своих недавних воспоминаниях известный российский политический и общественный деятель Чимит-Доржу Ондар, долгие годы возглавлявший Тувинскую автономную республику, подчеркнул, что, учреждая в Туве День Республики — 15 августа 1991 г. — ему хотелось показать, «что у истоков тувинского государства стоял не только Буян-Бадыргы с соратниками, но и Иннокентий Сафьянов, русский человек. Что все 70 лет русские, представители многих национальностей рука об руку с тувинцами работали на будущее республики, делили поровну и хлеба горбушку, и радости с невзгодами, а вклад их в общее дело переоценить невозможно»¹⁵.

Возвращаясь к истории ТНР, хотелось бы отметить, что именно в этот период начала формироваться новая национально-государственная культура. Важным этапом в этом процессе явилось создание в 1930 г. национальной письменности, разработанной на основе латинской графики (позднее была заменена кириллицей). В этом процессе участвовали советские ученые, среди которых был А.А. Пальмбах (1887—1963 гг.) — блестящий тюрколог, прекрасный знаток тувинского языка, писатель и переводчик. В тот период началась массовая и очень успешная работа по ликвидации неграмотности среди тувинского населения. Преподавание общетувинского литературного языка вводилось во всех школах республики. Было организовано книжное издательство, начали печататься газеты и журналы на тувинском языке. Многие произведения тувинских писателей и поэтов переводились на русский язык. В свою очередь русская классическая литература становилась все более известной и любимой среди тувинских читателей. Именно школа стала ключевым звеном в процессе воспитания «нового человека».

Вместе с тем, интеграционные процессы шли с огромными трудностями, а порой и с грубыми ошибками. Прежде всего, в учебных заведениях практически не рассматривалось приобщение детей к родной традиционной (этнической) культуре. Их воспитание проходило вне контекста национального самосознания, языка и традиционного быта. Созданные школы-интернаты требовали отчуждения детей от родителей, что послужило началом разрыва тонких связей между поколениями.

В период коллективизации и на заре построения совхозов появилась дополнительная характеристика для самоопределения: род заня-

тий и социальное положение, которое постепенно вытеснило этническую принадлежность человека на второй план. Люди стали идентифицировать себя по профессиональному и социальному положению, но вместе с тем национальная идентичность — «я гражданин республики Танну-Тува» — все больше утверждалась как внутри республики, так и за ее пределами. Однако сами тувинцы считали себя скорее поданными нового государства, нежели ее гражданами. По всей видимости, слово «гражданин» («хамааты») не соответствовало внутренним потребностям арата и имело иное историческое значение, не отвечавшее требованиям сословных империй. Так, например, пожилые люди обращались к русским жителям Тувы. При этом под словом хамааты подразумевалось: учитель, инженер, строитель, механизатор, то есть не тувинец, не местный, а в основном приезжий человек, главным образом, русский. «Русских называли хамааты их родители. Когда Тува вошла в состав РСФСР араты долгое время еще не получали документы. Приезжие русские имели при себе документы — паспорт гражданина РСФСР, а имена приезжих ничего не значили на тувинском языке, поэтому называли просто — хамааты»¹⁶.

Нарицательное значение слово «хамааты» приобрело в 1930-е гг. в период коллективизации: именно хамааты-кижи вели учет скота в колхозе, принимали решение о том, сколько отчуждать крупного рогатого скота, а в случае его сокрытия привлекали к ответственности. Хамааты воспринимались, как надзиратели, наподобие монгольского джумета (местный чиновник исполнительной власти). Но со временем данное слово потеряло свой нарицательный оттенок и приобрело иной, позитивный, смысл. Это связано, прежде всего, с тем, что роль хамааты-кижи в тувинской истории имела большое влияние. Человек, который лечил больных людей, обучал тувинских детей грамоте тоже относился к хамааты. Не случайно в канун столетия единения Тувы и России в знак благодарности в Кызыле был торжественно открыт памятник «Первым русским учителям Тувы». На его открытии отмечалось: «Это дань благодарности многонационального народа Тувы памяти первых русских учителей, по велению долга приехавших в далекую чужую страну — Тувинскую Народную Республику. Памятник дает нам возможность не только материализовать, но и увеличить нашу искреннюю признательность подвижникам просвещения. Их роль в становлении нашей республики выходит далеко за рамки развития школьного образования. Они не только учительствовали в самом высоком смысле этого слова, но и занимались социальным и просветительским служением... Учителя не только обучали грамотности, но и правилам этикета, а также новым для тувинцев навыкам ведения домашнего хозяйства, огородничеству, цветоводству и многому др.»¹⁷

Несмотря на то, что большинство советских исследователей в формировании ТНР особое значение придавали классовому фактору, именно национальность (этническая принадлежность) аратов сыграла ключевую роль в ее создании. Произошла «культурная революция», которая сформировала новые социальные ценности и одновременно внесла определенные корректировки («табу») в устоявшуюся систему. На повестке дня ТНР стояли непростые задачи интеграции с

русским народом, а также решения насущных политических вопросов с соседним государством — Монголией (прежде всего в пограничной зоне).

Поскольку гарантом выживания и устойчивого существования общины были тесные семейные отношения и родовые культурные ценности в кочевой культуре, фактор принадлежности к определенной культурной среде сыграл решающую роль в самоидентификации, которую можно охарактеризовать как доминанта когнитивной компоненты. Самобытное сосуществование в компактной группе в экстремальных природных условиях сформировало чрезвычайно устойчивую и многогранную систему ценностей, которая «почти» не подлежала изменениям. «Люди, которые считают нас отсталыми — ни дня не продержатся в нашей среде. Мне не нужны царства или деньги, я просто хочу пасти лошадей в степи... И крик степного орла моя колыбельная» — сообщил в беседе один из местных жителей¹⁸.

Опыт интеграции кочевого мира в русский мир, формирование этнически амбивалентного общества в среде этноцентрической идентичности и по сей день имеет принципиальное значение. Формирование новой идентичности с учетом традиционных ценностей граждан является ключевой задачей современного государства. Есть в гимне Тувы слова, которые могут служить ключом к формированию устойчивого общества: «Преклоняюсь перед природой, почитаю старших и своих предков, ценю свою культуру, живу в дружной семье братьев и сестер...»¹⁹

Любовь к Родине, почитание старших, сохранение и развитие традиционных ценностей — сильные мотивации для формирования стабильного социального общества, где каждый человек мог бы с гордостью идентифицировать себя как хамааты (гражданин).

В одной из своих экспедиционных поездок мне удалось побеседовать с пожилой жительницей Чадана. Вот ее слова: «Перемены не всегда к лучшему для нас... Жизнь там, вдали от нашего очага — не наша жизнь, там граница между добром и злом размыта. Что бы ни случилось, надо быть благодарным и проявлять должное уважение духам нашей земли, тайги, рек и гор. Пока высокие Саяны защищают нас от ветра (перемен), мирно пасутся на зеленых лугах наши стада, журчит чистый ручей рядом с нашей юртой и горит огонь в очаге — мы есть и станемся»²⁰.

В современном гуманитарном пространстве Тувы исторический опыт существования Тувинской Народной Республики чрезвычайно важен, ибо сам факт создания республики — это выражение и реализация коллективной этнической (национальной) идентичности. Вместе с тем, хотелось бы подчеркнуть, что необходима всесторонняя оценка этого исторического опыта. Ибо «признавая, поддерживая и укрепляя региональные и этнокультурные идентичности, как общее достояние, а не как эксклюзивную собственность отдельных групп населения, мы тем самым укрепляем групповое достоинство и уверенность людей в том, что Россия — это их общее государство, а не собственность какого-то одного народа»²¹.

Примечания

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта № 14-06-00836а «Кризис идентичности на постсоветском пространстве. Кросскультурный анализ».

1. АРАНЧЫН Ю.Л. Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск. 1982; История Тувы. Новосибирск. 2007.
2. МОНГУШ Б. Угнетенные араты, соединяйтесь: символы тувинской государственности 1921—1944. — Родина. 2014, № 7, с. 59—65.
3. Создание суверенного государства в центре Азии: Протоколы хуралов 1921 года: К 70-летию образования республики Танну-Тува Улус. 1991.
4. ВЕРЕЩАГИНА Т.Е. Эккендей. Абакан. 2004.
5. САФЬЯНОВ И. Тува в прошлом. Повесть о жизни. Гражданская война в Туве. М. 2012.
6. О возникновении этнонима «уряньх» достаточно подробно написано в книге С.И. Вайнштейна «Тувинцы-тоджинцы: историко-этнографические очерки (М. 1961). Автор отмечает, что «уряньхат» (уряньх) является древнейшим тюрко-монгольским этнонимом. В последние столетия монголы называли всех тувинцев уряньхами. В русских источниках термин «уряньх», «уряньхайцы» был заимствован у монголов, как и термин «сойот».
7. До конца XIX в. тувинцев в русской литературе называли сойотами, сойонами, а Туву — Сойотией. И это название сохранилось вплоть до начала XX века. В ходе обсуждения проекта новой конституции Тувы в 1921 г. представитель оюнарского хошуна Демир Чайгарсы внес предложение «уничтожить наименование “сойоты”». См.: Создание суверенного государства..., с. 80.
8. Там же, с. 89.
9. ВЕРЕЩАГИНА Т.Е. Ук. соч.
10. Создание суверенного государства..., с. 90.
11. ВЕРЕЩАГИНА Т.Е. Ук. соч., с. 15.
12. ДАРЖА В.К. Лошадь в традиционной практике тувинцев кочевников. Кызыл. 2003, с. 7.
13. Полевые материалы автора. Лето 2002 года.
14. <http://www.tuvaonline.ru/2014/09/11/v-kyzyle-otkryt-pamyatnik-osnovatelyu-tuvinskoy-gosudarstvennosti-mongushu-buyan-badyrgy.html>.
15. Тувинская правда. 13.08.2016, № 88.
16. Полевые материалы автора.
17. <https://www.tuva.asia/news/tuva/2361-pamyatnik.html>.
18. Полевые материалы автора. Поселок Ишкин. Май-июнь 2002 года.
19. Государственный гимн Республики Тыва. 13 августа 2011 года.
20. Полевые материалы автора. Лето 2016 года.
21. Культурная сложность современных наций. М. 2016, с. 18.

Борьба с детской беспризорностью в Дагестане в 1920-х гг.

М.М. Амирханова

Аннотация. На основе новых архивных документов в работе впервые в дагестанской исторической литературе освещается борьба с детской беспризорностью в Дагестане в первое десятилетие советской власти, характеризуются разные формы и методы борьбы республиканских властных структур, общественности с проявлениями данного вида социального отклонения.

Ключевые слова: Дагестан, борьба, детская беспризорность, властные структуры, приют, детские дома, ночлежки.

Abstract. On the basis of new archival documents for the first time in the Dagestan historical literature fight against children's homelessness in Dagestan in the first decade of the Soviet power is lit. In article different forms and methods of fight of republican power structures, the public with manifestations of this type of a social deviation are characterized.

Key words: Dagestan, fight, children's homelessness, power structures, shelter, orphanages, doss houses.

Борьба с социальными отклонениями как явлениями, вредными для общества, развернулась сразу же после Октябрьской революции. Советская власть объявила беспощадную войну любым проявлениям эксплуатации. В декрете от 26 апреля 1918 г. правительство провозгласило, что на место «милостыни и благотворительности должна быть поставлена социалистическая государственная помощь»¹. Стремление оказать широкую поддержку «жертвам ненормальностей общественных отношений», вести решительную борьбу «со всякого рода паразитизмом и тунеядством», «вернуть к трудовой жизни каждого, выбитого из трудовой колеи», было зафиксировано в Программе РКП(б)², принятой VIII съездом партии.

Последствия первой мировой войны, гражданской войны и интервенции, вызвавших обнищание народных масс, сделавших мно-

Амирханова Мадина Магомедовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. E-mail: madinat 63.@mail.ru.

Amirkhanova Madina M. — candidate of historical sciences, senior researcher at the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center RAS. E-mail: madinat 63.@mail.ru.

жество людей инвалидами, а детей — сиротами, серьезно усложнили решение этой задачи. Революция смела систему регламентаций, введенную царским правительством с целью локализации, частичного смягчения опасности, которую несло общественному порядку поведение, не вписывавшееся в принятые обществом нормы, но не смогла одним ударом уничтожить социальные факторы, его порождавшие.

С переходом к новой экономической политике наблюдался рост нищенства, бродяжничества, проституции, пьянства, что было вызвано увеличением безработицы, нехваткой средств для налаживания широкой системы социального обеспечения. Многим нелегко было приспособиться к быстрым изменениям всего уклада жизни. Реакция на эти изменения населения, особенно той его значительной части, которая переселялась в города, проявлялась по-разному. С одной стороны, происходило приобщение к новым условиям жизни, а с другой, — ослабление многих традиций, устоявшихся норм в то время, когда новые традиции находились еще в стадии формирования. Все это приводило к определенной деморализации некоторых групп населения.

Одной из острых проблем в этой сфере являлась борьба с детской беспризорностью. Термин «беспризорность» означал такое состояние ребенка (в социально-экономическом отношении), когда он не получал ни от семьи (если она была), ни от школы, ни от какого-либо другого учреждения, общества или организации воспитания и заботы, которые ребенку, как еще не сформировавшемуся организму, были совершенно необходимы. В данную категорию попадали сироты, дети родителей, перегруженных работой и отягощенных нуждой, красноармейцев, оставивших во время войны семью, беднейших крестьян, особенно пострадавших во время голода и неурожая.

В начале 1920-х гг. в стране насчитывалось до семи миллионов беспризорных детей. Больше десяти тысяч их было только в Донском округе. Больше тысячи проживало в Новочеркасске, не считая тех пяти тысяч, которые были размещены в детдомах ³.

В национальных республиках борьба с подобными аномалиями также велась. В Дагестане упор делался на ликвидацию детской беспризорности и нищенства. При отделе дошкольного воспитания Порт-Петровского ревкома в 1920 г. был открыт детский приют. На его попечении находилось 96 детей, из них мальчиков — 57, девочек — 39. Они были в возрасте от 1 года до 16 лет ⁴. Финансовое обеспечение приюта было очень плохим.

В первые годы после окончания гражданской войны с целью материального обеспечения и воспитания детей, остро нуждавшихся в помощи государства, в стране появилось значительное количество детских домов. В республике в отдельных городах и округах были открыты детские дома, которые находились в ведении Наркомпроса. Так, на 1 января 1921 г. в республике имелось 10 детдомов с 545 воспитанниками ⁵, где их должны были обеспечивать питанием, одеждой и обувью, создавать необходимые условия для нормальной учебы, прививать трудовые навыки.

В декабре того же года Второй вседагестанский съезд Советов, обсудив доклад «О мерах поднятия народного просвещения в Дагестане», с целью улучшения материальной базы образования, в частности, решил открыть сеть горских интернатов для девочек-мусульма-

нок и улучшить работу детских домов ⁶. В первой половине 1920-х гг. значительную помощь детские дома получали за счет средств, выделенных Дагестану ЦК Последгола ⁷ при ВЦИК. Помощь эта шла на обеспечение детей одеждой и обувью, на организацию детского питания и частично на ремонт зданий ⁸.

Однако архивные документы тех лет свидетельствуют, что положение детских домов в республике было неудовлетворительным. Например, об их плохом состоянии в г. Буйнакске сообщалось на Президиуме Комиссии Дагпомгола ⁹ 13 марта 1923 г.: «Положение катастрофическое: а) нет жиров, от употребления постного масла повальные заболевания, б) нет топчанов и постельных принадлежностей, в) нет обуви» ¹⁰.

Как и в центре ¹¹ 29 декабря 1923 г. постановлением ЦИК ДССР была образована Комиссия по улучшению жизни детей (Деткомиссия) при ЦИК. Ее председателем по совместительству был назначен К.Г. Мамедбеков — Председатель НКВД ДССР.

Комиссия должна была проводить мероприятия по ликвидации детской беспризорности, общему улучшению бытового положения детей и организации помощи беспризорным и безнадзорным детям. Для правильного и планомерного распределения помощи необходимо было учесть всех беспризорных детей. В этой связи Комиссия обратилась с просьбой в срочном порядке предоставить сведения о количестве беспризорников в том или ином районе или округе Дагестана.

Из-за нехватки средств на помощь беспризорным детям постоянно устраивались разного рода мероприятия с целью их сбора. Они проводились как общественными учреждениями, так и отдельными лицами. Например, республиканская Деткомиссия обратилась в Наркомпрос с просьбой о разрешении реализации марок в подведомственных ему кинотеатрах. Кроме того Комиссия попросила администрацию завода «Вейнер» взимать с оптовой продажи пива 1 коп. с бутылки в пользу беспризорных детей. Коллектив завода перечислил беспризорникам 20 руб. за проданные портреты В.И. Ленина. К тому времени такие мероприятия проводились по всем губерниям и областям страны ¹².

С целью сбора средств в фонд ДТК организовывались спектакли. Так, Деткомиссия осуществила постановку пьесы «Осенняя скрипка» 4 августа 1924 г., для чего просила Наркомпрос предоставить зимнее помещение Гостеатра в г. Махачкале. В то же время командира 38-го полка, расквартированного в Махачкале, просили выдать наряд на оркестр духовой музыки на вечер того же дня для игры перед спектаклем и в антрактах ¹³. В случае оказания помощи детям Деткомиссия через печать выражала благодарность жертвователям. Так, она обращалась в редакцию республиканской газеты «Красный Дагестан» с просьбой напечатать сообщение с благодарностью коллективу сотрудников Наркомата земледелия за пожертвованные ими 90 и 15 руб. в фонд помощи беспризорникам ¹⁴.

В то же время по инициативе Комиссии было принято решение о широком оповещении через печать населения республики об обороте ее средств и движении денежных сумм, материалов, продуктов, поступивших на улучшение жизни детей. Подобные сведения предполагалось давать ежемесячно. В данном контексте интерес представ-

ляют сведения о движении денежных сумм фонда от 2 ноября 1923 г. по 1 сентября 1924 года. Так, пожертвования от учреждений и отдельных лиц составили 6814 руб., расходы на коммунальные нужды, обмундирование, питание детей и др. — 2857 рублей ¹⁵.

Между тем, было принято постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 11 июня 1924 г. «Об освобождении от всех налогов спектаклей, концертов, вечеров и базаров, устраиваемых Деткомиссией ВЦИК». «Все спектакли..., устраиваемые Комиссией по улучшению жизни детей... в целях извлечения средств на борьбу с детской беспризорностью, при том своими силами без участия предпринимателей-антрепренеров, освобождаются от уплаты всех налогов и сборов, как государственных, так и местных» ¹⁶. Постановление распространялось и на местные органы Комиссии.

Проблема борьбы с беспризорностью обострялась с наступлением холодов, в осенне-зимний период. Недостаточная сеть детских учреждений и недостаток материальных средств на местах побудили Главсоцвос (Главное управление социального воспитания и политехнического образования при Наркомпросе РСФСР) обратиться с ходатайством в СНК РСФСР об отпуске определенных сумм с целью организации в зимнее время ночлежек для беспризорных с мастерскими при них. На места 23 октября 1924 г. был разослан соответствующий циркуляр. В Дагестане, например, ночлежки организовывались в 25 пунктах на суммы, отпускаемые ДагЦИК ¹⁷.

В дальнейшем они должны были содержаться за счет общественных организаций, таких как «Друзья детей», губернских деткомиссий, действующих предприятий и т.д. Кроме того, Главсоцвос предоставлял дотацию в размере от 2000 руб. и выше в квартал в зависимости от количества беспризорных в отдельных пунктах. На ночлежки возлагалось выполнение нескольких задач: они должны были стать местом общественно-политической, культурно-просветительской работы с беспризорниками, подростками, занятий по ликвидации неграмотности, а также работы в мастерских. Одновременно ДагЦИК отпускал средства на организацию общежитий с мастерскими для подростков детских домов.

Одной из основных задач в этом направлении являлось также обеспечение больных и беспризорных детей в голодающих округах Дагестана. В этих целях 20 ноября 1924 г. был принят «План организации детской помощи в связи с неурожаем в ДССР». Необходимо было организовать детское питание в течение 7 месяцев, начиная с 1 декабря 1924 г. по 1 июля 1925 г., то есть до нового урожая. На эти цели из Центра отпускалось 150 000 руб., имея в виду, что выдаваемое питание будет дополняться родственниками. Норма питания на одного ребенка в день устанавливалась следующая: хлеба — 1 ф. — 6 коп.; кружка молока или яйцо — 5 коп.; сахар — 2 коп.; какао — 2 копейки. Кроме питания детей необходимо было обеспечить и обмундированием, хотя бы из расчета 10 руб. на одного ребенка. Для организации питания детей в пораженных неурожаем, полностью или частично, округах республики, должны были создаваться питательные пункты соответственно количеству детей. К таким было отнесено 11 округов (Андийский, Аварский, Даргинский, Табасаранский и т.д.), в которых насчитывалось около 1000 нуждавшихся детей ¹⁸.

В связи с постигшим губернии России неурожаем города Махачкала и Дербент, находившиеся в центре железнодорожных и водных путей, а также в умеренно-теплом климате, привлекали к себе наибольшие массы беспризорников. Они ютились в подвалах домов, незанятых торговых помещениях, на вокзалах, пристанях и просто на улице. Их количество все увеличивалось и влекло за собой целый ряд последствий, во избежание которых нужно было принять срочные меры. Наркомпрос предложил открыть питательные пункты для раздачи горячей пищи беспризорникам, организовать трудовые артели и новые школы ¹⁹.

Следует отметить, что из-за отсутствия у государства возможности выделять необходимые средства на нужды беспризорных детей, возникал вопрос о целесообразности дальнейшего существования Деткомиссии ВЦИК, который специально заслушивался на заседаниях Президиума и Секретариата ВЦИК Советов 3 и 24 октября 1924 года. Отмечалось, что «растущая детская беспризорность и преступность властно требуют героических мер борьбы с ними, угрожая в противном случае самыми тяжелыми последствиями для подрастающего поколения, существование органа, объединяющего и согласующего работу всех ведомств и организаций в деле помощи детям,... является необходимым...» ²⁰

Исходя из соответствующего постановления, состав Деткомиссии ВЦИК существенно расширился: Комиссию и ее местные органы планировалось сделать межведомственными. В их состав должны были входить представители Наркомпроса, Наркомздрава, как главных заинтересованных ведомств, ВЦСПС, женотделов, кресткомов, как совета рабочей и крестьянской общественности, ГПУ и РКИ, как контрольно-наблюдательных и содействующих успешному ходу работ ведомств. Кроме того, к работе там, где они были, привлекались уполномоченные Российского общества Красного Креста ²¹.

В то же время Центральной деткомиссией было принято решение об издании списка детей, разыскивавших своих родителей или родственников. Отпечатанные в большом количестве и разосланные повсеместно, они должны были помочь большинству детей возвратиться к своим родным. Для этой цели Деткомиссия, Наркомпрос и Наркомздрав предлагали всем своим местным органам составить аналогичные списки, включив в них всех несовершеннолетних, находившихся в детдомах, интернатах всех типов, а также размещенных у частных лиц, состоявших под опекой, которые, утратив связь или потеряв своих родителей или родственников, не знали их местожительства ²². В них должны были быть указаны возраст ребенка, место рождения или откуда он был эвакуирован, а также его настоящее местонахождение.

В целях содействия Комиссии нарком внутренних дел РСФСР издал приказ от 17 июля 1924 г., в котором предлагалось административным отделам местных исполкомов принять меры к оглашению этих списков на сельских сходах, чтобы оповестить население о детях, разыскивающих родных. Органам милиции надлежало всячески помогать заинтересованным органам в розыске детей. Если же родные умышленно не сообщали сведения о себе или не соглашались принять к себе детей, то милиция должна была содействовать пред-

ставителям органов народного образования в обследовании их материального положения²³.

Между тем, II съезд Советов СССР (26 января — 2 февраля 1924 г.), наряду с другими мероприятиями по увековечению памяти В.И. Ленина, постановил создать специальный фонд им. Ленина помощи беспризорным детям²⁴. Сумма общественного фонда была определена в 100 млн руб., из которых 50 млн покрывало государство в течение 5 лет, остальные 50 млн предлагалось собрать из добровольных сборов и отчислений общественных организаций и населения, а 20% — от республиканских фондов им. Ленина²⁵. Постановление Президиума ВЦИК СССР «Об общесоюзном и местных фондах имени В.И. Ленина для организации помощи беспризорным детям» было принято 29 июля 1924 года²⁶.

На заседании Центральной комиссии по фонду Ленина (3 февраля 1925 г.) отмечалась весьма неудовлетворительная деятельность республиканских комиссий по созданию фондов. В большинстве случаев дело ограничивалось «конструированием» самих комиссий, никаких мер по изысканию и привлечению в фонды общественных средств не принималось.

Анализ архивных документов показывает, что, несмотря на принимаемые меры, до окончательной ликвидации беспризорности в Дагестане было еще далеко. Эта проблема находилась в поле зрения республиканских властных органов разного уровня, тем не менее, нерешенных вопросов оставалось еще много.

В данном контексте интерес представляет статья, опубликованная Контрольной комиссией Наркомата рабоче-крестьянской инспекции в газете «Красный Дагестан» 21 января 1926 г.: «О том, что борьба с беспризорностью является вопросом чрезвычайной государственной важности распространяться не приходится... Правительство Союза делает в этом направлении максимум возможного, но, к сожалению, общественная помощь этой борьбе чрезвычайно слаба. В этом отношении ДССР не является счастливым исключением: здесь тоже Правительство идет на помощь организациям ведущим борьбу с беспризорностью и кое-что в смысле улучшения быта беспризорных сделано...»²⁷ Например, на улицах Махачкалы не было беспризорных, просящих «копеечку». Они были устроены в ночлежных домах, где получали пищу. Правда, первое время состояние этих домов было ужасное.

Однако сделано было гораздо меньше, чем позволяли средства, отпускаемые на борьбу с беспризорностью. Это объяснялось тем, что руководство этой проблемой осуществлялось разными органами, и непонятно было, кто ответственен за постановку работы в домах беспризорных. Имелись разного рода комиссии, которые дублировали друг друга.

Вопрос о работе республиканской Деткомиссии рассматривался на заседании Секретариата ДагЦИК 25 сентября 1928 года. На нем отмечалось, что работа Комиссии к этому времени значительно оживилась, благодаря согласованной деятельности со всеми организациями и местными деткомиссиями. Несмотря на трудности изыскания средств, помощь, оказанная Комиссией в решении этих задач всем округам и районам Дагестана, была значительной, благодаря также помощи Центра.

Таким образом, анализ архивных документов позволяет характеризовать деятельность властных органов республики по борьбе с детской беспризорностью в первое десятилетие советской власти. Однако нехватка у государства достаточных средств для решения этой сложной проблемы, обуславливала необходимость активного участия в ней общественности. Проводились разного рода благотворительные акции с целью сбора пожертвований для помощи беспризорным и нуждавшимся детям. Несмотря на принимавшиеся меры к концу 1920-х гг. в Дагестане детская беспризорность полностью ликвидирована не была.

Примечания

1. Декреты Советской власти. Т. 2. М. 1959, с. 180.
2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М. 1983, с. 92.
3. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД), ф. Р-180, оп. 1, д. 1, л. 125.
4. Там же, ф. 54, оп. 2, д. 90, л. 3—3об.
5. Там же, ф. Р-22, оп. 2, д. 42, л. 97—113.
6. КАЙМАРАЗОВ Г.Ш. Образование и наука в Дагестане в XX веке. Махачкала. 2007, с. 90.
7. Центральная комиссия по борьбе с последствиями голода в стране была создана на основе постановления ВЦИК от 7 сентября 1922 года.
8. КАЙМАРАЗОВ Г.Ш. Россия и прогресс культуры народов Дагестана (конец XIX — 30-е годы XX в.). Махачкала. 2008, с. 165.
9. Центральная комиссия помощи голодающим Дагестана была организована при Ревкоме Дагестана в 1921 году.
10. ЦГА РД, ф. Р-13, оп. 3, д. 4, л. 4.
11. Комиссия по улучшению жизни детей (Деткомиссия) ВЦИК РСФСР была создана постановлением ВЦИК от 10 февраля 1921 года. Председателем в 1921—1923 гг. был Ф.Э. Дзержинский.
12. ЦГА РД, ф. Р-13, оп. 3, д. 4, л. 26, 28.
13. Там же, л. 44—45.
14. Там же, л. 25.
15. Там же, л. 99.
16. Там же, л. 39.
17. Там же, л. 403.
18. Там же, л. 42.
19. Там же, л. 83.
20. Там же, д. 2, л. 26.
21. Там же.
22. Там же, л. 69.
23. Там же, л. 96.
24. Съезды Советов СССР. Сб. документов. 1922—1936 гг. М. 1960, с. 38.
25. Там же, с. 37.
26. ЦГА РД, ф. Р-180, оп. 1, д. 10, л. 4.
27. Там же, ф. Р-117, оп. 7, д. 9, л. 2.

Военная карьера Ивана Абрамовича Ганнибала

Г.В. Кретинин

Аннотация. Работа посвящена малоизвестным фактам из жизни старшего сына Абрама Ганнибала — Ивана. Анализируется утверждение А.С. Пушкина о его самовольном поступлении на военную службу, приводятся вновь выявленные факты о военной и боевой деятельности Ивана Абрамовича, рассказывается об основании им г. Херсона, о строительстве одноименного порта.

Ключевые слова: военная служба, артиллерия, флот, батарея, Гросс-Егерсдорфское сражение, Семилетняя война, цейхмейстер, Херсон.

Abstract. The work deals with the under-reported facts from the life of the eldest son of Abram Gannibal — Ivan. The author analyzes the Alexander Pushkin statement about his willful enlistment, considers new facts of military and combat activities of Ivan Abramovich, narrates about founding Kherson and constructing the self-named sea port.

Key words: military service, artillery, navy, squadron, the battle of Gross-Jagersdorf, the Seven Years War, zeugmeister, Kherson.

Абрам Петрович Ганнибал — личность в российской истории не просто известная. Воспитанник Петра I, крупный военный инженер, военный педагог — в середине XVIII в. он был весьма влиятельной фигурой в высших военных кругах России. Благодаря его правнуку А.С. Пушкину, биография «Арапа Петра Великого» приобрела налет легендарности и стала популярной у последующих любителей литературы и приключений.

Генерал-аншеф А.П. Ганнибал в военной службе имел успехи, впрочем, как и неудачи. У него было много детей. Дочь его второго сына Осипа впоследствии стала матерью Александра Пушкина. Но наиболее известным из детей петровского крестника оказался его старший сын Иван, двоюродный дед А.С. Пушкина.

Рассказывая об истории своих предков, Пушкин часто ставил более поздних исследователей в тупик. Вот, например, хорошо известный факт из «Начал автобиографии»: «Старший сын его (Абрама Ган-

Кретинин Геннадий Викторович — доктор исторических наук, профессор. Калининград. E-mail: gvkretinin@gmail.com.

Kretinin Gennady V. — doctor of historical sciences, professor. Kaliningrad. E-mail: gvkretinin@gmail.com.

нибала. — Г.К.) Иван Абрамович столь же достоин замечания, как и его отец. Он пошел в военную службу вопреки воле родителя, отличился и, ползая на коленях, выпросил отцовское прощение»¹.

Некоторые пушкинисты, считают этот факт биографии И. Ганнибала легендой, не отвечающей действительности. Ссылаются обычно на то, что А.П. Ганнибал не мог противиться военной службе старшего сына, напротив, всех своих сыновей он зачислил на службу артиллеристами с малолетства².

Так, Б.Л. Модзалевский сообщил, что Иван Ганнибал был принят на службу в 1744 г. девяти лет от роду³. В формулярном списке (предположительно от 1752 г.), обнаруженном М.Н. Лонгиновым в середине XIX в., А.П. Ганнибал значится «от фортификации генерал-майором, 56 лет от роду, имеющим пятерых сыновей: Ивана, 17 лет (штык-юнкера артиллерии⁴), Петра 12, Иосифа (Осипа. — Г.К.) 10 лет (сержантов артиллерии), Исаака 5 и Якова 3 лет (не бывших нигде на смотрах за малолетством)»⁵.

Где и сколько лет Иван Абрамович учился, какое закончил учебное заведение — до недавнего времени информации было очень мало. Так, в «Русском биографическом словаре» сообщается, что он «получил образование в кадетском корпусе, по окончании которого выпущен во флот»⁶.

Вполне понятно, что выражение «выпущен во флот» — определенная дань развитию его военной карьеры, связанной с морской артиллерией. Информация в формулярном списке о том, что он был штык-юнкером артиллерии, только подтверждает его путь к высотам морского артиллерийского искусства.

Новые сведения об И. Ганнибале в исторической литературе появляются только под 1769 г., когда он «из подполковников артиллерии [был] назначен цейхмейстером морской артиллерии»⁷.

Именно в этот исторический промежуток времени (1752—1769 гг.) Иван мог послушаться отца, но мог и заслужить прощение.

Такая возможность могла быть предоставлена ему только в годы Семилетней войны 1756—1763 годов. Относительно недавно во многом эту тему прояснила астраханская исследовательница Е.В. Гусарова.

Готовя к публикации «Челобитную А.П. Ганнибала императрице Елизавете Петровне», она вначале привела практически неизвестный факт (со ссылкой на Н.Т. Телепову) о том, что поручик И. Ганнибал в июне 1757 г. «состоял смотрителем при новоинвентованном орудии медном единороге», а затем, со ссылкой на «список личного состава артиллерийского ведомства 1760 г.», сообщила о капитане полевой артиллерии И. Ганнибале, проходившем службу «при заграничной армии»⁸. Более того, она же уточняет, что И.А. Ганнибал был переведен в цейхмейстеры будучи в звании полковника (прежде сообщалось: подполковника)⁹.

У Гусаровой нет конкретной информации об участии молодого артиллерииста в боях Семилетней войны, где он вполне мог бы отличиться. Собственно говоря, такой задачи перед ней и не стояло. Между тем, подобная информация в российской историографии существует уже достаточно давно.

В 1886 г. полковник российского генерального штаба Д. Масло-вский в своем исследовании Семилетней войны 1756—1763 гг. при-

вел штат батареи «новоинвентованных» орудий, старшим в котором являлся поручик Иван Ганнибал ¹⁰.

Можно допустить, что термин «новоинвентованный» (новоизобретенный), отражавший появление на вооружении русской армии новых артиллерийских орудий, привлек внимание молодого артиллериста, и он каким-то образом, скорее всего, используя свою знаменитую фамилию, без ведома отца, оказался в особом, секретном по тому времени, подразделении. Естественно, такое своеволие и могло вызвать неудовольствие Абрама Петровича.

Летом 1757 г. русская армия готовилась к походу в Пруссию и логично предположить, что поручик Ганнибал перед походом из «смотрителя» орудия стал командиром батареи и привел ее на Гросс-Егерсдорфское поле (под нынешним г. Черняховском Калининградской области), на котором армия под командованием фельдмаршала С.Ф. Апраксина разгромила пруссаков.

В российской историографии Гросс-Егерсдорфского сражения отмечаются два эпизода успешных действий русской артиллерии. Наиболее популярным является описание А.Т. Болотовым действий артиллеристов, отразивших прорыв прусской конницей боевой линии русской пехоты: «Батарея... успела еще благовременно обернуть свои пушки, и данный из нея картечный залп, имел успех наивожделеннейший, ибо как ей случилось выстрелить поперег скачущих друг за другом прусских эскадронов, то выхвативши целый почти эскадрон, разорвала тем их стремление и скачущих не только остановила, но принудила опрорхнуть назад обернуться» ¹¹.

Обращает на себя внимание кратковременность такого эпизода: всего один залп батареи. Других не последовало. Масловский охарактеризовал этот бой как «стычку на левом фланге заключительного аккорда сражения» ¹². При всей красочности описания, говорить об особом отличии командира упомянутой батареи не приходится. Прусская конница ретировалась, и бой здесь быстро завершился.

Совсем иная ситуация сложилась на правом фланге русской армии, где прусские войска пытались прорваться в тыл русской армии вдоль левого берега реки Прегели. Русское военное командование всерьез опасалось такого прорыва. Еще вечером 18 (29) августа оно выдвинуло на господствующую высоту артиллерийскую бригаду (бригада состояла из нескольких батарей) под командованием майора Тютчева. Были оборудованы артиллерийские позиции и на других высотах ¹³.

Русская артиллерия участвовала в отражении прусских атак на этом направлении в течение всего сражения. Вклад ее в общую победу значим. Участник сражения генерал-майор Дебоскет три месяца спустя, описывая эпизод атаки полков под командованием П.А. Румянцева, сообщал, что «неприятельские полки», вторгшиеся в боевые порядки русских войск, были остановлены и «производимое з батареи N (обозначение позиции артиллерийской батареи на схеме Дебоскета. — Г.К.) пушечной стрельбой неприятель из прилеску полки (пруссские. — Г.К.) согнаны и помощью 48 троического, 49 воронежского, 50 новгородского (48, 49, 50 — нумерация полков на схеме Дебоскета. — Г.К.) пехотных полков к побегу принуждены» ¹⁴. Атака полков Румянцева изменила общий ход сражения в пользу русских войск.

В реляциях русского военного командования по итогам Гросс-Егерсдорфского сражения фамилия Ганнибал не упоминается. Мы можем предполагать, что действия молодого командира батареи мог наблюдать генерал Румянцев. Возможно, генералу об этом стало известно из какого-то неизвестного пока источника, но, несомненно одно: Румянцев в профессиональном отношении высоко оценил артиллериста Ганнибала.

Летом 1758 г. именно ему генерал Румянцев поручил обеспечить артиллерийскую поддержку русской пехоты при взятии прусской крепости Дризен (после Гросс-Егерсдорфа крупных боевых столкновений у русской армии не было).

В ордере бригадиру Еропкину генерал написал: «Производство пушечной стрельбы и метание бомб изволите препоручить, яко же изобретение к тому удобных мест артиллерии поручику Ганибалу по приближении к тому довольном, и мантиры, находящиеся при полковых пушках, с пользою большею употребить сможете»¹⁵.

В этом скупом наборе специфических терминов содержится без преувеличения блестящая характеристика профессиональных качеств поручика Ганнибала. Румянцев был уверен, что командир батареи сможет выбрать нужную позицию («удобных мест») для ведения огня, необходимое расстояние до цели («по приближении к тому довольном»), не просто знает технические возможности артиллерийских систем, но и их особенности («пушечной стрельбы и метание бомб») и совместное использование мортир и пушек («мантиры, находящиеся при полковых пушках»).

Таким образом, именно в ходе Семилетней войны Ганнибал стал выдающимся артиллеристом, приобрел боевой опыт и заслуженный авторитет у русского военного командования.

Собственно говоря, опускаться на колени перед отцом ни времени, ни необходимости не было. Поэт, явно боготворивший своего двоюродного деда, в «Началах автобиографии» подобной метафорой («ползая на коленах, выпросил прощение») старался особо подчеркнуть характеры обоих Ганнибалов — отца и сына.

И все же главные боевые заслуги Ивана Абрамовича Ганнибала следует отнести к периоду первой экспедиции русского флота в Архипелаг в 1769—1774 годах. Когда в ходе Русско-турецкой войны 1768—1774 гг. в формируемую эскадру для похода в Архипелаг потребовался цейхмейстер, оказалось, что полковник Ганнибал как нельзя лучше соответствовал должности начальника флотской артиллерии.

В 1770 г. русскому флоту для базирования в Средиземном море потребовался порт. Был выбран Наварин, но там находился турецкий гарнизон. Майор Долгоруков с отрядом не смог овладеть портом. Долгоруков донес, что крепость хорошо вооружена, имеет многочисленный гарнизон и приступом ее взять невозможно. Тогда командовавший эскадрой адмирал Г.А. Спиридов поставил эту задачу перед бригадиром Ганнибалом¹⁶.

24 марта к Наварину отправились корабли «Святой Януарий», «Три святителя» и фрегат «Святой Николай». Под их прикрытием следовали транспорты с десантом. Боевые корабли, преодолевая огонь береговой артиллерии, вошли в залив, стали на якорь и огнем своей артиллерии прикрыли высадку десанта. Затем Ганнибал оборудовал

на возвышенностях к востоку и к западу от крепости две огневые артиллерийские позиции таким образом, что город оказался под перекрестным огнем русских пушек. Командовавший экспедицией граф А. Орлов впоследствии доносил Екатерине II: «Сколько труда ни было в перевозке пушек, но ревность к службе Вашего Императорского Величества и усердие всех преодолели препятствие, и в день праздника Воскресения Христова открылась батарея»¹⁷.

Сосредоточенный огонь 8-пушечной батареи с востока вскоре пробил брешь в крепостной стене, а западная 2-пушечная батарея тем временем наносила удары по городским объектам. Турки опасались приступа, и 4 апреля губернатор Наварина обратился с просьбой к русским о сдаче крепости. Всего сдалось более 1000 человек, трофеи составили: 7 знамен, 42 медные пушки, три трехпудовые мортиры, бомбы, ядра, 800 пудов пороха и многое другое¹⁸.

Ганнибал был назначен комендантом крепости, которую вскоре привел в состояние боевой готовности. Однако обстановка на море изменилась, в соответствии с оперативной необходимостью Наварин решено было оставить, и 27 мая 1770 г. Ганнибал покинул порт, взорвав перед этим укрепления¹⁹.

24—26 июня 1770 г. Ганнибал принял участие в Хиосском и Чесменском сражениях. Именно он руководил подготовкой кораблей-брандеров, внесших весомый вклад в успех русского флота при уничтожении кораблей противника²⁰.

В октябре 1771 г. в императорском указе отмечалось, что «в распоряжениях и в действиях войск при осаде, скоро вынудивших неприятеля покориться, бригадир Ганнибал выказал большое искусство и знание», за что и был пожалован орденом Св. Георгия 3-й степени²¹.

В 1772 г. Ганнибал был произведен в генерал-майоры и продолжал плавание в Средиземном море, вначале в эскадре адмирала Спиридова, а затем — вице-адмирала Елманова. В 1774 г. он был назначен главным командиром порта Ауза²².

После заключения мира с Турцией, там же, в Аузе, Ганнибал вошел в состав комиссии по подготовке к возвращению в Россию русских судов. Известно письмо Екатерины II к Ганнибалу от 18 января 1776 г., в котором она приказывала завершить деятельность порученной ему комиссии, и по возвращении в Петербург доложить о результатах работы ей лично²³.

После войны Ганнибал продолжил службу на Балтике. Когда в 1776 г. Екатерина II посетила флот, находившийся в Кронштадте, она наградила многих победителей. Именно тогда Иван Абрамович Ганнибал и стал генерал-цейхмейстером морской артиллерии. В 1777 г. новое повышение — он становится членом Адмиралтейств-коллегии, а 25 июня 1778 г. ему поручается строительство города и порта Херсон²⁴.

Задача была чрезвычайно сложной. Ганнибалу указывалось: «Вся ожидаемая от сего здания польза состоит в том, чтобы со всею возможною поспешностью до наступления осени, если не совсем отстроено, то по крайней мере все земляные работы, обеспечивающие все те места, были действительно окончены»²⁵.

Работы начались 8 сентября. По приказу Ганнибала были сформированы 12 рот мастеровых, заготовлен лес в верховьях Днепра и

доставлен к Херсону. Из России привезли более пятисот плотников, и вскоре была сооружена верфь. 25 мая 1779 г. на ней был заложен первый 66-пушечный корабль «Слава Екатерины», спущенный на воду в сентябре 1783 г., и продолжилось строительство других судов. Ганнибал добился несомненного успеха, чему свидетельством служит присвоение ему 1 января 1779 г. очередного воинского звания генерал-поручик с сохранением прежней должности генерал-цейхмейстера ²⁶.

Через три года Херсон представлял собой уже настоящий город с дворцом, адмиралтейством, литейным домом, арсеналом, казармами и частными домами. Крепость имела гарнизон и 220 орудий, в гавани находились военные и купеческие корабли, появились торговые иностранные дома. Было построено несколько православных церквей, а в 1782 г. заложили каменный собор ²⁷.

Но подобное превращение пустынного прежде местечка в оживленный город имело и вторую, негативную, сторону. В 1780 г. Херсон посетил Г. Потёмкин. Именно он инициировал столь быстрое строительство, на которое выделил много денег. Цель была ясна: Потёмкин, руководивший этим краем, готовился к предстоящему визиту Екатерины II в Крым. Ганнибал пытался возразить екатерининскому фавориту, что строительство «на скорую руку» не принесет большой пользы, но все было тщетно ²⁸.

Более того, Потёмкин вскоре добился отстранения Ганнибала от руководства строительством Херсона. 20 марта 1783 г. Иван Абрамович получил рескрипт от императрицы, которым ему предписывалось сдать по принадлежности дела в Херсоне и тамошнем адмиралтействе и прибыть в Петербург, где Екатерина «вознамерилась препоручить ему некоторую особую комиссию» ²⁹.

Конечно, ни о какой комиссии в Петербурге речи не шло, ибо 22 февраля 1784 г. Адмиралтейств-коллегия получила высочайший Указ, в котором говорилось: «Генерал-поручик и флота генерал-цейхмейстер Иван Ганнибал по прошению его за болезнями Всемилостивейше увольняется от всех дел, повелеваем производить ему по смерти нынешнее его жалованье» ³⁰.

По увольнении в отставку Иван Абрамович получил звание генерал-аншефа. За свою службу кроме ордена Св. Георгия 3-й степени он был награжден орденами Св. Анны (1775), Св. Александра Невского (1781) и Св. Владимира 1-й степени (1783) ³¹.

Умер Иван Ганнибал в 1801 г. в Петербурге.

Примечания

1. ПУШКИН А.С. Полн. собр. соч. Т. 3. М. 1974—1978, с. 80.
2. См., напр.: ЛЕЕЦ Г. Абрам Петрович Ганнибал: Биографическое исследование. Таллин. 1984, с. 173.
3. МОДЗАЛЕВСКИЙ Б.Л. Родословная Ганнибалов. М. 1907, с. 7
4. Штык-юнкером назывался «чин артиллерии между сержантом и поручиком». ДАЛЬ В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М. 1991, с. 647.
5. ЛОНГИНОВ М.Н. Абрам Петрович Ганнибал. — Русский архив. СПб. 1864, с. 182—183.
6. Русский биографический словарь (РБС). Т. 4. М. 1914, с. 217.
7. Там же.

8. Челобитная А.П. Ганнибала императрице Елизавете Петровне: февраль 1748 г. — Исторический архив. 2007, № 3, с. 217.
9. Там же.
10. МАСЛОВСКИЙ Д.М. Русская армия в Семилетнюю войну. Приложения к первому выпуску. СПб. 1886, табл. 24.
11. Цит. по: БОЛОТОВ А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. Т. 1. СПб. 1871, с. 535—536.
12. Цит. по: МАСЛОВСКИЙ Д.М. Ук. соч., с. 291.
13. См., напр.: ЩЕПКИН Е.Н. Русско-австрийский союз во время Семилетней войны 1746—1758 гг. (по данным Венского и Копенгагенского архивов). СПб. 1902, с. 758.
14. Истолкование литер номеров. План сражения под Гросс-Егерсдорфом. Список карт и схем. Семилетняя война. Сб. документов. М. 1948.
15. Там же, с. 296—297.
16. РБС, с. 217.
17. Цит. по: БЕЛАВЕНЕЦ П.И. Генерал-цейхмейстер морской артиллерии Иван Абрамович Ганнибал. Одесса. 1901, с. 2.
18. Там же, с. 3—4.
19. РБС, с. 218.
20. КАЛЕБЕРДИН В.Е. Балтийский флот в войне с Турцией за выход к Черному морю (1768—1774). Очерки из истории Балтийского флота. Кн. 1. Калининград. 2001, с. 98.
21. Список кавалеров императорского военного ордена святого Георгия. В память столетнего юбилея императорского военного ордена святого великомученика и победоносца Георгия. СПб. 1869, с. 8.
22. БЕЛАВЕНЕЦ П.И. Ук. соч., с. 5.
23. ЛЕЕЦ Г. Ук. соч., с. 171.
24. РБС, с. 218.
25. Цит. по: БЕЛАВЕНЕЦ П.И. Ук. соч., с. 6.
26. РБС, с. 218.
27. БЕЛАВЕНЕЦ П.И. Ук. соч., с. 6; РБС, с. 218.
28. БЕЛАВЕНЕЦ П.И. Ук. соч., с. 7.
29. ШЛЯПКИН И.А. Из неизданных бумаг А.С. Пушкина. СПб. 1903, с. 317.
30. Цит. по: БЕЛАВЕНЕЦ П.И. Ук. соч., с. 8.
31. Историческое собрание списков кавалерам четырех российских орденов. М. 1814, с. 229, 316; РБС, с. 218.

Дагестан в стратегических планах Российской империи, Ирана и Турции в 1735—1740 гг.

М.-П.Б. Абдусаламов, Д.С. Кидирниязов

Аннотация. В работе на основе архивных материалов и специальной исторической литературы рассматриваются стратегические планы России, Ирана и Турции в Дагестане в 1735—1740 годах. Дагестан, занимавший выгодное геополитическое положение, представлял для этих противоборствующих сопредельных держав особый интерес. Они стремились к доминированию в регионе и вытеснению своих соперников. В обстановке агрессии со стороны иранских шахов и османо-крымских феодалов дагестанские народы тянулись к союзу с Российской империей, в ней горцы видели защитницу, способную оградить их от ирано-турецкого захвата.

Ключевые слова: Российская империя, шахский Иран, султанская Турция, внешняя политика, Северный Кавказ, Дагестан, народы, экспансия, подданство.

Abstract. In this work, on the basis of archival materials and special historical literature, strategic plans of Russia, Iran and Turkey in Dagestan in 1735—1740 Dagestan holding an advantageous geopolitical position are considered I was of special interest for these contradictory adjacent powers. They sought for domination in the region and to replacement of the rivals. In the conditions of aggression from the Iranian shahs and the Osmano-Crimean feudal lords the Dagestan people were weighed to the union with the Russian Empire, in her mountaineers saw the defender, capable to protect them from the Irano-Turkish absorption.

Key words: Russian Empire, shah Iran, sultan Turkey, foreign policy, North Caucasus, Dagestan, people, expansion, citizenship.

10 марта 1735 г. был заключен Гянджинский мирный договор между Россией и Ираном. Согласно условиям мирного трактата, Россия обязалась вывести свои войска за р. Сулак и передать Персии Баку в две

Абдусаламов Магомед-Паша Балашович — кандидат исторических наук, доцент Дагестанского государственного университета народного хозяйства. E-mail: vikingpasha@mail.ru; *Кидирниязов Даниял Сайдахмедович* — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. E-mail: daniyal2006@rambler.ru.

Abdusalatov Magomed-Pasha B. — candidate of historical sciences, associate professor at the Dagestan State University of the National Economy. E-mail: vikingpasha@mail.ru; *Kidirniyazov Daniyal S.* — doctor of historical sciences, professor, leading researcher at the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center RAS. E-mail: daniyal2006@rambler.ru.

недели, а Дербент «с уездом и ему подлежащими местами», до старой его границы — в 2 месяца ¹. Это означало, что Прикаспийские области, входившие в состав России после похода Петра I, снова попадали под власть иранского шаха.

В конце мая генерал Д.Ф. Еропкин сдал Дербент вновь назначенному правителю, а сам с русскими полками отправился в крепость Святой Крест. Вскоре, уничтожив эту крепость, российские войска переместились в Кизляр. Сюда же были переселены жители многонациональной крепости Святой Крест ².

Кроме того, на левом берегу Терека между гребенскими казаками и крепостью Кизляр расположилось Аграханское казачье войско. Казаки основали городки Каргалиновский, Дубовской и Бороздиновский, поселенцы которых именовались Терским семейным казачьим войском ³.

Между тем, султанская Турция, рассматривая Гянджинский договор 1735 г. как ослабление интереса России к Кавказу, активизировала в регионе агрессивную политику. Султан подталкивал крымского хана к вторжению на Северный Кавказ. Кроме того, 25 апреля 1735 г. турецкий султан официально объявил себя «покровителем горских народов» ⁴. Порты стала внушать местным народам, что она избавит их от персидского порабощения, пытаясь привлечь их на свою сторону, чтобы перебросить крупные воинские силы из Крыма через Северный Кавказ на помощь своим войскам, сражавшимся на Южном Кавказе с шахскими войсками.

Крымский хан Каплан-Гирей, активно участвовавший в агрессивных планах Порты, в надежде на поддержку адыгских владетелей кашкатавской партии предупреждал их весной 1735 г., что он вскоре отправится в военную экспедицию в Персию ⁵. Необходимо указать, что в Дагестане сторонником турецкой ориентации был только кайтагский уцмий Ахмед-хан ⁶. В мае 1735 г. кайтагскому владетелю турецкий султан через своего посланника Кади-Халиил-агу отправил алмазную печать, большое количество подарков и жалованные грамоты для подкупа местных владетелей ⁷.

В конце июля 1735 г. правитель Крымского ханства Каплан-Гирей выступил в поход, надеясь пройти через Северный Кавказ, чтобы оказать помощь турецким войскам на Южном Кавказе ⁸. Российский посланник в Стамбуле И.И. Неплюев, докладывая об этом своему правительству, предлагал принять срочные меры, чтобы сорвать планы Порты и Крыма. Кроме того, Неплюев, добившись аудиенции у великого визиря Али-паши, заявил: чтобы султанская Турция «на берега Каспийского моря не поставила ноги... двор его (Российского государства. — *М.-П.А., Д.К.*) никогда татарам прохода через свои области не позволит, а меньше еще согласится на принятие Портой в подданство дагестанцев» ⁹.

Необходимо отметить, что выступая в поход, хан Каплан-Гирей решил апеллировать к религиозным чувствам единоверцев — мусульман Северного Кавказа — и поднять их на борьбу против России. В этих целях к местным народам были разосланы «призывные письма» ¹⁰.

15 июня 1735 г. российское правительство приняло решение о необходимости отражения похода хана Каплан-Гирей на Северный

Кавказ¹¹. Находившемуся в крае генералу В.Я. Левашову было дано указание преградил путь крымским войскам в Дагестан¹².

Выполняя указания российского правительства и стремясь удержать местных владетелей на стороне России, генерал Левашов стал закреплять их подданнические отношения, подписывая с ними соглашения о взаимной поддержке. Так, до середины 1735 г. кизлярским комендантом Левашовым были приняты присяги на верность России от владетелей и старшин 30 населенных пунктов Дагестана. Кроме того, в заложниках в Кизлярской крепости находилось 5 чел. от Кабарды — из Аксаия и Эндирея. Специальным распоряжением Левашова было выдано денежное жалование кумыкским князьям Мехти-беку, Султан-Мураду, Сурхаю и Алишу Хамзину, брагунским мурзам Мураду и Мудару Кучумовым¹³.

Двигаясь из-под Копыла, в середине августа крымский хан был уже в Кабарде. К исходу августа вся Кабарда была оккупирована крымскими войсками.

Продвигаясь дальше, к началу сентября крымский хан со своим войском подошел к территории Чечни, откуда Каплан-Гирей обратился к чеченским старшинам и князю Айдемиру Бартыханову с призывом поддержать его в военной экспедиции. Требования дани и покорности вызвали всеобщее возмущение чеченцев. Даже владетель А. Бартырханов, находившийся раньше в союзе с Крымом, отказался его поддержать¹⁴. Крымские войска должны были вторгнуться на Чеченскую равнину для захвата основных чеченских сел через ущелье Хан-Кала на Сунженском хребте, но ополченцы, стянутые со всей Чечни, закрыли проход и истребили крымские отряды, направленные на прорыв, уничтожив до 10 тыс. человек¹⁵. Между тем, с помощью проводников крымском отрядам удалось обойти это ущелье и подойти к границам Дагестана.

Необходимо указать, что обстановка в Дагестане благоприятствовала походу крымских войск. В середине сентября российские войска оставили Сулакскую линию и перешли в левобережье Терека.

В конце сентября в станицу Старогладковскую на Тереке прибыл посланник хана Каплан-Гирея, потребовавший свободного пропуска крымских войск, угрожая, в противном случае, применить силу. Но кизлярский комендант Левашов отверг предложения крымского хана, хотя и не имел сил для выполнения указаний российского правительства¹⁶. Под его командованием против 80 тыс. крымской конницы находились всего 8 тыс. человек. Как известно, основные силы российских войск в это время были переброшены с Кавказа в Крым для участия в российско-османской войне 1735—1739 годов. Поэтому Левашов вынужден был пропустить крымские войска, которые двинулись к Дербенту. В 30 верстах от города произошла ожесточенная битва между крымскими войсками и отрядами тарковского шамхала. В ходе сражения войско шамхала Хасбулата было разбито, и он был вынужден отступить в горы. Но крымскому хану также пришлось остановиться, поскольку он получил тревожные вести из Стамбула¹⁷. Дело было в том, что в июле 1735 г. иранские войска разгромили турок под Карсом и Ереваном, заставив капитулировать их гарнизоны на Южном Кавказе.

Но прежде чем отступить из Дагестана, Каплан-Гирей предпринял ряд мер для сохранения в крае влияния Порты и Крыма. Загнав в

горы сторонника иранского шаха — тарковского шамхала Хасбулата — крымский хан осыпал ценными подарками других дагестанских владетелей. Кроме того, хан Каплан-Гирей назначил тарковским шамхалом племянника Адиль-Гирея — Эльдара, казикумухского владетеля Сурхай-хана оставил правителем Ширвана, а кайтагского уцмий Ахмед-хана-вали — Дербента¹⁸. Необходимо, однако, указать, что эти меры крымского хана не играли особой роли.

Уход хана Каплан-Гирея из Северного Кавказа не принес спокойствия местным народам. Наоборот, вторжение крымских войск ускорило нападение персов на Дагестан. В октябре 1735 г., опустошив джарские населенные пункты, Ширван, лезгинские и табасаранские села, встречая упорное сопротивление местных жителей, персы несли большие потери. 21 ноября войска под командованием Надира подошли к Дербенту¹⁹.

Следует отметить, что появление войск Надира у стен Дербентской крепости заставило объединиться дагестанских правителей. Персидскому командованию стало известно, что шамхал Эльдар Тарковский, уцмий Ахмед-хан Кайтагский и Сурхай-хан Казикумухский решили совместно напасть на сторонника Надира Хасбулата в Казанище²⁰.

Персы решили помочь бывшему шамхалу Хасбулату. Объединенное войско Надира и Хасбулата расправилось с военными силами дагестанских владетелей. Необходимо указать, что Надиру удалось решить свою задачу благодаря разногласиям между дагестанскими правителями.

Вскоре, захватив Акушу, Губден, Кумух и Башлы, оставив часть своих войск в Дербенте, весной 1736 г. Надир с основными воинскими силами возвратился на Мугань, где был коронован шахом на персидский престол²¹.

После ухода из Дагестана иранских и крымских войск обстановка в регионе временно стабилизировалась.

Между тем события осени 1735 г. в Крыму стали для Российского государства фактическим началом войны с Османской империей, которая формально была объявлена весной 1736 года²². Русско-турецкая война 1735—1739 гг. совпала по времени с подготовкой и осуществлением похода Надир-шаха в Индию, Афганистан и Центральную Азию. Между тем, иранский шах, обезопасив накануне индийского похода свои западные границы, старался оставить в тылу усмиренный Кавказ. Задачу покорения Дагестана Надир-шах возложил на своего брата Ибрагим-хана. Ценой крупных потерь последнему в конце 1737 г. удалось вытеснить дагестанцев из Кахетии. Однако весной 1738 г. восстали 6 «вольных» обществ Джаро-Белокан. Вскоре к восставшим присоединились казикумухский владетель Муртузали, сын Сурхай-хана и сын Мухаммед-бека Цахурского. Кроме того, на помощь джаро-беклоканцам пришло двадцатитысячное войско. Попытка иранцев расколоть повстанцев подкупом их представителей закончилась безуспешно.

Узнав об этом, персидский правитель летом 1738 г. направил грозное письмо уцмью Ахмед-хану. В нем говорилось, что дагестанцы, обязанные подчиняться ему, попали под влияние казикумухского владетеля Сурхай-хана, за что будут строго наказаны²³. С возвра-

щением в Дагестан Надир-шах предупредил кайтагского правителя, что он будет жестоко преследовать повстанцев «до пределов аваров и черкесов, чтобы об этом сохранить память до конца света в горах Эльбруса»²⁴.

Брат Надир-шаха, Ибрагим-хан, убедившись в неподкупности дагестанцев, решил усмирить джарцев. Ибрагим-хан во главе крупного войска, численностью 38 тыс. чел., летом 1738 г. вступил на территорию Джаро-Белокан и был убит в битве.

Однако Петербург не сумел воспользоваться изменением ситуации на Северном Кавказе. В сентябре 1739 г. между Россией и Османской империей был поспешно заключен Белградский мирный договор, по которому Россия не получила главного — выхода к Чёрному морю²⁵.

Между тем, возвращение Персии по Рештскому и Гянджинскому мирным договорам Прикаспийской провинции, с условием, что Иран не допустит завоевания этих земель султанской Турцией, а также соглашение об объявлении Кабарды «нейтральной» по Белградскому договору с Портой, естественно, не означало отказа Петербурга от своей восточной политики и ослабления его интереса к Кавказу.

С началом 40-х гг. XVIII в. в истории народов Дагестана открылась новая героическая страница, связанная с борьбой против владычества шахского Ирана и султанской Турции. Весной 1741 г. иранские войска начали наступление на Джаро-Белоканы.

Однако дагестанские владетели, в частности влиятельные старшины Анцуха и Цудахара, решительно отказались поддержать шаха²⁶.

Между тем создавшейся обстановкой пыталась воспользоваться султанская Турция. Порта тайно подстрекала местные народы к борьбе и обнадеживала их поддержкой, избегая открытого конфликта с Персией. В мае 1741 г. Надир-шах во главе крупного войска вторгся на территорию Дагестана. Необходимо указать, что этот персидский поход был направлен в первую очередь против России.

Следует отметить, что поход 1741 г. изменил обстановку в регионе: в частности, возросла пророссийская ориентация дагестанских правителей. Ярким свидетельством тому являются многочисленные обращения местных владетелей и старшин за покровительством и военной помощью к российскому правительству²⁷. Например, правитель Мехтули Ахмед-хан писал, что «все дагистанцы... положили с прочими горскими народами намерение заодно и баталию с персиянами дать изготовились, однако ожидают российского войска»²⁸.

Однако Петербург, связанный с Персией Гянджинским трактатом, и Белградским договором — с Османской империей, не мог принять местные народы в российское подданство. В связи с этим, российским правительством к дагестанским владетелям были посланы новые присяги «в утверждении их верности, а тайно... сделаны были засылки к призыванию в верное и вечное подданство горских владельцев»²⁹.

Одновременно Россия осторожно поощряла местные народы к борьбе против персидских завоевателей, снабжая провиантом и т.д. Так, командующий Царицынской линией генерал-майор А.И. Тараканов сообщил кизлярской администрации, что они направлены в край для оказания помощи «шаховским неприятелям, яко то лезгинам, тавлинцам (горцам. — *М.-П.А., Д.К.*) и прочим... дабы чрез то...

противу шаха и лутчее одобрение оные прийти могли»³⁰. Разумеется лояльная политика российских властей по отношению к северокавказским ханам, князьям и влиятельным старшинам содействовала укреплению пророссийской ориентации в регионе.

Вместе с тем, в Дагестане предпринимались и другие решительные меры, направленные на предотвращение похода иранских войск в Засулакскую Кумыкию. Так, еще в августе 1742 г., когда шахские войска проникли на территорию Чечни и попытались навести мосты в районе с. Брагуны, персы вынуждены были отступить ввиду решительного протеста российских властей и готовности русских войск «дать персиянам отпор»³¹. Для подкрепления этих мер гребенские казаки встали на защиту Терской линии, по Сулаку были поставлены форпосты, в Эндирее и Костеке — воинские отряды из 2 тыс. драгун, подчиненных непосредственно кизлярскому коменданту³². Вдобавок, через российского посланника В. Братищева иранский шах официально был предупрежден, чтобы не форсировал р. Сулак, «ибо граница Ирана на севере проходит от этой реки». В результате решительных мер со стороны Петербурга поход иранских войск в Засулакскую Кумыкию и притеречные районы Чечни был предотвращен³³.

Принятые российским правительством в Дагестане меры оказали отрезвляющее воздействие на шахский Иран. В сообщении русского посланника в Персии В. Братищева от 23 декабря 1743 г. говорилось, что ближайшее окружение шаха, узнав о том, что «в российских границах взяты достаточные к обороне меры... его величество от таких намерений (вторжения. — *М.-П.А., Д.К.*) секретно отвращают... почему его величество склоняется нападению на российские порубежные места забвению предать и поиски на Кабарду уничтожить»³⁴. Убедившись в том, что продолжение войны с дагестанскими народами не принесет ничего иного, кроме новых поражений, в 1743 г. персидский правитель Надир-шах отступил из Дагестана под предлогом войны с султанской Турцией³⁵.

С отступлением персов из Дагестана ситуация в регионе заметно изменилась. Согласно источникам, в марте 1743 г. «владельцы Кайтага, Аварии, Дженгутая и горские старшины решили стать вечными и верными подданными России»³⁶. В августе того же года кайтагский уцмий Ахмед-хан, а также владетели и старшины Нагорного Дагестана повторно заявили, что «желают и просят российской протекции»³⁷.

Между тем, наступление персидского шаха на Карс и осада им Мосула летом 1744 г. вынудили турецкого султана отозвать самозванца на шахский престол Сам-Мирзу II. Все это означало, что планы Османской империи в отношении Дагестана становились эфемерными. Но временная победа над турками не означала упрочения власти Надир-шаха на Кавказе ввиду того, что усиленно шел процесс сближения Северного Кавказа с Российским государством. Касаясь эволюции политических настроений различных слоев населения края, российский посланник при шахском дворе Братищев подчеркивал, что они ожидают «пришествия российских сил... в упрочении якоб тем способом от тирановых надировых рук избавиться»³⁸.

Реально сознавая опасность влияния такого процесса на свои гегемонические устремления на Кавказе, персидский правитель пред-

принял новые попытки покорения Дагестана. В декабре 1744 г. Надир-шах стремительным маршем привел к Дербенту тридцатитысячное войско. Необходимо указать, что эта поспешность иранского правителя преследовала определенную цель — помешать России оказывать покровительство северокавказским народам, многие из которых продолжали обращаться к ней за подданством³⁹.

Это был последний (четвертый) поход персидского правителя Надир-шаха, угрожавший не только народам Дагестана, но и южным границам России. Предупреждая об этом еще до вторжения персидских войск, резидент в Иране Братищев предлагал «принять при Кизляре крепчайшие осторожные меры и содержать эндиреевских и аксаевских владельцов в порядочном состоянии»⁴⁰. Однако неоднократные обращения кизлярского коменданта В.Е. Оболенского к астраханскому губернатору В.Н. Татищеву о присылке войск остались без последствий⁴¹.

Пользуясь этим, персидский правитель Надир-шах предпринял ряд дипломатических и военных действий, стараясь отвлечь местных владетелей и старшин от союза с Россией и подчинить их себе. В начале 1745 г. Карабудахент, Губден, Утемиш и Бойнак были разрушены шахскими войсками, жители подвергнуты жестоким репрессиям, десятки тысяч голов скота доставлены в иранский лагерь. Это подвигло Надир-шаха к новым акциям. Но попытка повторить карательный поход в горы, предпринятая в обстановке подъема национально-освободительной борьбы и активного сближения Дагестана с Россией, потерпела провал⁴².

Убедившись в том, что открытая война с народами Дагестана может привести к необратимым катастрофическим последствиям, Надир-шах пытался добиться своих целей путем подкупа местных владетелей и старшин, отправив к ним из Дербента специальные воззвания, провоцировавшие их против России, но никто из них, даже прежний сторонник персидского правителя шамхал Хасбулат, не отозвался на этот призыв⁴³.

Между тем, учитывая стратегическое значение Дагестана в своей кавказской политике и стремление местных народов избавиться от гнета Персии и Порты, российское правительство сочло необходимым усилить активность своих представителей в крае для укрепления российского влияния. Однако Петербург, боясь осложнения международных отношений, официально не объявлял о присоединении владений региона, хотя тайно оказывал им помощь и поддержку⁴⁴.

Подлинные намерения правящих кругов Порты становились очевидными по мере ее ослабления и разложения Сефевидского государства. К 40-м гг. XVIII в. международные позиции султанской Турции намного ослабли, заметно нарастал ее внутренний кризис⁴⁵. Военно-феодалная держава Надир-шаха доживала последние дни. Упорная освободительная борьба народов Кавказа и политика России, направленная против стремления Персии и Османской империи овладеть этим регионом, сыграли свою роль в ослаблении этих монархий. По мере развития военно-феодалного деспотизма, усиления сепаратистских тенденций и внутреннего распада власть Надир-шаха лишилась своей феодальной опоры. В результате заговора придворных в

июне 1747 г. Надир-шах был убит. Необходимо подчеркнуть, что ослабление шахского Ирана нисколько не соответствовало интересам России, так как могла привести к усилению агрессии со стороны Порты.

Узнав о смерти иранского правителя Надир-шаха, в начале октября Тайный совет Коллегии иностранных дел России подтвердил необходимость активизации российской политики на Северном Кавказе ⁴⁶.

Нужно отметить, что эти решения оказались своевременными. Так, летом 1747 г. с фирманами османского султана Махмуда и крупной суммой денег в Дагестане появился турецкий эмиссар Юсуф-паша. Однако и на этот раз попытка Порты установить свое влияние в крае путем подкупа местных владельцев кончилась провалом. Одновременно Петербургом проводились и другие мероприятия для укрепления своих позиций на Северном Кавказе. Политика «ласкания» дагестанских владельцев способствовала усилению их пророссийской ориентации. Негласная поддержка Россией стремления дагестанских народов оградить себя от притязаний османов после смерти Надир-шаха способствовала дальнейшему расширению и укреплению российско-дагестанских отношений. Достаточно сказать, что на рубеже 40-х гг. XVIII в. обратились в Петербург и приняли российское подданство дагестанские владельцы: Ахмед-хан Кайтагский, Хасбулат Тарковский, Эльдар Тарковский, Мехди Бойнакский, Муртузали Казанищенский, табасаранские майсум Муртузали и кадий Муртузали, Гусейн-хан Дербентский, Магомед-хан Казикумухский, а также многие старшины Южного и Нагорного Дагестана ⁴⁷.

Таким образом, анализ внешнеполитической деятельности Российской империи, Оттоманской Порты и шахского Ирана в 1735—1740 гг. показывает, что Дагестан, в силу своего стратегического положения, играл важную роль в их завоевательных планах в Кавказском регионе. Сформировавшаяся в ходе русско-персидского и русско-османского противоборства ситуация обусловила ключевые направления и пути реализации политического курса этих соперничавших государств в Дагестане.

Ослабление позиций России на международной арене в период правления «немецкой партии» во главе с Э.И. Бироном (1730—1740) и изменение соотношения сил в регионе сначала в пользу Турции, а затем Ирана внесли значимые коррективы в выработку и реализацию их планов на Кавказе. Конкретным проявлением «нового внешнеполитического курса» Петербурга явилось возвращение Ирану Прикаспийских областей и Дагестана по Рештскому (1732 г.) и Гянджинскому (1735 г.) договорам, что облегчило осуществление завоевательных походов осmano-крымских и иранских феодалов в Дагестан и Закавказье.

Но эти мирные соглашения, подписанные под угрозой формирования антироссийского альянса европейских государств на западе и ирано-турецкого враждебного блока на востоке, не означали «отстранения» России от кавказских дел. В обстановке агрессивных устремлений Ирана и Турции Россия продолжала оказывать негласную поддержку кавказским народам в их героической освободительной борьбе против захватчиков. Российская армия, не раз встававшая на пути

экспансии турецких, крымских и иранских феодалов (1735, 1742—1743 гг.), ускорила крах захватнических планов их вдохновителей. В этом проявилось совпадение целей политики России на Кавказе с народно-освободительной борьбой горцев Дагестана, определившее качественный сдвиг в расширении и укреплении русско-дагестанских связей.

Примечания

1. ЮЗЕФОВИЧ Т.Д. Договоры России с Востоком политические и торговые. СПб. 1868, с. 202—207.
2. ВАСИЛЬЕВ Д.С. Очерки истории низовьев Терека. Махачкала. 1986, с. 82.
3. История Дагестана. Т. 1. М. 2004, с. 431.
4. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. Сношения России с Турцией, оп. 89, д. 6, 1735 г., л. 13об.
5. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. ВУА, оп. 1, д. 45, л. 52—53.
6. СОТАВОВ Н.-П.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М. 1991, с. 89.
7. АВПРИ, ф. Сношения России с Турцией, оп. 89/1, д. 6, 1735 г., л. 107—107об.
8. РГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 45, л. 4—5.
9. Там же, с. 110.
10. АЙТБЕРОВ Т.М., ХАПИЗОВ Ш.М. Елису и Горный магал в XII—XIX вв. (очерки истории и ономастики). Махачкала. 2011, с. 336—337.
11. ШУЛЬМАН Е.Б. О позиции России в конфликте с Турцией в 1735—1736 гг. — Балканский исторический сборник. Кишинёв. 1973, вып. 3, с. 25.
12. СМИРНОВ Н.А. Политика России на Кавказе в XVI—XIX веках. М. 1958, с. 75.
13. БУТКОВ П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб. 1869, ч. 1, с. 120, 130, 157, 159.
14. Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. Т. 2. М. 1957, с. 233—234, 237, 243.
15. МАХМУДОВА К.З. Северо-Восточный Кавказ в политике России, Ирана и Турции в XVIII — 20-е годы XIX в. Грозный. 2012, с. 278.
16. Там же, с. 278—279.
17. СОТАВОВ М.Н. Крымское ханство в русско-турецких отношениях в XVIII в. (1700—1783) в свете влияния их на Дагестан. Махачкала. 2010, с. 65.
18. СОТАВОВ Н.-П.А., КАСУМОВ Р.М. Дагестан и Каспий в международной политике эпохи Петра I и Надир-шаха Афшара. Махачкала. 2008, с. 94.
19. СОТАВОВ Н.-П.А. Крах «Грозы Вселенной» в Дагестане. Махачкала. 2013, с. 155—156.
20. Хроника войн Джары в XVIII столетии. Баку. 1935, с. 35.
21. ГАДЖИЕВ В.Г. Роль России в истории Дагестана. М. 1965, с. 128.
22. РГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 45, л. 47.
23. СОТАВОВ Н.-П.А. Крах «Грозы Вселенной». Махачкала. 2000, с. 124.
24. ЕГО ЖЕ. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в., с. 97.
25. БЕГЕУЛОВ Р.М. Центральный Кавказ в XVII — первой четверти XIX века: очерки этнополитической истории. Карачаевск. 2009, с. 117.
26. АВПРИ, ф. Сношения России с Персией, оп. 77, д. 4, 1741 г., л. 94.
27. История Дагестана, т. 1, с. 442.
28. ГАДЖИЕВ В.Г. Ук. соч., с. 131.
29. БУТКОВ П.Г. Ук. соч., ч. 1, с. 223.
30. СОТАВОВ Н.-П.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в., с. 107.
31. АВПРИ, ф. Сношения России с Турцией, оп. 89, д. 6, ч. 1, 1742 г., л. 162—163.
32. История Дагестана, т. 1, с. 443.
33. Сб. РИО. Т. 96. СПб. 1896, с. 579.

34. СОТАВОВ Н.-П.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в., с. 110.
35. История Дагестана, т. 1, с. 446.
36. СОТАВОВ Н.-П.А. Крах «Грозы Вселенной», с. 190.
37. АВПРИ, ф. 77 Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1743 г., д. 4, л. 348.
38. АРУНОВА М.Р., АШРАФЯН К.З. Государство Надир-шаха Афшара. М. 1958, с. 24.
39. РГВИА, ф. 20 Воинская экспедиция военной коллегии, оп. 1/47, д. 242, л. 72.
40. Там же, л. 13об.
41. СОТАВОВ Н.-П.А. Северный Кавказ в кавказской политике России, Ирана и Турции в первой половине XVIII в. Махачкала. 1989, с. 171.
42. Там же, с. 171—172.
43. СОТАВОВ Н.-П.А. Крах «Грозы Вселенной», с. 193.
44. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М. 1988, с. 435—436.
45. МЕЙЕР М.С. Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М. 1991, с. 191.
46. СОЛОВЬЁВ С.М. История России с древнейших времен. Т. 22. М. 1993, кн. 11, с. 497—498.
47. СОТАВОВ Н.-П.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в., с. 119.

Португальский национал-синдикализм в борьбе за власть

А.Г. Кондратьев

Аннотация. Движение португальских национал-синдикалистов началось с газеты «Revolução», придерживавшейся профашистских взглядов. Его лидером был Франсишку Рулэу Прету, который хотел «заработать симпатии рабочего класса». Он собирался поставить во главе корпоративного государства современную харизматическую персону. Движение португальских национал-синдикалистов вдохновлялось идеями лузитанского интегрализма. Его доктрина основывалась на национальной традиционной антипарламентской монархии. Лузитанский интегрализм приветствовал независимость корпораций и торговых союзов и выступал против классовой вражды, забастовочного движения. Он также ратовал за децентрализацию власти.

Ключевые слова: португальское национал-синдикалистское движение, интегрализм, корпоративное государство, монархия, фашизм.

Abstract. Portuguese National Syndicalists Movement (Movimento Nacional-Sindicalista) was originated from the newspaper “Revolução”, holding pro-fascist views. Its leader was Francisco Rolao Preto who wanted “to earn the sympathy of working class”. He was going to put a modern charismatic personality at the head of corporative state.

Portuguese National Syndicalists Movement was inspired by ideas of the Lusitanian Integralism (Integralismo Lusitano). Its doctrine was based on the national traditional antiparliamentary monarchy. Lusitanian Integralism favoured corporations and trade-unions independence and opposed class fighting, striking movement. It was also for the decentralization of power.

Key words: Portuguese National Syndicalists Movement, integralism, corporative state, monarchy, fascism.

В первой половине XX в. на политическом небосклоне стран Западной Европы появились различного рода праворадикальные организации, течения и движения. К их числу принадлежало португальское Национал-синдикалистское движение, у истоков которого стоял Франсишку Рулэу Прету.

Рулэу Прету родился 18 апреля 1858 г. в Фундэу. Еще будучи студентом лицея, он покинул Португалию, так как был недоволен

Кондратьев Александр Генрихович — кандидат филологических наук, доцент Томского государственного университета. E-mail: Aleksander1870@mail.ru.

Kondratyev Alexander G. — candidate of philological sciences, associate professor of the Tomsk State University. E-mail: Aleksander1870@mail.ru.

республиканским строем, установившимся в стране после свержения в 1910 г. Браганской династии. Некоторое время он жил в Бельгии, где познакомился с Шарлем Моррасом, лидером монархического движения «Action française», придерживавшегося консервативной идеологии, идей монархизма и национализма, оказавшего заметное влияние на формирование мировоззрения молодого Рулэу Прету. В начале первой мировой войны Рулэу Прету перебрался во Францию, где в университете Тулузы получил степень лиценциата права.

На начальном этапе становления режима Салазара социально-политическая обстановка в Португалии характеризовалась тем, что в стране не существовало массового фашистского движения, культа вождя, воинствующего расизма и иррационализма. Рулэу Прету занял радикальную позицию, сходную с итальянским фашизмом. «Его личная эволюция с начала 1920 г., пройдя через серию лиг и движений, являлась зеркалом развития ультраправых сил в Португалии»¹. Цель своего движения он видел в «завоевании рабочего класса», а «старую фигуру монарха стремился заменить более современным харизматичным лицом, которое возглавило бы корпоративный режим»². Являясь членом Центральной хунты лузитанского интегрализма, Прету публиковал на страницах прессы статьи по социальным вопросам.

Первая угроза Новому государству возникла в 1930 г. не со стороны левых сил, которые Салазар легко нейтрализовал, а в результате действий ультраправых, вскоре организационно оформившихся в Национал-синдикалистское движение, опиравшееся на военную силу и пользовавшееся популярностью и поддержкой младшего офицерского состава.

В 1932 г. группа студентов профашистской ориентации, создав Учебную хунту Лузитанского интегрализма Лиссабонского университета, стала выпускать газету «Revolução». Среди ее основателей находились Антониу Педру, Дутра Фариа, Франц де Алмейда Лагранш, Баррадаш де Оливейра, Перейра де Матуш и др. Они пригласили Рулэу Прету в качестве своего вождя. Совместно с Алберту Монсарашем он создал организацию Национал-синдикалистское движение — ультраправой, профашистской направленности. Его члены носили голубые рубашки. Отличительным знаком движения являлся крест Христа. Попытки Прету и его сторонников объединить разрозненные праворадикальные группировки в единую фашистскую партию потерпели крах, ибо «национал-синдикализм знаменовал собой попытку запоздалого объединения внутри фашистских групп праворадикальных сил лузитанского интегрализма в годы нахождения у власти Сидониу Паэша»³.

После прихода Гитлера к власти в Германии в 1933 г. на страницах газеты «Revolução» появилось несколько статей, посвященных национал-социализму, его политике, но в идеологическом отношении национал-синдикализм никогда не шел на сближение ни с проповедуемой нацистами расовой теорией, ни с антисемитизмом. Он поддерживал связи с фашистской Италией, осуждал экстремистские действия румынских железногвардейцев Кодряну и Хориа Сима, перенявших многое у Союза Михаила Архангела.

На страницах газеты «Revolução» национал-синдикалисты проповедовали идеи лузитанского интегрализма. Это была реакция на антиклерикализм республиканского строя, утвердившегося у кормила государственного руля после 1910 года. Его основу составляли син-

дикализм и муниципальное управление, овеянные духом католицизма, где над безмятежной вечностью распростерлась «длань Господня», наметив путь, по которому следует направиться португальскому народу, ибо так «предначертано судьбой». Португальская нация провозглашалась «творением Божиим и Богом созданной», наивысшей общностью на земле. Идеология интегрализма покоилась на защите национальных ценностей, «исторического прошлого страны, традиций, культуры, обычаев, религии, на сотрудничестве различных социальных классов с целью достижения гармонии и социального единства»⁴.

Лузитанский интегрализм защищал монархию, свободу корпораций и профсоюзов, соревнование между различными экономическими структурами, предприятиями и заводами. Он противостоял классовой борьбе, забастовочному движению, государственным профсоюзным объединениям, предпочитая для разрешения трудовых коллизий создавать рабочие суды. Являясь социально-политическим течением в Португалии, интегрализм выступал против парламентаризма, содействовал децентрализации власти, ратовал за традиционную, но не абсолютную монархию. Доктрина португальских интегралистов основывалась на органической, традиционной, антипарламентской монархии, покоящейся на личной власти короля, охраняющего общие интересы. На монарха возлагались исполнительные функции, ему вменялась в обязанности «дипломатическая и военная защита» интересов государства, «общее финансовое руководство», «верховная судебная власть»⁵. Децентрализация власти должна была осуществляться через корпорации, профсоюзы, семью, церковные приходы и муниципалитеты. Интегралисты придавали особое значение человеку, что совпадало с христианской концепцией жизни, которая рассматривала Христа, как высшее выражение человека, к сущности которого он устремлен в своих делах, помыслах и поступках. Семья воспринималась ими как первооснова человеческого общества, которая спасает личность от морального разложения. Опираясь на семью, традиции, муниципалитеты, профсоюзы, национал-синдикализм ставил перед собой задачу защитить интересы всех классов и слоев общества, что, по мнению его представителей, спасет общество от политической дезинтеграции.

Программа Национал-синдикалистского движения не была строго определена, в зависимости от обстоятельств она менялась. За ее основу были взяты «Двенадцать принципов выпуска промышленной продукции», которые Прету огласил еще в 1920 году. Португальскую нацию он рассматривал в качестве вечной реальности, а Родину — как «реальность, ниспосланную Землей, Климатом, Языком, Расой и Историей», отрицая «ликвидацию национального производства», «отвергая изолированное существование классов, лукавство, с которым втягиваются в тяжбу по собственному почину необходимые для нации составляющие части, отрицая также солидарность мирового пролетариата, находящегося вне священных границ нации»⁶.

Интегралисты отождествляли капитализм с либерализмом, который противоречит интересам рабочих, так как вся прибыль достается хозяину производства. Капиталист лишает трудящегося причитающейся ему доли прибыли и лишь стремится увеличить оборот своих средств в ущерб потребительской цене, затратам труда, зависящим от количества и качества произведенной продукции.

Национал-синдикалистское движение также признавало частную собственность в качестве естественного права человека, но накладывало на нее определенные ограничения, предусматривало вмешательство государства, если речь шла об интересах нации, стремилось свести на нет происки плутократии, национализировать капитал анонимных обществ. Его антикапитализм предусматривал создание общества мелких производителей, которым угрожала концентрация промышленного и финансового капитала. Если требовалось поддержать трудящихся, рабочий класс, то национал-синдикалисты переходили к прямому обвинению хозяев и финансистов. Особое внимание движение уделяло средним слоям населения, подчеркивая, что «национал-синдикалистское государство не перестанет поддерживать средние классы, так как именно они установили социально-экономическое равновесие нации, послужив ей тремя мощными средствами: профсоюзными объединениями, обязательным вступлением в корпорации, доверием к вмешательству государства» ⁷.

Работа провозглашалась национальным долгом, ведущие средства производства подлежали национализации, национальная экономика должна была ориентироваться на техническое перевооружение.

Национал-синдикализм подвергал нападкам международный промышленный и финансовый капитал, пытавшийся закабалить Португалию, свести ее до уровня третьеразрядного государства, лишит колоний, ввести на практике настоящее корпоративное представительство, при помощи которого прибыль ведущих предприятий, заводов более или менее справедливо распределялась бы среди неимущих слоев населения, навязать португальцам имперский менталитет.

В своей пропагандистской работе национал-синдикализм определял свое движение как авангард национальной революции, рассматривал себя единственно способным осуществить ее до конца, не покушаясь на основы существующего государственного строя, так как «Национальная революция трудящихся... не вызывала... какого-либо вопроса к существующему режиму» ⁸. Испытывая «юношеский задор», выдвигая в качестве главного аргумента «социальную проблему», национал-синдикалисты устраивали шумные публичные демонстрации, имевшие сходство с нацистскими и фашистскими манифестациями. Самая мощная демонстрация состоялась в Порту, когда по улицам города прошло 6200 членов движения — полувоенных формирований, одетых в голубые рубашки, распевавших боевые песни.

Португальская пресса различных регионов по-своему, но вполне доброжелательно, оценивала суть национал-синдикализма. Одна из газет о. Мадейра основу национал-синдикалистского государства видела «в семье, традициях, муниципалитете, профсоюзе, корпорации, нации» ⁹. Газета «Nacional-Sindicalista» из Фару отмечала, что движению присущ «антикоммунизм, антилиберализм, антидемократизм, антикапитализм, антиконсерватизм» ¹⁰. Многие средства массовой информации пестрели лозунгами: «Национал-синдикализм — это современное гуманистическое выражение португальского национализма! Мы — реальность, с которой необходимо со всей уверенностью считаться!»

В Национал-синдикалистское движение в основном входили жители Лиссабона и провинций Брага и Браганса, расположенных на

севере страны, население которых всегда отличалось особым консерватизмом. В социальном отношении в ее ряды влились рабочие, служащие, студенты, преподаватели вузов, мелкие предприниматели и земледельцы, небольшое число младших офицеров и солдат, прошедших через горнило первой мировой войны. Их насчитывалось несколько десятков тысяч человек. Позиция национал-синдикалистов во многом совпадала с точкой зрения на развитие португальской государственности интегралистов и правительственных кругов. Они придерживались антипарламентских настроений, защищали иерархическое построение общества, его законы и порядок, приветствовали авторитарность, в конечном итоге стали выступать за отмену свободы конкуренции, за ее замену на экономику, руководимую государством, за сохранение семейных ценностей, за создание корпоративной системы и обязательное вхождение в нее всех португальцев. Радикализм некоторых положений вызвал недовольство у руководства интегралистов, и только личный авторитет Рулэу Прету позволил привлечь в движение многие интегралистские ячейки.

На первых порах, не видя особой разницы между политикой правительства Салазара и собственной программой, национал-синдикалисты оказали ему поддержку. 28 мая 1933 г. Рулэу Прету, выступая на страницах газеты «Revolução», заявил: «Наш сегодняшний вождь, которому нация уже обязана делом за значительную стабилизацию в области финансов, незамедлительная деятельность которого уже испугала мир, связан публичными заявлениями, которые неоднократно повторялись, что для нас самый надежный залог тот, с которым наши усилия встречают аплодисментами власти, и мы должны ожидать законодательных изменений, которые помогут нам в нашей задаче полностью изменить социальные средства существования в Португалии»¹¹.

Рулэу Прету от восхваления премьер-министра постепенно перешел к более критической оценке его деятельности. В брошюре «Салазар и его эпоха», опубликованной в 1933 г., а также в интервью, которое он дал известному португальскому журналисту Антониу Ферру, отмечалось, что он видит в диктаторе «человека центра», «университетского формалиста, который не понимает социальных проблем»¹² и не способен совершить революцию.

Национал-синдикалистское движение отказало в поддержке Конституции Нового государства, которая предусматривала компромисс между либеральными принципами и интегралистским корпоративизмом.

В 1933 г. движение обнародовало корпоративное законодательство, в результате чего корпоративизм стал центральным пунктом программы, что нашло одобрение со стороны многих правительственных чиновников. Педру Теутониу Перейра, заместитель Генерального секретаря корпораций, пригласил некоторых национал-синдикалистов принять участие в создании национальных профсоюзов. Амарал Пиррант, Абилиу Пинту Лемуш и Каштру Фернандеш приняли приглашение, что привело к началу раскола движения. Руководство национал-синдикалистов стало утверждать, что между его проектом и планами правительства «имеется дистанция, которая существует между целостным решением и средствами разрешения»¹³.

Национал-синдикалисты выступали за установление прямой диктатуры, их не привлекал в целом проект Салазара по строительству

Нового государства. «Голубые рубашки» ратовали за культ вождя, но премьер-министр, по их мнению, не соответствовал роли харизматического лидера, выступали за милитаризацию гражданского общества, за проведение не только национальной, но и фашистской революции. Они пытались преодолеть разделение на капиталистов и коммунистов, левых и ультраправых и найти свой путь. Португальское правительство, в свою очередь, искало «третий путь» между либеральным капитализмом и сталинским социализмом. Национал-синдикалисты располагали ударными штурмовыми отрядами. Сам Салазар не испытывал особых симпатий к фашистам, взявшим на вооружение идеи «сельского цезаризма».

Пользуясь определенным влиянием в армии, национал-синдикалисты стали готовить заговор. Салазар не желал терпеть никакого оппозиционного движения ни в области политики, ни в идеологии. Однако он чувствовал свою зависимость от президента Республики генерала Ошкара Кармоны, а военные оставляли мало пространства для маневра. При личной встрече президент гарантировал Рулэу Прету поле деятельности для всех националистов. Салазару удалось убедить армию вернуться к своим первоочередным функциям, поддерживать порядок и «защищать единство Родины». Тем не менее, он сменил военного министра, а Антониу Гомеша Перейру, бывшего гражданского губернатора Эворы, испытывавшего непреодолимую неприязнь к национал-синдикалистам, назначил министром внутренних дел, который ввел цензуру на издания движения и ограничил публичные выступления его членов.

Салазар в идейно-политическом отношении опирался на правительственную партию Национальный Союз, пользовавшуюся поддержкой консервативных республиканцев. Национальный Союз, в который входили только представители среднего класса, и Авангардистское студенческое действие, отличавшееся умеренностью взглядов своих членов, по всем направлениям противостояли национал-синдикалистам. Правительственную партию отличал «возвышенный национализм и безудержная устремленность к Величию Родины и к Католической Вере»¹⁴, что вполне устраивало премьер-министра, который хотел, чтобы все другие политические течения исчезли. Национал-синдикалисты перешли к открытой критике Национального Союза. Они считали его «буржуазной», «апатичной» организацией, «абсолютно неспособной на действие и борьбу, которые образуют потребность настоящего времени»¹⁵.

Салазар стремился разложить движение изнутри, соблазнить часть его членов реальной властью, призвав более умеренную фракцию перейти на сторону правительства. 16 июня в рядах национал-синдикалистов произошел окончательный раскол. Прету занял четко выраженную антисалазаровскую позицию. Большинство национал-синдикалистов решило поддержать политику Салазара по реконструкции страны и вошло в правительственную партию Национальный Союз. Дутру Фариа, Рамиру Валадэу, Пиреш де Лима перешли в стан премьер-министра. Правительство запретило газету «Revolução». Тем не менее, Салазар в ноябре 1933 г. разрешил провести конгресс национал-синдикалистской организации, призвав ее лидеров придерживаться умеренных взглядов, отказаться от крайностей фашизма. Однако к

этому времени одна часть синдикалистов ушла в подполье, а наиболее активные члены подверглись аресту.

В июле 1934 г. полиция арестовала Прету и выслала в Валенсию. 27 июля указом Салазара Национал-синдикалистское движение было запрещено, так как, по мнению премьер-министра, оно «вдохновлялось определенными иностранными моделями». Тем не менее, португальский писатель Эса де Кейрош в декабре 1934 г. присутствовал в Монтрё на Всемирном конгрессе фашистов.

В 1935 г. Рулэу Прету, тайно вернувшись в Португалию, принял участие в организации нового заговора, направленного против существующего режима. Среди его участников были монархисты и республиканцы, социалисты и анархисты, которые рассчитывали на поддержку военных. Салазар, как и И. Антонеску, подавивший мятеж железнодорожников Кодряну и Хориа Сима, развязал репрессии против руководителей заговора. Хотя он и использовал некоторые организационные принципы, свойственные фашизму, тем не менее отверг концепцию харизматического построения вождистского государства, милитаризацию режима. Салазар придерживался идеологии католического корпоративизма, реализовывая на практике концепцию сотрудничества церкви и государства.

Вернувшись в Испанию, Рулэу Прету активно сотрудничал с Хосе Антонио Примо де Ривера, помог ему разработать и отредактировать 27 пунктов программы фаланги, которая на первых порах показалась ему «довольно снисходительной к капиталистическому процессу»¹⁶, заявив, что тот не должен забывать о революционных принципах. Он познакомился также с Ледесма Рамосом, основателем Наступательных хунт национал-синдикалистского действия, и генералом Франко. Рамос видел в «голубых рубашках» потенциальных реакционеров, а Прету, в свою очередь, называл вождя фалангистов Хосе Антонио Примо де Риверу «капиталистом». В годы гражданской войны в Испании он воевал на стороне фалангистов. Личный авторитет и обаяние Прету заставили Салазара пойти по пути его политической нейтрализации. Бывшему лидеру национал-синдикализма предлагали важные государственные посты, в том числе должность посла при Святом Престоле, от которой он отказался.

После окончания второй мировой войны Франсишку Рулэу Прету вернулся в Португалию и вновь занялся литературной и политической деятельностью. В 1945 г. он опубликовал книгу «Предательство буржуазии», в которой красной нитью проходит идея необходимости интеграции народных масс в государственные структуры. «Необходимо, — подчеркивал Прету, — чтобы очень богатые стали менее богатыми, а очень бедные — менее бедными». Для достижения этой цели автор предлагал провести национализацию крупных предприятий, банков, пересмотреть систему кредитования, сферу образования, юстиции, обеспечения по старости, в случае болезни, поднять рабочего до уровня среднего класса.

На политическом поприще Рулэу Прету поддерживал Движение демократического единства, а в 1958 г. ратовал за выдвижение кандидатуры адмирала Кинтэу Мейрелеша на пост Президента Португалии. В 1974 г. он основал Народно-монархическую партию.

19 декабря 1977 г. Франсишку Рулэу Прету скончался. Политик Жузе Мануэл Кинташ, оценивая роль Прету, отмечал, что для него

«христианский фундаментализм политической интегралистской направленности имел личные несменяемые взаимосвязанные корни.

Вдохновляясь понятием “общество”, в котором “человек живет ради других людей”, Рулэу Прету весьма недвусмысленно отверг либерализм, фашизм, все другие “левые” и “правые” устройства, где приоритет отдавался государству»¹⁷. По всей вероятности, автор имел в виду финальный этап жизни бывшего вождя национал-синдикализма.

Несомненно, что португальский национал-синдикализм вдохновлялся и в какой-то степени направлялся итальянским фашизмом. Однако однопартийная система Салазара, в которой он усмотрел образчик фашизма, не вызвала у него симпатий. В июне 1934 г. национал-синдикалисты обратились к Салазару с просьбой создать правительство, в котором были бы представлены все политические силы страны. В противовес итальянскому фашизму, провозглашавшему «Все для Нации, ничего против Нации!», португальские национал-синдикалисты заявляли: «Все для человека, ничего против человека!» Такая позиция крылась в христианской традиции, ибо Господь Бог обращался не только к массе, но и к отдельной человеческой личности. Расхождение между интегрализмом Прету, фашизмом Муссолини и национал-социализмом Гитлера крылось в том, что последние являлись проводниками «тоталитаризма, обожествлявшими цезаристское государство»¹⁸. В Португалии Национал-синдикалистское движение «мелькнуло мимолетной ослепительной и стремительной звездой, подверженной головкружительному взлету, но скоро потускневшей»¹⁹.

Примечания

1. Rolão Preto e a ameaça nacional-sindicalista (recurso eletrônico). In: Salazar: uma biografia politica. Allragide. 2010, p. 151—155. URL: <http://books.google.ru>.
2. Ibid., p. 151.
3. Ibidem.
4. Integralismo (recurso eletrônico). Golden Map. Dados eletron (s. l., s.a.). URL:<http://pt.goldenmap.com/Integralismo> .
5. Ibidem.
6. SILVA G. Movimento Nacional-Sindicalista (recurso eletrônico). Causa Nacional: biblioteca & Urquiso Nacionalista. Dados eletron (s. l., s.a.) URL:[http://www.causanacional.net /index.php.intemid=120](http://www.causanacional.net/index.php.intemid=120) .
7. Ibidem.
8. Ibidem.
9. Ibidem.
10. Ibidem.
11. Rolão Preto e os fascistas lusitanos (recurso eletrônico). A constituição do Estado Novo (1933). 2008. URL:<http://ru.scribd.com/doc/6010/8764/ROLÃO-PRETO-E-OS-FASCISTAS-LUSITANOS/>.
12. SILVA G. Op. cit.
13. Ibidem.
14. Movimento nacional-sindicalista (recurso eletrônico). Golden Map. Dados eletron (s. l., s.a.). URL:<http://pt.goldenmap.com/Movimento Nacional-Sindicalista>.
15. Rolão Preto e os fascistas lusitanos.
16. SILVA G. Op.cit.
17. QUINTAS J.M. Francisco de Barcelos Rolão Preto (recurso eletrônico). Portugal. Dados eletron (s. l.), 2008. URL:http://www.angilfire.com/pg/unica/il_frp_francisco_rolão_preto.htm.
18. Ibidem.
19. SILVA G. Op. cit.

Роль Азербайджана в становлении и развитии нефтяной промышленности Казахстана

А.Б. Алекперов

Аннотация. В работе отражен богатый опыт азербайджанских нефтяников, их бескорыстная помощь Казахстану в становлении и развитии нефтяной отрасли промышленности (разведка, бурение, добыча и транспортировка нефти), воспитании научных кадров.

Ключевые слова: оборудование, геологическая разведка, добыча нефти, техническое обеспечение, сотрудничество.

Abstract. A rich experience of the Azerbaijani oil industry workers has found its reflection in this work. Azerbaijani oil industry workers have consistently participated in the formation and development in the oil industry of Kazakhstan. They have participated at all stages of this industry (exploring, drilling, oil production and its transportation).

Key words: equipment, geological exploration, oil extraction, technical supply, cooperation.

Азербайджан был известен как «академия нефти» не только в Советском Союзе, но и во всем мире. Он обладал большим опытом в области разведки, бурения, добычи и транспортировки нефти. В 1934 г. в нефтяные районы РСФСР, Украины, Грузии, Киргизии, Таджикистана, Туркмении и Казахстана прибыли более 200 специалистов из Баку. В то же время в Азербайджане работали нефтяники из этих республик. Такие связи оказывали большое влияние на развитие нефтяной промышленности и внедрение передового опыта в производство ¹.

В 1933—1937 гг. с помощью бакинских нефтяников были открыты 36 новых месторождений нефти на Украине, в Узбекистане, Казахстане, Грузии и Туркмении. Азербайджан играл большую роль в обеспечении данных республик техническим оборудованием. Так, в 1932 г. работники бакинского механического завода им. Ф.Э. Дзер-

Алекперов Азизага Бахрам оглы — доктор философии по истории, ведущий научный сотрудник Института истории имени А.А. Бакиханова НАН Азербайджана. E-mail: azizaghaalekberov@yahoo.com.

Alekperov Azizaga B. — doctor of philosophy in history, leading researcher at the Institute of History named after A.A. Bakihanov. NAS of Azerbaijan. E-mail: azizaghaalekberov@yahoo.com.

жинского отправили на нефтяные промыслы союзных республик, в частности Казахстана, 7136, а в 1933 г. 11 201 специальную насосную установку ².

В оказании технической помощи Казахстану и республикам Средней Азии огромную роль играл бакинский завод имени Л. Шмидта. В 1935—1936 гг. рабочие этого завода выполнили заказы 57 промышленных предприятий и организаций страны ³. В 1936 г. на нефтяных промыслах Казахстана и Средней Азии работало 96 специалистов из Азербайджана ⁴.

Великая Отечественная война поставила перед азербайджанской нефтяной промышленностью сложную задачу — обеспечение народного хозяйства и армии топливом и смазочными маслами. 75% нефти, добываемой в Советском Союзе, приходилось на долю Баку ⁵. Только в 1941 г. было поставлено 23 540 т нефти ⁶. В союзных республиках добыча и переработка нефти находились в тяжелом состоянии, в том числе и из-за ослабления обеспечения Азербайджаном этих районов техническим оборудованием и квалифицированными кадрами.

Нефтяная промышленность Азербайджана играла важную роль в экономической жизни СССР и в послевоенные годы. В 1946 г. добыча нефти в республике составляла 55,2% добычи всей нефти в Советском Союзе. Кроме того Азербайджан обеспечивал другие советские республики оборудованием, необходимым для увеличения нефтедобычи ⁷.

В послевоенные годы стали разрабатываться новые нефтяные месторождения, в том числе и в Казахстане. Для бурения глубоководных скважин были необходимы новая техника и современное оборудование. В решении данной проблемы нефтяное машиностроение Азербайджана играло главную роль. До 1959 г. республика производила оборудование, которое поступало в 11 союзных республик ⁸. В 1952 г. Азербайджан занимал первое место в удовлетворении потребностей Казахстана в нефтяном оборудовании. Только в 1955—1956 гг. завод «Азернефтемаш» отправил в Казахстан 1150 насосных установок, 165 буровых агрегатов и другую технику ⁹. В ноябре 1964 г. Казахстан получил также 60 тыс. различных запасных деталей для обеспечения работы нефтяных скважин ¹⁰.

Несмотря на существование запасов нефти и газа на западе Казахстана, в особенности на юге полуострова Мангышлак, сдача этих месторождений в эксплуатацию силами самой республики была невозможна. Для реализации таких важных мероприятий как проведение геологоразведочных работ, бурение и эксплуатация нефтяных скважин, строительство объектов культурно-бытового назначения, проведение автомобильных и железных дорог, транспортировка нефти и газа, требовалось большое количество квалифицированных рабочих и материально-техническое оснащение.

Так как бакинские нефтяники имели большой опыт в этой области, по поручению ЦК КПСС 29 января 1964 г. секретарь ЦК КП Казахстана И. Юсупов и секретарь Западно-Казахстанского Областного Комитета партии Н. Журин обратились к первому секретарю ЦК КП Азербайджана В.Ю. Ахундову с просьбой о всесторонней помощи азербайджанских специалистов в сдаче в эксплуатацию богатых

месторождений нефти и газа Мангышлака. Юсупов в письме просил направить в Казахстан бригады для капитального ремонта и эксплуатации 6 и бурения 8 скважин ¹¹.

25 февраля 1964 г. на заседании Президиума ЦК КП Азербайджана было принято решение «Об оказании помощи в разведке нефтяных и газовых месторождений и их добыче на Мангышлакском полуострове на основе письма ЦК КП Казахстана» ¹². После публикации этого решения в прессе многие нефтяники выразили свое желание работать в новом районе, отправив письма в «Азернефть», управления нефтяных промыслов и буровые тресты.

Первая группа (2 бригады, состоявшие из 60 чел.) отправилась на Мангышлак в начале марта ¹³, а вторая (80 чел.) — в сентябре 1964 года ¹⁴. Во вторую группу входили представители старого нефтяного района — Ленинского. Среди специалистов, которые впервые добыли нефть в Узене, были начальник главного промысла Ю. Максимов, главный инженер промысла Дж. Рагимов, главный мастер по ремонту подземных скважин К. Зейналов, мастер А. Бейвердиев, впоследствии ставшие почетными жителями Мангышлака ¹⁵. Впервые на участке главного мастера Зейналова, по предложению бакинских ученых и специалистов, было применено оборудование «Азермаш-377» и «Азермаш-43», что дало возможность получать фонтаны нефти одновременно из двух слоев. Азербайджанские нефтяники участвовали в испытании скважин, последовательной реализации всех производственных операций и в подсчете запасов нефти в нефтяном районе Четибай. Здесь работало более 150 азербайджанских специалистов. В конце 1964 г. число азербайджанских нефтяников, работавших на Мангышлаке, превысило 200 человек. После отправки сюда еще 500 чел. летом 1965 г. их число превысило цифру 760 ¹⁶. Бакинцы составляли основное ядро союза «Мангышлакнефть». Работая на нефтяных месторождениях Четибай, Узен, Песчаный, Курганбай, Танга и др., они участвовали не только в бурении скважин и нефтедобыче, но и в обеспечении районов техникой, продуктами, топливом и строительными материалами ¹⁷.

По призыву ЦК ЛКСМ Азербайджана более 200 специалистов, в том числе квалифицированные рабочие — операторы, нефтедобытчики, дизелисты, электрики — прибыли на Мангышлак. В скором времени к ним присоединились 70 представителей азербайджанской молодежи, а 150 чел. обратились с заявлением в районные комитеты и Бакинский комитет комсомола с просьбой направить их в этот район на постоянную работу ¹⁸.

Во время летних каникул туда отправлялись студенческие строительные отряды. В 1965 г. отряд, состоявший из студентов строительного и архитектурного факультетов Азербайджанского политехнического института, работал на строительстве жилья для нефтяников, используя привезенные с собой инструменты и оборудование. Вместе со студентами приехала группа артистов-любителей, выступавшая с концертами перед рабочими ¹⁹.

Азербайджанские комсомолцы на общественных началах собрали библиотеку технической литературы для нефтяников Мангышлака ²⁰.

В результате совместной научной деятельности сотрудников Института геологии АН Азербайджана и Казахстанского производствен-

ного союза «Мангышлакнефть» была создана новая модель разработки месторождений на промыслах Узен и Жетибай в Казахстане, отличавшаяся быстротой и производительностью ²¹.

Азербайджанские ученые приняли самое активное участие в подготовке и реализации особых рекомендаций по добыче высокопарафиновой нефти Мангышлакского полуострова. В этой области сотрудничества особо отличился коллектив Научно-исследовательского института бурения и нефтедобычи Азербайджанской ССР. Научные достижения ученых этого института сыграли значительную роль в сдаче в эксплуатацию нефтяных месторождений в Узене. Проблема увеличения добычи нефти на этом месторождении стала одним из основных направлений в исследованиях специалистов Азербайджанской ССР. Сотрудники института работали в контакте с объединением «Казахстаннефть». Испытательные работы по транспортировке нефти на дальние расстояния в осенние и зимние месяцы вели также сотрудники Института нефтехимических процессов АН Азербайджанской ССР.

29—30 ноября 1965 г. в Баку прошел IV Всесоюзный съезд Научно-технического общества нефтяной и газовой промышленности, в работе которого участвовали более 400 представителей, прибывших со всех нефтяных районов Советского Союза.

Главный инженер объединения «Мангышлакнефть» Н. Смольников, приветствовавший участников съезда от имени молодого коллектива нефтяников Казахстана, отметил: «Нефтяники Казахстана, преодолевая все возникающие перед ними трудности, неуклонно продолжают поиски новых нефтяных месторождений, подготавливая их к эксплуатации. У Мангышлака большое будущее, однако нерешенные технические проблемы, в частности вопросы скопления и транспортировки нефти, усложняют работу нефтяников. Мангышлакская нефть, в составе которой имеется до 30% парафина, замерзает под землей. А это обстоятельство приводит к остановке нефтяных скважин, препятствует транспортировке нефти по нефтепроводам. Пока нам не удалось найти эффективные средства борьбы с этим бедствием» ²². Для решения этой проблемы главный инженер обратился за помощью к участникам съезда, и нефтяники Азербайджана откликнулись на нее.

Азербайджанские ученые разработали комплексную программу деятельности по укреплению нефтяных скважин в различных условиях, по борьбе с коррозией, совершенствованию технологии размещения нефтяных скважин в Казахской ССР и вскоре приняли самое активное участие в реализации этой программы ²³.

В 1965 г. коллектив Азербайджанского государственного нефтепроектного института подготовил проект строительства большого нефтеперерабатывающего завода в Чимкенте, который должен был стать самым крупным нефтяным предприятием подобного типа в Казахской ССР. Ежегодная мощность завода должна была составить 6 млн тонн. Предусматривалось строительство особого нефтепровода, соединяющего Туркмению и Южный Казахстан ²⁴.

Азербайджанская ССР обеспечивала объединение «Мангышлакнефть» инженерно-техническими работниками и рабочими, материалами и специальным оборудованием. В этот период более 15 заводов

Азербайджана выполняли заказы только нефтяников Мангышлака. Почти все работы по бурению и монтажу нефтяных скважин проводились с помощью азербайджанской техники ²⁵.

Нефтяники Азербайджана принимали активное участие в транспортировке казахстанской нефти. В экстренных случаях, когда нефтеперерабатывающие предприятия сталкивались с трудностями при приеме сырой нефти, азербайджанские и казахстанские специалисты совместно искали пути выхода из сложных ситуаций. И. Аллахвердиев предложил монтировать специальные конструкции для швартовки нефтеналивных судов в открытом море, что способствовало значительному улучшению работы нефтяников многих республик Советского Союза. После реализации этого предложения нефтяники Азербайджана приступили к транспортировке нефти из этого района в порты Махачкалы и Волгограда.

На «голубых путях», действовавших на направлениях Актау — Астрахань и Актау — Махачкала, бесперерывно работали танкеры Управления Азербайджанского Каспийского пароходства. Танкеры «Большевик Нариман Нариманов», «Нурек», «Инженер Матвеев» и другие транспортировали азербайджанскую и казахстанскую нефть ²⁶.

В конце 70-х гг. XX в. общий объем товарооборота между Азербайджаном и Казахстаном составил 383 млн рублей. Из Азербайджана в Казахстан было поставлено различных товаров на сумму 234 млн рублей. 85,5% азербайджанского экспорта в Казахстан составляла продукция нефтяного машиностроения ²⁷.

Оборудование, отправленное в Казахстан из Азербайджана в 1980-х гг., полностью удовлетворяло потребности казахстанских нефтяников. В эти годы более 800 молодых граждан Казахстана и Туркмении получили высшее образование в Азербайджанском государственном институте нефти и химии и, став высококвалифицированными специалистами, вернулись на родину. Наряду с этим, более 420 выпускников азербайджанских высших учебных заведений были направлены в Казахстан и Туркмению и сыграли важную роль в развитии нефтяной промышленности обеих республик ²⁸.

В современный период, когда усиливаются связи между тюркскими государствами и народами, необходимо вновь рассмотреть и проанализировать историю связей нефтяников Азербайджана и Казахстана, продолжить позитивные традиции предыдущего поколения, расширяя связи между двумя народами.

Примечания

1. Бакинский рабочий. 21.II.1934; БЕЙДЕМИРОВА Б.С. Роль Азербайджанской ССР во внутренних и внешних экономических связях страны. Баку. 1990, с. 12, 16, 20.
2. Там же.
3. Центральный Государственный Архив Азербайджанской Республики (ЦГА АР), ф. 1610, оп. 7, д. 37, л. 84.
4. БЕЙДЕРИМОВА Б.С. Ук. соч., с. 12, 16, 20.
5. МЕХТИЕВ Г. Деятельность Коммунистической партии Азербайджана в период Великой Отечественной войны. Баку. 1967, с. 255.
6. МЕЛЬНИКОВ В.Ф. Советский Азербайджан — республика дружбы народов. Баку. 1967, с. 29.

7. КОШЛЕВ Ю.Б. Международное сотрудничество и культурные связи. М. 1986, с. 54.
8. ЦГА АР, ф. 411, оп. 39, д. 25, л. 68.
9. КУЛИЕВА З.И. Сотрудничество нефтяников Азербайджана с нефтяниками братских советских республик (1946—1958 гг.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Баку. 1969, с. 10.
10. ГУДРАТОВ Д. Дружба, сотрудничество и совместные достижения. Баку. 1968, с. 135.
11. Архив политических документов Управления Дел Президента Азербайджанской Республики (АПД УДП АР), ф. 1, оп. 51, д. 38, л. 138—139, 141.
12. Там же
13. Азербайджанские нефтяники едут в Мангышлак. — Коммунист. 12.III.1964, № 61 (12 532).
14. АХМЕДШИНА Ф.А. Экономическое сотрудничество Азербайджанской ССР с союзными республиками (1946—1980 гг.). Баку. 1987, с. 157, 176, 198, 215.
15. ЩУКЮРОВ Р. Нефть Мангышлака. — Коммунист. 29.IX.1967, № 230 (13 618).
16. САЯДОВ С. XX век: Азербайджан и мир. Баку. 2006, с. 19—20, 35.
17. Там же.
18. Наука обогащает практику. — Коммунист. 2.XII.1965, № 284 (13 061).
19. Комсомольцы Азербайджана взяли под свое шефство нефтяников Мангышлака. — Коммунист. 1.IV.1965.
20. Там же.
21. АХМЕДШИНА Ф.А. Ук. соч., с. 157, 176, 198, 215.
22. Наука обогащает практику.
23. САЯДОВ С. Ук. соч., с. 19—20, 35.
24. Для казахстанских нефтепереработчиков в Баку разрабатывают проекты. — Коммунист. 15.X.1965, № 244 (13 021); Изготавливают в Баку. — Молодежь Азербайджана. 17.X.1965, № 124 (7088).
25. АМИРОВ А. Роль Азербайджана в становлении нефтяной промышленности в Казахстане и в республиках Центральной Азии. — Нефтяное хозяйство Азербайджана. 1993, № 4, с. 52—55.
26. Нефть Мангышлака идет на север. — Коммунист. 7.VIII.1968, № 183 (3309).
27. АХМЕДШИНА Ф.А. Ук. соч., с. 157, 176, 198, 215; АХМЕДОВ А. Азербайджан в международных отношениях. Баку. 2009, с. 37—38.
28. Там же.

Деятельность шиитских улемов в Ираке в годы первой мировой войны

А.Р. Багирова

Аннотация. Шиитские улемы традиционно играли видную руководящую и организующую роль в шиитской общине Ирака, а также обладали большим влиянием на шиитские племена Среднего Евфрата. Деятельность улемов в годы первой мировой войны в Ираке была достаточно разнообразна — начиная от объявления «джихада против неверных» и участия в этом движении, сотрудничества с османскими властями, привлечения шиитской общины и племен к движению джихада, организации вооруженной борьбы против англичан, участия в войне в составе османской армии, до мобилизации населения на борьбу и придание ей организованного характера и т.д. В работе рассматривается позиция и роль видных шиитских улемов в годы первой мировой войны.

Ключевые слова: шиитские улемы, первая мировая война, Ирак, Османское государство, движение джихада.

Abstract. Shi'a ulama in Iraq have traditionally played an important leadership and organizational role in Shi'a community. They have also enjoyed a significant influence among Shi'a tribes of the Middle Euphrates. Activity of ulama in the First World War years in Iraq was quite varied and distinguished for its originality — starting with declaration of “jihad against infidels” and participation in this movement, cooperation with Ottoman authorities, attraction of Shi'a community and tribes to jihad movement, organization of armed struggle against English, participation in war in the Ottoman Army, mobilization of the population to struggle and providing this struggle with an organizational capacity etc. This work also touches upon the position and role of distinguished Shi'a ulama in the years of the First World War.

Key words: Shi'a ulama, the First World War, Iraq, Ottoman State, jihad movement.

Месопотамский или Иракский фронт (ноябрь 1914 — октябрь 1918) первой мировой войны открылся после высадки английских войск в начале ноября 1914 г. на острове Фао вблизи Басры. Для обеспечения надежного тыла исполнявший обязанности британского политического резидента в зоне Персидского залива А. Нокс обратился к местным арабским племенам с воззванием, в котором обещал им неприкосновенность свободы и религии, а также мусульманских святынь, если они будут сотрудничать, либо сохраняют лояльность.

Багирова Аида Рагим кызы — доцент Бакинского государственного университета. E-mail: aida_bagirova@yahoo.com.

Baghirova Aida R. — associate professor at the Baku State University. E-mail: aida_bagirova@yahoo.com.

Османская империя, вступившая в первую мировую войну в конце октября 1914 г., стремясь привести в движение мусульманский мир, в ноябре объявила джихад¹. 7 и 11 ноября 1914 г. Шейхуль-Ислам Хайри Эфенди распространил фетву, в которой призвал всех мусульман к «джихаду против неверных». 23 ноября было принято обращение к мусульманскому миру, подписанное 30 высшими религиозными деятелями Империи. Оно огромными тиражами в виде листовок и брошюр на различных языках распространялось по всему мусульманскому миру, что, по замыслу османских властей, должно было всколыхнуть местное население и вызвать эффект «бури».

Одновременно османские власти активно работали в направлении привлечения к «джихаду против неверных» улемов священных городов шиитов Неджефа и Кербелы. В условиях османо-британского противостояния позиция шиитских улемов была очень важна, поскольку они традиционно играли видную руководящую и организующую роль в шиитской общине и обладали абсолютным влиянием на шиитские племена Среднего Евфрата. Зная об их способности поддержать и направить движение джихада, османские власти с первых же дней войны стремились подчеркнуть религиозную и политическую значимость улемов². С этой целью местная администрация в Багдаде направила в Неджеф представительную делегацию во главе с Мухаммедом Фадыль пашой Дагестани, Шевкет пашой и шейхом Хумейдом аль-Келидаром. Они были тепло приняты улемами и видными шейхами племен, затем в мечети в Хиндии была организована встреча, в которой участвовали многие улемы, известные гражданские лица, а также шейхи различных племен. Видные улемы — шейхи Сеййид Мухаммед аль-Хаббуби, Абдель-Керим аль-Джазаيري и Джавад аль-Джавахири в своих выступлениях призвали «сообща изгнать неверных с земель ислама». «Турки — наши братья по вере. Мы должны помочь им выдворить врагов из нашей страны». Затем шейх Х. аль-Келидар направился в Куфу, чтобы встретиться с самым авторитетным из шиитских богословов, Великим Аятоллой Сеййидом Казымом аль-Йезди и обсудить с ним вопрос объявления джихада. Несмотря на в целом негативное отношение к младотурецкому правительству, аль-Йезди считал, что главным в данной ситуации является защита страны от существующей угрозы. Поэтому он согласился объявить джихад и выступить против англичан. На своего сына Мухаммеда аль-Йезди возложил миссию поднять племена на борьбу³.

Вслед за этим улемы Неджефа и Кербалы, а затем Самарры и Казымийи издали фетвы об объявлении джихада, в которых призывали мусульманское население освободить земли ислама от неверных. Хотя они в целом не одобряли османские власти из-за «неверного представления ими ислама», а также методы их управления, тем не менее считали, что в борьбе против «английских безбожников» необходимо защищать и поддерживать «центр ислама», быть верным или лояльным ему. Таким образом, шиитские улемы поддержали призыв османских властей к мусульманскому населению «быть готовым встать на защиту своих земель от “неверных”». Помимо религиозных и нравственных побуждений это решение было продиктовано не в последнюю очередь появившимся у них шансом возглавить массовое движение населения и племен, придав джихаду организованный харак-

тер. Поэтому спустя несколько дней после высадки английских войск в Басре шиитские религиозные авторитеты перешли к активным действиям. Толчком к этому послужило обращение жителей города к улемам Неджефа и Кербелы: «Город Басра осажден неверными. Они все вооружены. Нас волнует судьба других городов. Прикажите племенам быть готовыми защитить себя и окажите нам содействие и поддержку»⁴. Обращение жителей Басры зачитывалось в мечетях, населению разъяснялась сложившаяся ситуация, служители культа стремились вдохновлять людей на борьбу. Они внушали населению, что в случае оккупации Ирака англичанами мечети и другие культовые сооружения будут разрушены, Коран сожжен, женщины будут изнасилованы, а старики и дети — убиты. Цель была достигнута — большинство населения начинало ненавидеть врага, которого еще не видело.

«Для защиты ислама нужно вести джихад против неверных» — этот призыв нашел отклик не только у значительной части шиитского населения, но и среди некоторых племен Среднего Евфрата, а также жителей Багдада. Именно под влиянием обращений, воззваний и призывов улемов местное население добровольно отправлялось на фронт и примыкало к османской армии. Улемы не ограничивались фетвами, они старались мобилизовать население на джихад, организовывать отряды добровольцев.

В первых рядах этого движения шел видный шиитский богослов Великий Аятолла Сеййид Казым аль-Йезди, который призывал «племена и население защищать святые места и гробницы имамов»⁵. Другим улемом, объявившим джихад против англичан, был шейх аш-Шариати аль-Исфахани, заявивший, что «для их изгнания из наших земель лень и праздность недопустима. Это является харамом». Среди улемов, участвовавших в мобилизации населения, своей неустанной деятельностью выделялся известный поэт шейх Мухаммед Саид аль-Хаббуби. С целью привлечения населения к движению джихада он неоднократно лично посещал племена Среднего Евфрата, а своих помощников нередко отправлял в более отдаленные районы⁶. Некоторые арабские авторы отмечали, что он пользовался доверием османских властей, для работы с племенами они предоставили в его распоряжение значительные суммы денег, а также выделили средства для поощрения и привлечения к движению джихада различных прослоек населения⁷.

Из-за географической и религиозной близости Кербела была первым городом, который откликнулся на призыв Неджефа. Именно здесь под руководством Сейида Исмаила ас-Садра, Мухаммеда Хусейна Хаири-Мазандарани и Махди ас-Сейида аль-Хусейни был созван большой совет, в котором приняло участие высшее шиитское духовенство⁸. Вслед за Кербелой эстафету джихада приняла Казымийя, возглавляемая Великим Аятоллой Сеййидом Махди аль-Хайдари и шейхом Махди аль-Халиси. С мечетей Казымийи они призывали население к сопротивлению англичанам. Кроме того они направляли депеши в Неджеф, Кербелу и Самарру с призывом начать обсуждение с высшими духовными лицами сложившейся ситуации. Шейх Махди аль-Халиси выступил с фетвой, в которой указывал, что «долгом каждого мусульманина является во имя джихада поступить-

ся своим богатством, а те, кто отказывается, должны насильно лишаться этого», а также с резким посланием под названием «Острый меч в священной борьбе против неверных»⁹, в котором он разъяснял вопросы джихада, его суть и условия, а также обязанности, стоявшие перед мусульманской уммой в сложившихся условиях. В Самарре движение джихада возглавлял Сеййид Мухаммед Таки Ширази, к призывам которого присоединились и другие видные улемы. Своего сына Мухаммеда Рады он направил в Казымийю, чтобы тот присоединился к муджахидам¹⁰.

Английское командование не было готово к подобному развитию событий и действиям улемов, оно рассчитывало, что местное население не только не поддержит османов, но встанет на сторону англичан в борьбе против «своих притеснителей, которые в течение длительного времени держали его под гнетом». После вторжения в Басру, чтобы заручиться поддержкой шейхов племен, а также шиитского духовенства, британский политический офицер П. Кокс неоднократно встречался с ними¹¹. Отметим в этой связи, что деятельность англичан в плане привлечения некоторых местных правителей на свою сторону накануне войны в целом была успешной — им удалось договориться о союзе с шейхом Кувейта Мубараком ас-Сабахом, правителем аль-Мухаммеры шейхом Хазалем, а позже, в 1915 г., — с эмиром Неджда ибн Саудом.

Улемы выступали в местах массовых скоплений людей, призывали их присоединиться к джихаду. Они направляли послания, обращения и воззвания в различные города и шейхам племен, стремились своим личным примером вдохновлять тех, кто либо колебался, либо уклонялся от участия в войне. Многие улемы вместе со своими подчиненными направились из Неджефа на фронт. По пути следования они останавливались в городах и других населенных пунктах, а также у племен, пытаясь поднять народ на джихад. Улемы предписывали шейхам шиитских племен содействовать привлечению соплеменников к войне на стороне османской армии, а также наказывать тех, кто уклонялся от службы¹².

Так, сам Великий Аятолла аль-Йезди лично обратился к шейху одного из племен в районе Насырийи Гата аль-Бутти, приказав ему вместе со своими соплеменниками идти в сторону Басры, а шейху аль-Убейди и его сторонникам напомнил о принятии фетвы защищать Ислам, необходимости сотрудничать во всех вопросах с османским командованием и пропагандировать важность участия в войне на стороне османов. Такое же обращение последовало к шейху племени аль-Хафаджа Али аль-Фадлу. В нем говорилось о недопустимости оппозиции к османским властям и уклонения от войны с «неверными» и предписывалось подготовить и вооружить соплеменников и идти в сторону Басры. Свое обращение аль-Йезди закончил такими словами: «Мой приказ связан не столько с тем, что нужно помогать Османскому государству, сколько необходимостью помогать Исламу»¹³. На колеблющиеся, либо нелояльные племена улемы оказывали давление посредством других племен и предписывали им не уклоняться от войны и быть на стороне османских властей. Особо отличившиеся и примкнувшие без колебания к движению джихада племена получали благодарность и благословление за свои «благородные поступки

и деятельность», а также нередко и определенное «финансовое вознаграждение»¹⁴.

Следует отметить, что призывы улемов к джихаду ограничивались не только Ираком, а распространялись и на ряд соседних территорий. Так, шейх Мустафа Кашани в обращении к различным прослойкам иранского общества призвал их к джихаду, борьбе против англичан и русских, защите Османского и иранского государств, как «защитников Ислама, Корана и мусульманского мира». Другой видный богослов Сеййид Хасан ас-Садр неоднократно направлял жителям Мухаммеры, курдским и бахтиярским племенам обращения, в которых говорилось о необходимости присоединиться к джихаду и вести борьбу против неверных¹⁵. Великий Аятолла аль-Йезди и аль-Исфахани направили два послания правителю аль-Мухаммеры шейху Хазалю, в которых потребовали оказать помощь и поддержку воюющим муджахидам. Фетвы о джихаде были направлены также в Кувейт и Арабистан (Хузестан). Из них местное население и племена смогли узнать об этом движении.

Попытки привлечь эмира Кувейта и шейха аль-Муаммеры к борьбе в определенной степени были обусловлены стратегическим месторасположением территорий и необходимостью увеличения числа муджахидов. Именно на эти два фактора обращали внимание шиитские улемы в своих призывах к шейху Хазалю. «... Ты расположен в очень важном участке, который любыми средствами следует защитить от нападения неверных... Кроме того считается харамом оказывать помощь и поддержку англичанам в их войне против мусульман. Вне зависимости от того, чьим подданным ты являешься — Османской империи или Ирана, исполнение призыва к джихаду обязательен для всех мусульман». В другом послании говорилось: «Тебе необходимо встать вместе со всеми мусульманами на защиту Залива и Басры от неверных... Это — религиозное предписание, обязанность каждого, будь-то иранец или подданный Османской империи...»¹⁶

В годы войны улемы своим личным примером и участием в сражениях стремились вдохновлять на борьбу сотни муджахидов и местное население. После оккупации английскими войсками Басры улемы Неджефа и муджахиды направились в зону военных действий. В районе аль-Курны они разделились на три группы и влились в Османскую армию. На фронте в этом районе отряды муджахидов возглавляли Сеййид Махди аль-Хайдари, шейх аль-Исфахани и Сеййид Мустафа Кашани; на фронте западнее Басры — шейх Махди аль-Халиси с сыном Мухаммедом, Великий Аятолла Сеййид Казым аль-Йезди с сыном Мухаммедом, шейх Джаафар ар-Рады, Сеййид Камал аль-Хилли; на фронте восточнее Басры в районе Шуайбе — шейх М.С. аль-Хаббуби, шейх Мухсин аль-Хаким (с 50-х гг. XX в. до своей смерти в 1970 г. он возглавлял шиитскую общину Ирака. — А.Б.), шейхи Абдель-Керим аль-Джезаири, Абдур-Реза ар-Рады и другие видные улемы¹⁷.

После падения аль-Курны улемы и муджахиды под руководством шейха аль-Хаббуби вошли в Иракский корпус Османской армии, которым командовал Сулейман Аскери паша. По сведениям ряда арабских авторов, в начале войны на Месопотамском фронте в составе османской армии около 1/3 составляло местное население, в том чис-

ле и выходцы из арабских племен¹⁸. По другим данным, общее количество муджахидов и местных племен на Месопотамском фронте колебалось от 30 до 50 тыс. чел., а на фронте в районе Шуайбе было сосредоточено самое большое число выходцев из племен Среднего Евфрата¹⁹. Сулейман Аскери паша возлагал большие надежды на эти силы, поэтому в апреле 1915 г. османские войска при поддержке арабских отрядов атаковали британский лагерь в районе Шуайбе²⁰.

Арабские источники пишут, что по плану Сулеймана Аскери паши, муджахиды должны были напасть на англичан с левого и правого флангов, а основные силы регулярной армии — ударить в центре, тогда как ряд опытных османских полевых командиров (в качестве примера они сослались на мнение некоего Аджми Саадун паши. — *А.Б.*) и муджахиды считали, что окруженные в районе Шуайбе английские войска необходимо было отрезать от основных коммуникаций, совершать на них быстрые и регулярные налеты, в результате чего их силы стали бы таять. Опять же по утверждениям арабских источников, этот план Сулеймана Аскери паши, которого они характеризовали как человека «высокомерного и упрямого», был неудачным и явился причиной поражения османских войск при Шуайбе. По разным данным, в этом сражении муджахиды потеряли около 3 тыс. чел., потери османской армии составляли более 2 тыс. убитыми и ранеными²¹. Сам же Сулейман Аскери паша покончил жизнь самоубийством. Отступавшие османские части были атакованы племенами аль-Мунтафика, что заставило их укрыться в Насирийе. По мнению иракского автора М.Дж. Малика, это было реакцией арабских племен на поражение при Шуайбе, в котором они обвиняли непосредственно Сулеймана Аскери пашу²².

После прибытия в январе 1915 г. в Кут аль-Амару османских войск во главе с Тевфик пашой муджахиды, возглавляемые шейхом Махди аль-Халиси, Сеййидом Мухаммедом аль-Йезди, шейхом Абдель-Керимом аль-Джазаири, присоединились к ним. Их пример вдохновил некоторые племена аль-Ахваза подняться на борьбу — 2 февраля местное племя аль-Бави объявило о присоединении в движении джихада. Они сожгли отдельные участки принадлежавшего англичанам нефтепровода, разграбили амбары компании, в том числе и продовольственные. 25 февраля к ним присоединилось племя Бани Кааб, которое обвинило шейха Хазалю в «пособничестве, покорности и службе англичанам». Им даже удалось захватить небольшой городок аль-Фелахия²³. Но вскоре шейху Хазалю при поддержке англичан удалось разгромить основные силы этих племен.

Между тем, развить успех османской армии на фронте не удалось. Вскоре был получен приказ перебросить основные силы к северо-востоку от Багдада, чтобы остановить продвижение русских частей²⁴. После того, как османские войска покинули занимаемые позиции, муджахиды перешли к партизанским методам борьбы. Удары по английским войскам они осуществляли главным образом в ночное время. Во время их вылазок в районе Басры и Шуайбе десятки груженых продуктами и военным снаряжением кораблей были разграблены, некоторые потоплены, телефонные и телеграфные линии выведены из строя. Тем временем османское командование, перегруппировав силы, начало готовиться к контрнаступлению, одновре-

менно стремясь вновь оживить движение джихада и привлечь к нему помимо Кербелы и Неджефа местные племена. После победы османской армии при Салман Паке, а также окружения английских войск в районе Кут аль-Амары шейхи некоторых племен по примеру улемов, которые сражались на стороне османов, вместе со своими соплеменниками включились в это движение.

Однако это единение продолжалось недолго — вскоре между османским командованием и шейхами племен возникли разногласия, стороны с подозрением и настороженностью стали относиться к действиям друг друга, взаимные обвинения приобрели широкий размах. Это привело к тому, что водораздел между османами и местным населением еще больше углубился, многие покидали фронт, а племена — возвращались в районы проживания. Вскоре в ряде городов противоречия переросли в антиосманские выступления. Определенное влияние на этот процесс оказала, с одной стороны, антиосманская пропаганда англичан, с другой — их подкупы некоторых шейхов племен и видных горожан²⁵. Костяк недовольных составило дезертировавшее из армии местное арабское население, и именно оно явилось основной силой восставших. Начавшиеся в мае 1915 г. выступления сначала охватили Неджеф, а затем перекинулись и в другие города. Несмотря на то, что вокруг города были сосредоточены части регулярной армии, османские власти решили не наказывать город. Учитывая роль улемов и муджтахидов в движении джихада, они попытались разрешить проблему мирным путем. С этой целью в Неджеф была направлена делегация, которая встретила с улемами, видными жителями города и купцами, в результате чего удалось достичь определенных договоренностей²⁶. Изгнанная из города османская администрация вернулась и, таким образом, ее власть была символически восстановлена.

Вслед за Неджефом антиосманские выступления произошли и в соседней Кербеле. В июне 1915 г. покинувшие фронт солдаты вместе с местным населением и представителями племен атаковали здание городской администрации и другие общественные здания, изгнали османских чиновников и захватили власть в городе. Хотя при посредничестве улемов и старейшин города прежние и частично сменившие их новые османские чиновники смогли вернуться в Кербелу, в мае 1916 г. в городе вновь произошли массовые беспорядки, закончившиеся большими потерями и разрушениями²⁷. В октябре 1916 г. стихийные антиосманские выступления перекинулись в Хиллу, в результате чего были разграблены склады, уничтожено много документов и товаров различного назначения. Османские войска осадили город и потребовали от восставших сдаться. После отказа подчиниться приказу, 20 ноября 1916 г. восстание было подавлено силой, его участники подверглись различным наказаниям²⁸.

В целом, отношения шиитских улемов с османскими властями во время первой мировой войны можно расценить скорее как дружественные. Поскольку основное внимание османского командования и шиитских улемов в этот период было сосредоточено на организации массового сопротивления англичанам и борьбе с ними, между сторонами сохранялось взаимопонимание и сотрудничество. В периоды, когда население выражало недовольство политикой османских

властей, улемы старались сгладить противоречия и выступали в качестве посредников для их решения. Так, во время посещения военного министра Энвер паши Багдада в мае 1916 г. Великий Аятолла аль-Йезди и некоторые видные улемы Неджефа и Кербелы обратились к нему с просьбой о снисхождении для жителей указанных городов и их помиловании. В ответной телеграмме Энвер паша заверил, что османские власти не хотят проливать кровь, с уважением относятся к улемам и муджахидам и позаботятся о том, чтобы решить «все недоумения по справедливости и мирным путем»²⁹.

В Багдаде во время встречи с Энвер пашой видный богослов из Казымийи Сеййид Махди аль-Хайдари также просил его мирными средствами решить разногласия и противоречия, возникшие в Кербеле. Энвер паша положительно отнесся к его просьбе и приказал сформировать делегацию для поездки в Кербелу, во главе которой был поставлен сам аль-Хайдари. Кроме трех его сыновей в ее состав были включены шейх Абдель-Керим аль-Джазаيري, Мухаммед Риза аш-Ширази, шейх Абдель-Хамид аль-Келидар, а также двое чиновников из османской администрации. По прибытии в Кербелу они встретились с видными жителями города, которые выразили полную лояльность османским властям и согласие без каких-либо условий вновь принять османских чиновников³⁰.

И хотя со временем движение джихада утратило свой первоначальный эффект, шиитские улемы продолжали взаимодействовать с османскими властями. Даже неудача в Шуайбе и последовавшие за ней события в Неджефе, Кербеле и Хилле мало повлияли на отношения между ними, так как улемы, которые возглавляли движение джихада и выполняли роль политических лидеров, не поддержали восставших и в отношении османских властей не проявили враждебных действий. Шиитские улемы в тот период стремились, с одной стороны, к тому, чтобы джихад против англичан не прекращался, с другой, — сохранить взаимопонимание между османским командованием и племенами³¹. Однако после оккупации британскими войсками Багдада движение джихада полностью утратило свою эффективность и вскоре захлебнулось.

Что касается шейхов племен, то они были в целом недовольны политикой османских властей, но выработать единую позицию в ходе войны им так и не удалось. Некоторые из них считали, что лучше воевать с османами, чем с англичанами, другая часть открыто заявляла, что если бы не было фетвы о джихаде, то они не поддержали бы османов и не участвовали бы в военных действиях на их стороне по причине «их грубости и жестокости, а также непомерно высоких налогов». По мнению ряда арабских авторов, именно религиозные убеждения шейхов и почитание ими улемов сыграли решающую роль в том, что они вместе со своими соплеменниками участвовали в движении джихада, а также выступили на стороне османов³².

Таким образом, шиитские улемы, сыгравшие видную руководящую и организующую роль в годы первой мировой войны, накопили опыт политической борьбы, который позволил им занять своеобразную нишу в политической жизни поствоенного Ирака. Антианглийские восстания 1918 и 1920 гг., активными участниками которых были

улемы, показали, что они утвердились в новом статусе, а их деятельность вступила в особый этап, главным элементом которого стал синтез мирной и вооруженной борьбы.

Примечания

1. AYBARS E. Türkiye Cumhuriyeti Tarihi. İzmir. 1984, с. 63.
2. ABBAS Z. İrakta Şii Merciliğinin Siyasi Rolü. İstanbul. 2013, с. 76.
3. АЛЬ-ВЕРДИ А. Ламахатун иджтимаийатун мин тарих-ль-Ирак аль-хадис. Т. 4. Багдад. 1958, с. 128.
4. АЛЬ-ДЖАБУРИ К.С. Васаику-ль-саурати-ль-иракиййати-ль-кубра мукаддаматуха ва натаиджуха. 1914—1923. Т. 1. Бейрут. 2009, с. 22.
5. АБДУРРАЗАК С. Аль-марджийату ва-ль-ихтилал аль-аджнаби: дирасатун фи фетава ас-Сеййид Казым аль-Йезди дыдда-ль-газви-ль-британийа. 1914. Бейрут. 2010, с. 177.
6. АН-НАФИСИ А. Дауру-ш-шиати фи татаввур-ль-Ирак ас-сийаси-ль-хадис. Бейрут. 1973, с. 86.
7. АР-РАХИМИ А.Х. Тариху-ль-харакати-ль-ислабиййати фи-ль-Ирак. 1900—1924. Бейрут. 1985, с. 131.
8. АШ-ШАРИФИ А.Б. Кербела бейна-ль-харбейн аль-алемиййетейн (1918—1939). Багдад. 2004, с. 36.
9. АР-РАХИМИ А.Х. Ук. соч., с. 167.
10. АН-НАФИСИ А. Ук. соч., с. 80.
11. KÜRKCÜOĞLU Ö. Osmanlı Devleti'ne karşı Arap Bağımsızlık Harekatı (1908—1918). Ankara. 1982, с. 80.
12. АБДУРРАЗАК С. Ук. соч., с. 143.
13. АЛЬ-ДЖАБУРИ К.С. Ук. соч., с. 102.
14. Там же, с. 134.
15. АЛЬ-АЗЗАВИ А. Маусуату тарих-ль-Ирак бейна ихтилалейн. Бейрут. 2004, с. 312.
16. МАЛИК М.ДЖ. Шиату-ль-Ирак ва бинау-ль-ватан. Багдад. 2010, с. 283.
17. АР-РАХИМИ А.Х. Ук. соч., с. 169.
18. АБДУРРАЗАК С. Ук. соч., с. 136.
19. АН-НУДЖАР ДЖ.М. Ан-Наджафу-ль-Ашраф. Хавадис ва мушахид ва мавакиф сийасиййа. 1508—1916. Бейрут. 2005, с. 191.
20. BARKER A.J. The First Iraq War. 1914—1918. Britain's Mesopotamian Campaign. N.Y. 2009, p. 53.
21. АН-НАФИСИ А. Ук. соч., с. 89.
22. МАЛИК М.ДЖ. Ук. соч., с. 284.
23. АС-САЛМАН И.М. Хукму Хазал аль-Кааби фи-ль-Ахваз. 1897—1925. 2006, с. 74.
24. AVCI O. Irak'ta Türk Ordusu (1914—1918). Ankara. 2004, с. 137.
25. АН-НУДЖАР ДЖ.М. Ук. соч., с. 192.
26. KÜRKCÜOĞLU Ö. Türk-İngiliz ilişkileri (1919—1926). Ankara. 1978, с. 47.
27. АШ-ШАРИФИ А.Б. Ук. соч., с. 39.
28. АЛЬ-АЗЗАВИ А. Ук. соч., с. 351.
29. Там же, с. 343.
30. АШ-ШАРИФИ А.Б. Ук. соч., с. 176.
31. WILEY J.N. The Islamic Movement of Iraqi Shi'as. Boulder-London. 1992, p. 74.
32. АН-НАФИСИ А. Ук. соч., с. 125; АР-РАХИМИ А.Х. Ук. соч., с. 132.

ИСТОРИОГРАФИЯ

А.Л. КУЗЬМИНЫХ. *Военный плен и интернированные в СССР (1939—1956 годы). Монография.* Вологда. Древности Севера. 2016. 527 с.

История советского военного плена и интернирования, несмотря на интенсивные исследования и публикации последних лет, отнюдь не утратила своей актуальности. Без детального изучения «архипелага ГУПВИ» невозможно составить объективное представление о внешней политике СССР, отношении советского государства к институту международного права, формировании и функционировании лагерного сектора НКВД-МВД и положении спецконтингента. Тема представляет интерес и с учетом «антропологического поворота» российской исторической науки, ее обращения к проблеме выживания человека в условиях войны и плена. Важно и то, что после возвращения иностранцев на родину их воспоминания стали существенным фактором формирования общественного мнения в отношении советского государства и общества: их «лагерный опыт», мнение о советских людях оказали и продолжают оказывать влияние на восприятие советского и современного российского государства в мире.

Всестороннее изучение советского военного плена и интернирования необходимо для решения ключевых ис-

ториографических проблем, связанных с историей советского государства и общества, создания целостной картины второй мировой войны и осмысления ее последствий.

Зарубежные исследователи приступили к изучению истории советского военного плена и интернирования раньше советских историков. Среди работ западных авторов доминировали основанные на мемуарах издания, в которых речь шла о массовой смертности, голоде, изнурительном труде и духовных страданиях военнопленных и гражданских лиц в советском плену и заключении. Их публикации подвергались резкой критике со стороны советских историков, которые зачастую отрицали факты жестокого обращения с пленными и интернированными гражданскими лицами противника. Советские исследователи в 1960—1980-е гг. рассматривали только вопросы антифашистского движения и наказания военных преступников, а также, отчасти, вопрос о медицинском обеспечении, причем лишь в отношении военнопленных германской армии (тема японских военнопленных и интернированных в СССР была «закрыта», за ис-

ключением вопроса о наказании военных преступников).

Идеологическое противостояние негативно отражалось на характере работ как советских, так и зарубежных авторов. Но главным фактором, затруднявшим изучение советского плена и интернирования, была проблема источниковой базы: вплоть до конца 1980-х гг. материалы в архивах СССР были недоступны и зарубежным, и советским исследователям. Открывшийся на волне «перестройки» доступ к архивным фондам наконец-то позволил приступить к всестороннему изучению «архипелага ГУПВИ». Повышенное внимание общественности к «белым пятнам» истории благоприятствовало публикации работ о пребывании в СССР бывших военнослужащих вражеских армий. Вначале это были статьи и очерки публицистического характера, но они нередко содержали фрагменты (а порой и полные тексты) рассекреченных архивных документов. Авторы затрагивали такие вопросы, как численность и состав военнопленных и интернированных, их правовое положение, условия быта, трудоустройство, привлечение к судебной ответственности, репатриация.

Дальнейшее изучение советского военного плена и интернирования привело к появлению серьезных научных исследований по истории формирования и функционирования системы УПВ-ГУПВИ и ее региональных структур (труды В.Б. Конасова, В.П. Галицкого, С.И. Кузнецова, И.В. Безбородовой, А.В. Потыльчака, А.В. Шаркова, Б.О. Жангуттина, С. Карнера, А. Хильгера и др.), что стало бесспорным достижением отечественной и зарубежной историографии.

Оформились два подхода к изучению советского плена и интернирования: гуманистический и тоталитарный. Сторонники первого подхода (советские и часть российских ученых) счи-

тали, что в СССР руководствовались нормами международных конвенций о военнопленных и стремились, насколько это было возможно, обеспечить плененных и интернированных иностранных граждан продовольствием, одеждой, обувью, медицинской помощью и т.д. Ортодоксальная часть отечественных историков писала о том, что советское государство строго выполняло международные конвенции и обеспечивало военнопленных всем необходимым.

Сторонники тоталитарного подхода (большинство зарубежных ученых, а также часть российских историков) указывают на карательно-репрессивный характер системы ГУПВИ и говорят о грубых нарушениях СССР норм международного права, тяжелом принудительном труде на военных объектах и вредных для здоровья производствах, голоде, плохом медицинском обслуживании, произволе со стороны судебных и внесудебных органов. Согласно тоталитарной концепции, политика государства, ведущая к гибели военнопленных, отражала суть системы советского военного плена.

По мнению доктора исторических наук А.Л. Кузьминых, ни гуманистический, ни тоталитарный подход «не отражает всей сложности и противоречивости того явления, которым являлись советский плен и интернирование» (с. 6).

В 2016 г. в издательстве «Древности Севера» вышла в свет очередная монография Александра Леонидовича, в которой в качестве базовой методологической установки выступает парадигма исторического синтеза. Это позволило автору существенно расширить исследовательские возможности, преодолеть рамки сложившихся историографических школ и направлений (юридическое, политическое, социально-демографическое, экономическое, социокультурное, биографичес-

кое, региональное), избежать излишней политизации и субъективизации истории советского плена и интернирования. Используя междисциплинарный комплексный подход, автор изучил данную систему, во-первых, как международно-правовой институт, во-вторых, как взаимодействие органов и учреждений, в-третьих, исследовал плен «изнутри», с точки зрения существования лагерного социума и поведения человека в подобных условиях, и, в конечном итоге, выработал и представил на суд читателей объективное научное знание о советском военном плене и интернировании.

Автор изучил историографию и источники по теме исследования, разработал и предложил свою методологию изучения проблемы советского военного плена и интернирования (с. 10—71); рассмотрел политико-правовое регулирование режима военного плена и интернирования в СССР (с. 72—118); проанализировал процесс становления и развития подобной системы в Советском Союзе (с. 119—188); исследовал численность и состав военнопленных и интернированных, организацию их содержания и трудового использования, политической и оперативно-следственной работы, судебного преследования (с. 189—285; 307—381; 399—401); изучил индивидуальный и коллективный опыт выживания в условиях плена и интернирования (с. 286—306, 382—399, 402).

Хронологические рамки монографии — период с сентября 1939 г. по декабрь 1956 г.: с начала второй мировой войны и формирования органов и учреждений военного плена и интернирования в СССР до завершения репатриации и их расформирования.

Территориальные рамки исследования охватывают СССР в его довоенных и послевоенных границах. Это, как отметил автор, обусловлено тем, что

«военнопленные и интернированные размещались практически во всех регионах Советского Союза» (с. 6) (в ряде случаев границы исследования выходят за пределы СССР, охватывая те территории, где велись боевые действия и дислоцировались советские органы и учреждения военного плена и интернирования).

Особенностью авторской концепции стало использование комплексного подхода, ориентированного на построение междисциплинарной картины объекта посредством синтеза нескольких разных предметов изучения относительно одного и того же объекта. По мнению Кузьминых, «он способен воспроизвести сложный, динамично развивающийся объект целиком, конкретно-исторически, во всем многообразии его реальных форм и взаимодействия с другими объектами» (с. 45).

Источниковой базой монографии стал обширный комплекс неопубликованных и опубликованных документов по данной теме. Кузьминых основательно изучены документы 70 фондов 17 российских и зарубежных архивов, а также опубликованные сборники документов по истории ГУПВИ.

Автор также использовал документальные сборники по истории ГУЛАГа, органов внутренних дел и государственной безопасности, истории советской повседневности в военный и послевоенный периоды. Эти материалы позволили ему изучить формирование и функционирование системы военного плена и интернирования в контексте общей ситуации в СССР.

Привлек автор и другие виды источников, в частности периодическую печать. Помимо официальных материалов, при подготовке монографии использовался комплекс документов личного происхождения: воспоминания, письма, рисунки, материалы «устной истории».

Безусловно, большого внимания заслуживают выводы, к которым пришел исследователь. Они содержатся в конце каждой главы и в «Заключении».

1. Политике советского государства в области военного плена вначале был присущ классовый подход. Но в годы Великой Отечественной войны и в послевоенные годы он уступил место прагматичному подходу. Советское руководство стало рассматривать военнопленных и интернированных как рабочую силу и инструмент политического влияния в послевоенном мире.

2. В условиях тоталитарного режима институт военного плена и интернирования в СССР приобретал черты репрессивно-карательного института. По своему организационному устройству система УПВ-ГУПВИ во многом копировала систему ГУЛАГа. Схожими были принципы формирования лагерной инфраструктуры, организации режима и охраны, труда и быта, политической и оперативно-следственной работы.

Тем не менее, военнопленные являлись привилегированной категорией спецконтингента НКВД-МВД, так как в обращении с ними руководство СССР ориентировалось на нормы международного права, закрепленные во внутреннем законодательстве.

В худшем положении находились интернированные гражданские лица, правовой статус которых не был четко прописан в международных и внутренних нормативных актах.

На материально-бытовом положении пленных и интернированных в СССР сказывалась ограниченность материальных ресурсов, которые разоренное войной государство могло им предоставить. Существенное воздействие на их положение оказывали природно-климатические условия страны (в восточносибирском регионе японские военнопленные и интер-

нированные находились в особенно трудном положении).

3. Труд военнопленных и интернированных активно использовался более чем 60 наркоматами и ведомствами СССР почти во всех сферах народного хозяйства (при этом приоритет отдавался угледобыче, строительству, тяжелой индустрии). Принудительный характер труда обуславливал низкую рентабельность лагерей УПВ-ГУПВИ. В результате интенсивной эксплуатации «рабсила» теряла трудоспособность и пополняла нетрудовой фонд, который освобождали из лагерей, в первую очередь отправляя на родину.

4. Военнопленные и интернированные подвергались идеологической «обработке», направленной на формирование коммунистического мировоззрения. Из пленных рекрутировался антифашистский актив, комплектовались национальные воинские части, готовились руководящие кадры для стран социалистического лагеря. Но эффективность пропаганды снижалась из-за несоответствия теории и практики социалистического строительства.

5. Среди военнопленных и интернированных проводилась агентурно-оперативная работа, направленная на вербовку внутрилагерной и заграничной агентуры, разоблачение участников зверств и злодеяний на оккупированной территории СССР, сотрудников вражеских разведывательных органов, выявление квалифицированных специалистов в целях их использования в интересах СССР. На ее результаты отрицательно влияли недостаточный профессионализм оперативных работников, формальное отношение к проведению следственных мероприятий, нехватка квалифицированных переводчиков.

6. Советский плен и интернирование стали негативным социальным и личностным опытом для иностранных

военнослужащих и гражданских лиц. С другой стороны, «плен и интернирование, как выход из войны, становятся своеобразной точкой восприятия и взаимопознания между цивилизациями и народами» (с. 410).

Большинство отечественных и зарубежных историков советского плена и интернирования, видимо, согласятся с данными выводами.

Монография содержит огромный фактический материал, который, на наш взгляд, заслуживает быть использованным при подготовке обобщающих трудов по новейшей истории, истории второй мировой войны, отечественных органов внутренних дел и уголовно-исполнительной системы.

Одним из достоинств исследования являются подготовленные Кузьминых приложения (в монографии их 38) (с. 452—517), конкретизирующие обширный материал монографии и во многом позволяющие в сжатом виде увидеть подтверждение тем выводам, к которым пришел автор. Обращает на себя внимание то, что в подавляющем большинстве случаев историк сам систематизировал в виде таблиц материал, выявленный им в архивах, в опубликованных документальных сборниках, трудах ученых (Галицкого, Катасоновой, Сидорова, Суржиковой и др.), исследовавших различные вопросы плена и интернирования в СССР.

При освещении такой масштабной темы как «Военный плен и интерниро-

вание в СССР», причем в широких хронологических рамках, чрезвычайно трудно затронуть все аспекты, связанные с пребыванием в советских лагерях военнопленных вражеских армий. На наш взгляд, материал о военнопленных Квантунской армии представлен автором не так весомо и обстоятельно, как о пленных германской армии. Но подчеркнем, что и в историографию пребывания в советских лагерях японских военнопленных Кузьминых свой вклад внес.

В отношении качества полиграфического исполнения монографии следует сказать, что работа сотрудников издательства «Древности Севера», заслуживает, на наш взгляд, самой высокой оценки.

Подводя итог, отметим, что рецензируемая монография является первым в отечественной историографии научным исследованием, в котором на междисциплинарной методологической основе и обширном корпусе источников комплексно исследованы генезис и функционирование системы военного плена и интернирования в СССР, а также коллективный и индивидуальный лагерный опыт.

Кузьминых своей монографией вносит существенный вклад в изучение истории советского плена и интернирования как целостного исторического феномена.

С.В. СЕРЕБРЕННИКОВ

ГЮНТЕР ЛЕВИ. *Армянский вопрос в османской империи: мифы и реальность*. М. РОССПЕН. 2016. 360 стр.

Летом 2016 г. в издательстве «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН) вышла книга известного американского политолога, заслуженного профессора Массачусетского университета в Амхерсте Гюнтера Леви

«Армянский вопрос в Османской империи: мифы и реальность». Данное издание является переводом книги автора, которая была издана в США The University of Utah Press в 2005 г. под названием «The Armenian Massacres in

Ottoman Turkey A Disputed Genocide» («Армянские погромы в Османской Турции: спорный геноцид»). Вышедшая в Америке книга вызвала огромный резонанс как в академической, так и в общественной армянской и турецкой среде.

На тему армянского вопроса в Османской империи написано и пишется множество книг, выпускаются сборники документов из различных архивов мира — Великобритании, США, Германии, Франции, России и конечно, Турции. Однако дискуссия среди ученых, спустя более 100 лет после событий 1915 г. не только не утихает, а наоборот набирает новые обороты. Это обусловлено в первую очередь политизированностью этого вопроса — вынесением его на рассмотрение парламентов ряда стран и квалификацией ими событий 1915 г., как геноцид.

В мировой научной среде по армянскому вопросу в Османской империи четко сформировались два противоположных и даже враждебно настроенных друг к другу лагеря — армянский лагерь историков, считающих события 1915 г. установленным фактом геноцида, тем самым закрытой темой для обсуждения, и турецкий лагерь историков, рассматривающих переселение армян с прифронтовой зоны вглубь территории Империи, как действие, вызванное восстаниями и массовыми выступлениями армянского населения против центральной власти и поддержкой армянскими вооруженными формированиями наступления российской армии на Кавказском фронте в начале первой мировой войны. Представители обоих лагерей порой отходят от принципа историзма, который требует изучения и анализа событий с учетом конкретно-исторических условий в совокупности. Как правильно заметил Леви, «обе стороны сформировали свои версии, сведя к ним сложную историческую реаль-

ность и проигнорировав важнейшие сведения, которые бы помогли представить более детальную картину. Профессиональные историки обеих сторон копируют информацию из предыдущих работ, не подвергая ее критике, хотя требуется повторное исследование источников. Оба лагеря используют грубую тактику для продвижения своих версий и не желают принимать участие в полномасштабном обсуждении проблемы» (с. 6).

Признанный специалист в мировой научной среде по вопросам геноцида Леви не принадлежит ни к одному из вышеупомянутых лагерей исследователей. Для максимально беспристрастного исследования рассматриваемого вопроса он провел огромную работу в архивах стран, которые были вовлечены в первую мировую войну — в архиве Министерства иностранных дел Германии в Берлине, в Государственном архиве в Лондоне и Национальном архиве в Вашингтоне. По признанию самого Леви, эти источники позволили ему обнаружить не только новые факты, но, что еще важнее, раскрыть картину, радикально отличающуюся от версий, складывающихся из заключений обеих противоборствующих сторон. Скрупулезное изучение и выверка огромного массива первоисточников привели автора к выводу о том, что представители обоих лагерей историков использовали эти материалы очень выборочно, цитируя только те моменты, которые подходили под их интерпретацию событий. «В отличие от большинства тех, кто писал об армянских погромах и кто является сторонниками той или иной версии, — подчеркивает в предисловии своего исследования автор, — я не имел какой-то особой точки отсчета. У меня нет цели в очередной раз распространять одностороннюю версию о депортациях и массовых убийствах... Моя задача — подойти к этому эмоционально окрашенному

вопросу без политических предрассудков и осуществить критический анализ двух историографий» (с. 6).

Книга Гюнтера Леви состоит из четырех частей. Свое исследование автор начинает с изложения исторической ситуации. После распада последнего армянского государства — Киликийского царства — армяне оказались под властью османов. В многонациональной Оттоманской империи существовала система «миллет», по которой каждая религиозная община подчинялась своему главному духовному пастырю: мусульмане — халифу, православные — константинопольскому патриарху, иудеи — главному раввину, а армянское население — католикосу. Система «миллет», введенная Мехметом II (Mehmet Fatih) сразу после покорения им Константинополя в мае 1453 г., представляла собой в действительности институт самоуправления для общин религиозных меньшинств в Империи. В этой системе армяне выделялись особой лояльностью и верностью центральной власти, что стало причиной ее благосклонности к армянам, которых называли «верноподданными». Однако, как заметил автор, после Российско-турецкой войны 1877—1878 гг. все изменилось. Сан-Стефанский мирный договор от 3 марта 1878 г., а также Берлинский трактат от 13 июля 1878 г. обязывали Блистательную Порту «осуществить, без дальнейшего замедления, улучшения и реформы, вызываемые местными потребностями в областях, населенных армянами, и обеспечить их безопасность от черкесов и курдов»¹. По условиям Берлинского трактата, Османское правительство брало на себя обязательство периодически информировать о принятых мерах западные государства, которые должны были наблюдать за их применением.

Леви пишет, что лидеры армян не были удовлетворены условиями Бер-

линского трактата — наравне с народами Балкан они хотели получить право на создание своего государства. В этом контексте весьма примечательно высказывание, которое сделал архиепископ Мкртыч Хримян, приехавший в Берлин с петицией о требованиях армянского населения Османской империи. По возвращении с Берлинского конгресса в Стамбул, во время проповеди в армянском соборе он сказал, что прибыл в Берлин с листом бумаги, в то время как другие небольшие народы Балкан — болгары, сербы и черногорцы — приехали с железными ложками. И когда европейские державы подали на стол конференции «Блюдо свободы», в отличие от армян они смогли зачерпнуть порцию для себя. По сути, эта знаменитая проповедь архиепископа Хримиана была ничем иным, как призывом к взятию за оружие. Созданные в 1887 г. в Женеве группой армянских студентов социал-демократическая партия Гнчакян, а также объединение всех революционных сил в новую организацию в июне 1890 г. в Тифлисе, в результате чего была образована новая партия, получившая название «Армянская революционная федерация» («Дашнакцутюн»), стали проводниками этой идеи. Наряду с общенациональным восстанием, они также рассматривали политический террор одним из важнейших инструментов на пути достижения своих целей. С середины 90-х гг. XIX в. начались первые волнения среди армянского населения Империи, которые в скором времени привели к трагическим событиям.

Во второй части книги Леви подвергает критическому анализу две соперничающую — армянскую и турецкую — историографии по рассматриваемому вопросу. Это, пожалуй, самая интересна, самая важная часть исследования. Автор подчеркивает, что наиболее распространенное мнение среди

армянских исследователей заключается в том, что решение Османского правительства, управляемого Комитетом «Единение и Прогресс», о переселении армянского населения с прифронтовых районов вглубь страны являлось хорошо организованным государственным планом по уничтожению армянского населения Империи, а война рассматривалась им как прикрытия для осуществления давно запланированного геноцида. Основными элементами доказательной базы исследователей армянской версии являются идеология туранизма — турецкий национализм — и роль в ней поэта и педагога Зии Гёкальпа, «десять заповедей» Комитета «Единение и Прогресс» (КЕП), секретное собрание КЕП, якобы состоявшееся в феврале 1915 г., «мемуары Наим-бея» Арама Антоняна, решения военных трибуналов 1919—1920 гг., проходивших в оккупированном англичанами Стамбуле. Каждый постулат доказательной базы армянских исследователей Леви скрупулезно и детально исследует.

Для всех без исключения армянских историков и ряда западных исследователей, придерживающихся армянской версии, одним из важных элементов доказательной базы осуществления политики геноцида официальных властей Османской империи являются «Мемуары Наим-бея», опубликованные в 1920 г. в Лондоне и Париже, а в 1921 г. — в Бостоне на армянском языке бывшим военным цензором во время мобилизации в Стамбуле Антоняном. Данное издание включает в себе текст телеграмм и писем, подписанных якобы министром внутренних дел Османского правительства Талаат-пашой. В издания вошли лишь фотокопии нескольких телеграмм, а текст всех остальных передается со слов некоего Наим-бея, якобы работавшего секретарем в комитете по переселению армян в 1915—1916 гг. в Алеппо и самого

Антоняна. Леви констатирует наличие серьезных расхождений между всеми этими изданиями, а самое главное недоумевает по поводу исчезновения оригиналов переданных Наим-беем Антоняну подлинных документов, подтверждающих причастность высшего руководства Ближневосточной Порты к армянским погромам.

Другой важной доказательной базой для армянской версии геноцида являются материалы военных трибуналов 1919—1920 гг., которые были учреждены после поражения Турции в первой мировой войне и высадки английских войск в Стамбул по условиям Мудросского перемирия, подписанного 30 октября 1918 года. Однако по целому ряду причин автор предлагает не преувеличивать значение материалов этих судов и ставит под сомнение их объективность и беспристрастность судей, вынесших решения. Во-первых, военные трибуналы были учреждены под давлением Антанты после высадки английских войск в Стамбуле и работали под их пристальным контролем. Во-вторых, процессуальное законодательство, регулировавшее деятельность военных судов, имело существенные недостатки. Османская судебная система не предусматривала опрос свидетелей, не давала право представителям защиты на процессах доступа к досудебным следственным материалам, а, между тем, роль судьи была более важной, чем в англосаксонской судебной системе. В этом контексте автор утверждает, что в судебных процессах судьи вели себя скорее как прокуроры, нежели как беспристрастные вершители правосудия. К тому же ни одно письменное заявление, показание свидетелей или вообще какие бы то ни было документы, представленные государственным обвинением на судебных трибуналах 1919—1920 гг., не были подвергнуты проверке стороной защиты, что не позволяет считать

их убедительной уликой. Именно по этим причинам сами английские власти относились к решениям этих судебных трибуналов с недоверием и не стали использовать их в отношении военнопленных, отправленных на остров Мальта. Для иллюстрации отношения британских властей к судебным процессам в Стамбуле Леви ссылается на послание Верховного комиссара адмирала Калторпа от 1 августа 1919 г. в Лондон, в котором он судебные процессы называет фарсом, наносившим урон как репутации самой Британии, так и турецкого правительства (с. 84).

По мнению Гюнтера Леви, наиболее весомым аргументом, говорящим о слабой доказательной базе военных трибуналов 1919—1920 гг., стала потеря материалов судебных процессов. «Заключения Нюрнбергского трибунала, который судил нацистских военных преступников после Второй мировой войны, — пишет автор, — стали бесценными историческими источниками, потому что они были основаны на тысячах оригинальных нацистских документов, с которыми любой может ознакомиться в архивах Германии. В отличие от данной ситуации, ни один оригинальный документ турецкого правительства, использованный турецкими трибуналами, не дошел до нас» (с. 74).

Турецкая версия событий 1915—1916 гг. гласит, что никакого плана уничтожения армянского населения Османской империи у правительства не было. Закон о перемещении армян явился, по мнению турецких историков, следствием предательства и сотрудничества армянского населения страны с русскими войсками, воюющими с Османской империей на Кавказском фронте, полномасштабных восстаний, организованных армянскими дашнаками на востоке Империи перед лицом российской угрозы и со-

провожаемых погромами мусульманского населения.

Начало первой мировой войны и вступление в нее Османской империи армянские политические партии сочли самым подходящим моментом для осуществления своей давней идеи о создании армянского государства на территории восточных вилайетов Империи. В свою очередь армянский фактор был мощным оружием в руках стран Антанты против Османской империи. Для успешного исхода войны на Кавказском фронте против Турции Россия возлагала особые надежды на армян. Николай II в рамках своего визита в Тифлис в ноябре 1914 г. встречался с католиком Геворгом V и обещал ему, что «армянский вопрос будет разрешен согласно ожиданиям армян по окончании войны, во время переговоров о мире»². Это было важным сигналом армянскому населению не только России, но и Турции к действию.

Важным фактором, подталкивавшим Османское правительство к принятию решения о переселении армян, стало восстание в приграничном с Россией городе Ване, в котором армяне составляли меньше половины населения города. Еще в конце 1914 г. местные власти установили факт подпольного поступления русского оружия армянскому населению города. В марте 1915 г. начались первые волнения, а 20 апреля армяне под предводительством дашнакского лидера Арама Манукяна перешли в наступление, атаковали жандармские посты, обрезали телеграфные линии, сожгли мусульманскую часть города. В ответ османское правительство 24 апреля 1915 г. объявило по циркуляру приказ о немедленном закрытии в Стамбуле и других больших городах центров армянских политических партий и об аресте их руководителей. По словам Леви, настоящим ударом ножом в спину Ос-

манской империи стало Ванское восстание, так как 25 апреля 1915 г. британцы и АНЗАКИ начали высадку на полуостров Галлиополи, и развернулась наземная фаза Дарданелльской операции, от исхода которой зависла судьба Османской империи. Небольшой турецкий гарнизон, стянутый на Ван для подавления восстания, не смог устоять перед натиском сил наступавшей русской армии и армянских добровольческих отрядов. 17 мая он вынужден был отступить, а 20 мая город полностью перешел под контроль востановивших армян и вступивших в город русских войск под командованием генерала А.М. Николаева. Ликующие армяне восторженно встретили войска и выдали русскому генералу ключи от города. Российские военные власти в ответ назначили главу армянского комитета обороны Арама Манукяна губернатором региона. Американский исследователь Джастин Маккарти пишет, что «армянское восстание в провинции Ван явилось ключевым составляющим бедствия войны на Османском Востоке»³. В этом контексте Гюнтер Леви пишет: «Для турок, однако, тот факт, что армянское восстание удалось благодаря помощи наступавших русских, послужил окончательным доказательством того, что армяне заодно с врагами Турции; они были предателями, для которых оправданно любое наказание» (с. 99).

В третьей части автор рассматривает и по отдельности анализирует важнейшие источники по исследуемой теме — архивы Турции, Германии, США, британские документы, отчеты дипломатических служб и миссионеров, свидетельства выживших армян, подвергает все источники критике, дает им исчерпывающую характеристику, и дальше на их основе реконструирует и излагает историю трагических событий 1915 года. Для понима-

ния полной картины событий автор сначала восстанавливает предысторию переселения армян, которая охватывает период с 24 апреля по 27 мая 1915 г., когда парламентом был принят закон о перемещении. Дальше Леви подробно останавливается на законе о перемещении, для наглядности приводит его полный текст, разбирает 15 правил, принятых правительством 30 мая, которые фактически возлагали ответственность за организацию и осуществление перемещения армян, защиту их жизни и имущества, обеспечение переселяемых ночлегом и питанием на местные власти. 10 июня правительство дополнительно приняло 34 положения, которые регулировали вопросы, связанные с землей и собственностью переселяемых армян. «Правила от 30 мая и 10 июня придали закону о депортации немного справедливости, — констатирует автор, — но вряд ли хоть одно из них было исполнено, и реальный ход переселения мало напоминал процедуры, описанные в законе» (с. 155). Излагая ход переселения армян из Эрзурума, Харпуга, Трапезунда и других районов, автор воссоздает картины драматических событий и указывает на то, что все известные массовые убийства были совершены в восточных и центральных районах Анатолии, населенных курдами, и в местах переселения, где проживали черкесы. Погромов и резни не было в Киликии, Сирии к югу от Алеппо и в Палестине. Автор считает, что «большинство упоминаний убийц в свидетельствах выживших указывают на курдов, черкесов, разбойников, солдат нерегулярной армии, а также конвоиров-жандармов... Ни один очевидец не упоминает Специальную организацию, которую трибуналы 1919—1920 гг., Дадрян и некоторые другие авторы считали основным исполнителем поощрявшегося, по их мнению, государством процесса уничтожения» (с. 217).

В последней, четвертой, части книги Леви рассматривает самый важный аспект армянского вопроса: действительно ли младотурецкий режим планировал уничтожение армян, а также вопрос ответственности за людские потери. На основании перекрестной проверки первоисточников и критического анализа историографии автор делает вывод, что не существует подлинных документальных свидетельств, подтверждающих виновность центрального правительства Турции в массовых убийствах 1915—1916 годов. Подвергая глубокому анализу множество аспектов политики переселения, автор ставит под сомнение достоверность версии о том, что эта акция в действительности представляла собой преднамеренный план истребления армян. «Нельзя забывать о страданиях, которые вынесли армяне, но важно рассматривать эти трагические события в верном историческом контексте. Приказ о депортации армянской общины был дан в период крайней нестабильности (если не сказать — паники), когда трезвый расчет всех вероятных последствий был невозможен», — резюмирует автор.

Работа Леви без всякого преувеличения является фундаментальным и

уникальным исследованием по армянскому вопросу в Османской империи. Отсутствие возможности у автора изучать документы российских и турецких архивов ни в коем случае не принижает значение данной монографии, и этот факт никак не отразился на объективных выводах автора. Выпуск этой книги солидным и влиятельным издательством «Российская Политическая Энциклопедия — РОССПЭН» предоставил возможность исследователям и широкому кругу читателей не только России, но русскоязычной аудитории стран Балтии и СНГ, взглянуть на крайне политизированный армянский вопрос в Османской империи в другом — беспристрастном аспекте.

Э.М. АББАСОВ

Примечания

1. Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917. М. 1952, с. 169, 205.
2. Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и Временного правительств 1878—1917 гг. М.-Л. 1935, с. 456.
3. MCCARTHY J. The Armenian Rebellion at Van. Utah University Press. 2006, p. 2016.

Р.В. ДОЛГИЛЕВИЧ. Советская дипломатия и Западный Берлин (1965—1969 гг.). СПб. Алетейя. 2016. 292 с.

После избрания Первым секретарем ЦК КПСС Л.И. Брежнева советский внешнеполитический курс стал более сбалансированным, что способствовало успешному поиску компромиссов между Востоком и Западом по наиболее острым международным вопросам. Одним из них являлся статус Западного Берлина, споры о котором дважды, в 1948—1949 и 1958—1962 гг., приобретали масштабы серьезного кри-

зиса. Монография Р.В. Долгилевича посвящена тому отрезку времени, когда советский стратегический курс в отношении Западного Берлина, основанный на концепции статуса этого города как самостоятельной политической единицы, был направлен не против присутствия в нем западных держав, а против акций ФРГ по дальнейшему вовлечению Западного Берлина в финансово-экономическую, по-

литическую и правовую систему Федеративной Республики. Автор поставил перед собой задачу — на примере деятельности посольства СССР в ГДР раскрыть основные составляющие советской политики в отношении Западного Берлина: усилия по ликвидации западноберлинского очага международной напряженности, недопущению дальнейшего вовлечения города в финансово-экономическую, политическую и правовую систему ФРГ, сокращение федерального присутствия в Западном Берлине и минимизации политического ущерба для ГДР.

Изучение советской политики в берлинском вопросе проведено автором на основании документов Архива внешней политики РФ.

Линия нового советского руководства в берлинских делах окончательно оформилась в 1965—1966 годах. Попытка ФРГ продемонстрировать масштабы и характер федерального присутствия в Западном Берлине, организовав в нем пленарное заседание Бундестага, вылилась в «малый берлинский кризис» апреля 1965 года. Ответные действия Советского Союза — проведение вблизи города крупных военных учений совместно с Национальной Народной Армией ГДР, перекрытие путей доступа в Западный Берлин и специальные политические акции — фактически сорвали планы западногерманского руководства. Одновременно советская сторона старалась сдерживать лидеров ГДР, призывая твердо стоять на умеренной позиции и не подходить к той черте, за которой события могли выйти из-под контроля. В результате этого обострения напряженности ни одна из сторон не добилась преимуществ в западноберлинском вопросе (с. 12—39).

После апрельских событий 1965 г. каждая из сторон действовала осторожно, но не меняла свою точку зрения на проблему Западного Берлина.

Советский Союз по-прежнему считал его самостоятельной политической единицей, которая никогда не принадлежала и не принадлежит ФРГ, а западные державы, стремясь сохранить свои позиции в городе, выступали за поддержание тесных связей Западного Берлина и ФРГ. Это позволяло правительству Федеративной Республики не уменьшать масштабов своего присутствия в Западном Берлине. Многочисленные демарши советской дипломатии в 1965—1966 гг. оказывали лишь сдерживающее воздействие на западногерманское руководство, но не смогли привести к кардинальному изменению его политики. Правительство ГДР занимало в берлинских делах более жесткую позицию, чем СССР, ожидая, что любое проявление присутствия ФРГ в Западном Берлине должно повлечь за собой «решительный протест» Москвы. Восточногерманское руководство опасалось «идеологических диверсий» и «подрывной деятельности» из города и одновременно рассчитывало использовать его, добиваясь международно-правового признания своей страны. Продолжая борьбу по отдельным аспектам западноберлинской проблематики, советская дипломатия все больше склонялась к тезису о том, что разрядка в Европе должна снять остроту проблемы Западного Берлина, а не наоборот (с. 39—70).

Советская дипломатия внимательно наблюдала за ходом сложных переговоров о пропусках для посещения Восточного Берлина и, как предполагает автор, оказывала «мягкое давление» на руководство ГДР. Советский Союз считал, что достижение договоренности будет выгодно ГДР и окажет влияние на ослабление напряженности в Центральной Европе, а также смягчит недовольство восточногерманского населения в связи с ограничениями поездок на Запад. В результате переговоров между правитель-

ством ГДР и сенатом Западного Берлина западноберлинцы получили возможность посещать своих родственников на Востоке в 1965—1966 годах (с. 70—84).

Советское посольство в ГДР внимательно следило за развитием экономики Западного Берлина и за внутривнутриполитическим положением в городе, обеспечивая МИД СССР актуальной и достоверной информацией, свободной от идеологических наслоений. В 1965—1966 гг. посольство отмечало спад экономической конъюнктуры, но не драматизировало ситуацию. Оно рассматривало западноберлинскую экономику как часть экономики ФРГ, в связи с чем Западный Берлин не в состоянии определять свой экономический курс. В то же время падение у капиталистических государств интереса к Западному Берлину объективно способствует улучшению условий для расширения его торговых и экономических связей с социалистическими странами. При анализе внутривнутриполитической ситуации в городе советское посольство уделяло главное внимание положению в организации СДПГ и курсу ее руководства, прогнозируя усиление правого крыла — особенно в том случае, если правящий бургомистр В. Брандт переберется в Бонн. Советские дипломаты предполагали, что по итогам выборов в палату депутатов 1967 г. у власти останется коалиция СДПГ и СвДП, а западноберлинский ХДС лишь несколько улучшит свои позиции (с. 84—110).

В 1967—1968 гг. СССР последовательно проводил курс на решительное противодействие политике дальнейшей интеграции Западного Берлина в состав ФРГ. Отказ от «провокационных притязаний» на Западный Берлин был официально объявлен одним из условий улучшения советско-западногерманских отношений. Спектр действий в этом направлении распространялся от борьбы против распространения на Западный Берлин международных договоров и

соглашений ФРГ до отказа встречаться с западногерманскими командами, если в них входят спортсмены из Западного Берлина. Несомненными успехами советской дипломатии в этот период были отмена «боннской оговорки», которая содержала угрозу разрыва торговых отношений с ГДР в случае принятия восточными немцами мер против коммуникаций между Западным Берлином и ФРГ, а также решение комендатуры трех западных держав о возможности проживания граждан социалистических стран Восточной Европы в Западном Берлине в течение четырех недель без визы ФРГ (с. 111—145).

Весной-летом 1968 г. правительство ГДР при активной поддержке Советского Союза успешно провело ряд «заградительных мер», направленных на минимизацию присутствия ФРГ в Западном Берлине и защиту интересов Восточной Германии: был установлен паспортно-визовый режим при транзите через территорию ГДР, запрещена перевозка через территорию ГДР неонацистских материалов, введен компенсационный сбор с предпринимателей за использование восточногерманских коммуникаций, увеличена квота обмена иностранной валюты на марки ГДР. Ноты протеста трех западных держав советскому правительству не возымели действия, а о применении военной силы ответственные западные политики не помышляли. Адресованные западным державам и всем странам НАТО призывы западногерманских властей «не ограничиваться бумажными протестами» и принять торгово-политические меры не возымели действия. По мнению автора монографии, мероприятия правительства ГДР весны-лета 1968 г. нельзя считать «мини-блокадой» Западного Берлина, так как они не затрагивали прав трех держав в городе, оставляя без изменений порядок транзита военных грузов и персонала гарнизонов (с. 145—177).

Большое воздействие на положение в Западном Берлине в 1967—1968 гг. оказывали процессы, протекавшие в экономике и внутривластной жизни города. В сообщениях советского посольства в ГДР, направлявшихся в МИД в 1967 г., указывалось на ухудшение экономической конъюнктуры и связанные с этим сокращение рабочего дня и увольнения рабочих. В следующем году, напротив, наблюдались рост промышленного производства и личного потребления, сокращение количества безработных, рост экспорта, импорта и инвестиций в экономику. Такие меры правительства ФРГ и западноберлинского сената, как создание «Рабочей группы Союза германских промышленников по (Западному) Берлину», открытие в городе «Контактного бюро» ЕЭС и бессрочное продление Федеративной Республикой «Закона о помощи Берлину», рассматривались советским посольством как создание предпосылок для более тесного включения Западного Берлина в экономическую, финансовую и правовую систему ФРГ (с. 177—185). Не ускользнули от внимания советских дипломатов и политические события: выборы в городскую палату депутатов, проходившие на этот раз без антикоммунистической истерии и провокаций против западноберлинской СЕПГ, XXIV съезд западноберлинской земельной организации СДПГ, тоже впервые проведенный без нападков и критики в адрес ГДР. Кроме того, МИД СССР получал от посольства информацию о внутривластном кризисе в Западном Берлине — самом остром в истории города. Расправа над участниками студенческой демонстрации протеста против визита шаха Ирана имела следствием падение сената и уход со своего поста правящего бургомистра Г. Альбертца (с. 186—213).

Начало «третьему берлинскому кризису» января-марта 1969 г. было по-

ложено заявлением властей ФРГ о намерении провести в Западном Берлине выборы президента ФРГ. Советские ноты протеста, мероприятия ГДР по ограничению и контролю за пассажирскими и грузовыми перевозками, совместные учения советских войск и Национальной народной армии ГДР не смогли помешать проведению федерального собрания в Западном Берлине. Опираясь на поддержку западных держав, выразившуюся, в частности, в визитах в Западный Берлин английского премьер-министра Г. Вильсона и американского президента Р. Никсона, западногерманское правительство заняло твердую позицию и отвергло компромиссное предложение ГДР: соглашение о посещениях западноберлинцами Восточного Берлина на Пасху 1969 г. в обмен на перенос выборов федерального президента в один из городов ФРГ. Учитывая приближающиеся выборы в Бундестаг ФРГ, советское руководство предпочло не предпринимать более жесткие шаги, чтобы охранить перспективу взаимопонимания с СДПГ и В. Брандтом. Кризис показал границы как советских возможностей в Западном Берлине, так и западных держав, которые не могли помешать ГДР усиливать контроль на коммуникациях, не спровоцировав войну (с. 214—239).

После «третьего берлинского кризиса» СССР не отказался от своих целей: вытеснения ФРГ из Западного Берлина, международно-правового подтверждения факта невхождения этого города в состав ФРГ и его особого статуса, использования западноберлинского вопроса для международно-правового признания ГДР, в том числе западными державами и ФРГ. Однако из «третьего берлинского кризиса» советское руководство сделало вывод о том, что силовые методы не приносят желаемого результата. Кроме того, главными точками противостояния в «холодной войне» к этому вре-

мени стали Индокитай и Ближний Восток. Наконец, с 1966 г. советская дипломатия вела борьбу за созыв общеевропейского совещания, которое бы зафиксировало, в том числе, и существующие европейские границы, включая границу между ГДР и ФРГ. В этих условиях Советский Союз выступил с инициативой четырехсторонних переговоров по Западному Берлину. В феврале 1970 г. окончательная договоренность о таких переговорах была достигнута, хотя мнения их будущих участников о приоритетных темах для обсуждения кардинально различались: для западных держав первостепенное значение имел вопрос о доступе в город, для Советского Союза — вопрос о непринадлежности Западного Берлина к ФРГ и о прекращении на его территории деятельности, направленной против СССР, ГДР и их союзников (с. 239—267).

В свете предстоявших переговоров советская дипломатия стремилась учесть все факторы, влиявшие на позиции западных держав, и не в последнюю очередь — политическую обстановку в Западном Берлине. В монографии сделан вывод о том, что анализ советским посольством позиций сената и основных политических партий в городе отличался непредвзятостью, объективностью и широтой охвата. В МИД из посольства поступала информация о том, что правящий бургомистр социал-демократ К. Шютц выступал за решение западноберлинского вопроса путем переговоров всех заинтересованных сторон, включая НАТО и Варшавский договор. В то же время он продолжал считать главным препятствием на пути урегулирования нежелание ГДР пойти навстречу пожеланиям западноберлинского сената и правительства ФРГ. В целом политика сената и руководства западноберлинской организации СДПГ характеризовалась советскими дипломатами как часть и продолжение «новой восточ-

ной политики» Брандта. Более благоприятной, чем прежде, представлялась в свете оценок советского посольства позиция западноберлинской организации ХДС. Если возглавлявший ее ранее Ф. Амрен выступал против контактов городских властей с правительством ГДР и посольством СССР в Берлине, то его преемник П. Лоренц высказывался за нормализацию отношений с социалистическими странами и склонялся к идее ликвидации официальных представительств Бонна в Западном Берлине при сохранении экономических связей города с ФРГ (с. 267—282).

Мнения автора монографии по некоторым вопросам политики СССР в отношении Западного Берлина сформулированы как предположения, поскольку историкам пока недоступны многие архивные фонды. По той же причине в книге не освещается большой и многогранный вопрос развития прямых связей между Советским Союзом и Западным Берлином, не исследованы досконально различия мнений по западноберлинскому вопросу между СССР и ГДР. События, происходившие после «третьего берлинского кризиса», описаны в монографии не в полном объеме. В частности, автор не затронул тему обострения обстановки вокруг Западного Берлина в начале 1970 г., вызванного заседаниями парламентских органов ФРГ в этом городе.

Исследование Долгилевича, продолжающее ранее опубликованные им работы по западноберлинскому вопросу, вносит существенный вклад в осмысление значимых, но малоизученных сюжетов истории «холодной войны», отечественной дипломатии и новейшей германской истории. Книга дает импульс новым научным изысканиям и будет стимулировать дальнейшее обсуждение дискуссионных аспектов советской политики в отношении Западного Берлина.

А.М. ЕРМАКОВ

Т.В. АЛЕНТЬЕВА. *Роль общественного мнения в «джексоновскую эпоху» в США*. Курский гос. университет. 2015. 396 с.

В отечественной историографии не так много работ, посвященных «джексоновской эпохе» в США. Можно назвать книгу Н.Х. Романовой «Реформы Джексона» (М. 1988), биографические статьи В.В. Согрина, Г.А. Дубовицкого о самом Эндрю Джеконе, отдельные главы в обобщающих трудах по истории США. Между тем, это интереснейший и самый дискуссионный среди американских историков период в политической истории страны. Именно в это время закладывались многие политические традиции. Поэтому так важно появление книги известного историка-американиста Т.В. Алентьевой, комплексно исследующей «джексоновскую эпоху» через призму общественного мнения.

В центре внимания автора — роль общественного мнения в «джексоновскую эпоху» — сложного и противоречивого явления. Не случайно эпиграфом к монографии предпосланы слова французского писателя XVIII столетия С.Н. Шамфора о том, что «порядочному человеку не стоит слепо верить приговорам» общественного мнения, которое всегда играет значительную роль в истории и является важным фактором в современной политической жизни. Именно поэтому изучение его роли в отдельные эпохи является важнейшей задачей для историка. Актуальность работе придает также то обстоятельство, что она посвящена истории США в переломный период, когда закладывались основы современной американской демократии.

Во введении подчеркивается, что не только в отечественной американистике, но и в американской историографии роль общественного мнения в «джексоновскую эпоху» специально не изучалась (с. 14—16).

Монография Т.В. Алентьевой опирается на обширный круг источников, среди которых архивные материалы, документы официального характера: акты государственного законодательства, Конгресса США, инаугурационные речи и послания президентов, выступления конгрессменов, документы политических партий и общественных организаций, труды политических деятелей. Автором были привлечены материалы из Архива внешней политики Российской империи, а также бумаги президента Э. Джексона из отдела рукописей Библиотеки Конгресса США. В работе широко используются дневники, мемуары и письма, публицистика, многочисленные памфлеты, художественные произведения, широко обсуждавшиеся в обществе и оказывавшие немаловажное влияние на общественное мнение. Автор привлекает такой ценный вид исторических источников как карикатуры, скрупулезно разбирая их содержание (с. 191, 201—202, 213—218, 256 и др.). Наиболее яркие из них даны в приложениях к книге.

Алентьева долго и тщательно работала с американской прессой в Библиотеке Конгресса. Автор изучила огромное количество газет и журналов, в том числе такие редкие издания как «United States Magazine and Democratic Review», «American Whig Review», «New England Magazine», «Living Age», «De Bow's Review», «Southern Quarterly Review», «Southern Literary Messenger».

Именно поэтому в первой части работы автор уделяет значительное внимание характеристике состояния американской журналистики в первой половине XIX в., дает ценную информацию по большинству периодических изданий, включая статистические данные.

Монография опирается на междисциплинарный подход в изучении феномена общественного мнения. Автор учитывает достижения истории и теории журналистики, филологии, истории литературы, философии, политологии и социологии, психологии, теории межкультурной коммуникации и имагологии.

На большом и оригинальном фактическом материале Алентьева показывает, какую роль играла пресса в формировании общественного мнения. В то же время периодическая печать являлась отражением мнений, своеобразным зеркалом, в котором американское общество могло увидеть себя, свои проблемы. В монографии раскрывается процесс «революции» в американской прессе, произошедшей в 1830—1840-х гг., что не являлось до сих пор предметом изучения отечественных историков-американистов. Как подчеркивает автор, появление penny-press и возникновение «человека толпы» низводило прессу до стандартов рядового читателя, до сенсационности и вульгарности. Особенно интересен анализ способов, применяемых прессой для обработки общественного мнения (с. 134, 137).

Отдельная глава посвящена роли литературы и публицистики в формировании общественного мнения, рассмотрению влияния таких корифеев американской общественной мысли «джексоновской эпохи» как Р.У. Эмерсон и Г.Д. Торо, известные писатели и поэты Дж.Ф. Купер, У.К. Брайант, Дж. Р. Лоуэлл, Р. Хилдрет, Дж. Липпард, У.Г. Симмс (с. 138—176).

Вторая часть книги посвящена конкретным проблемам периода «джексоновской демократии», волновавшим американское общество.

Автор рассматривает общественное мнение американцев по широкому кругу внутривнутриполитических проблем,

что позволяет взглянуть на общеизвестные события американской истории по-новому, глубже понять идущие в стране модернизационные процессы и оппозицию им в лице определенных социальных слоев. В работе есть попытки дать новые оценки политике Джексона, партиям демократов и виггов (особенно в плане их антиэтатизма и этатизма), значению аболиционистского движения, южного сепаратизма и др. Также важно, что в монографии проводится сопоставление общественного мнения, как на Севере, так и на Юге, что придает ей комплексный характер. Алентьева показывает, как причудливо переплетались проблемы единства страны и рабства в формировании общественного мнения, как эти идеи использовались для манипулирования им.

Автор уделяет достаточное внимание борьбе мнений по вопросам партийно-политической жизни страны. В работе показано, как шло образование новой двухпартийной системы: демократы — виги и как менялось отношение общественного мнения к политическим партиям: от враждебности и неприятия к одобрению их деятельности. Автор подробно характеризует избирательные технологии и манипулирование общественным мнением в период президентских выборов 1828 и 1832 гг. и приходит к выводу, что победа демократов над вигами заключалась в мобилизации общественного мнения и привлечения его на свою сторону. Автор подвергает критике такие политические инновации «джексоновской эпохи» как spoil-system, патронаж, боссизм, коррупция, демагогия, грязные избирательные технологии, деятельность «кухонного кабинета», использование партийной прессы для пропаганды, грубость политических нравов, ярко выразившуюся во время инаугурации Джексона в 1828 г., в дуэлях и в пер-

вом в истории США покушении на жизнь седьмого президента (с. 177—225).

В отдельной главе экономические проблемы рассматриваются через призму общественного мнения. Автор значительное внимание уделяет «системе Генри Клея» и ее восприятию в общественном мнении. В работе обстоятельно показана борьба вокруг проблем протекционизма и тарифной политики. Автор приходит к выводу, что большинство населения оказалось на стороне джексонианцев ввиду большей приспособленности их риторики к уровню массового сознания. Отсутствие единства мнений по вопросу о путях экономического развития страны наиболее ярко выразилось в «антибанковской войне» Джексона, до сих пор являющейся предметом острых споров среди американских историков. Алентьевой удалось показать накал страстей на страницах официальной и оппозиционной прессы, коррумпированность представителей журналистской среды. В работе раскрываются пропагандистские и манипулятивные приемы, используемые джексонианцами для уничтожения Банка как политического оплота виггов. Победа демократов явилась результатом привлечения общественного мнения большинства на сторону президента, а также следствием накопления нового опыта работы элиты с массами. Другим фактором в достижении желаемого результата стало переключение внимания общества на такие проблемы, как события нуллификационного кризиса (с. 226—263).

Достаточно внимания в книге уделено проблеме возникновения аболиционистского движения и его влияния на общественное мнение. Разумеется, тема аболиционизма довольно обстоятельно рассматривалась в советской историографии. Тем не менее, Алентьева постаралась осветить проблему по-новому, избегая идеализации это-

го явления. Она показала в своей работе, что наибольшее влияние на общественное мнение северян оказал именно моральный аболиционизм У.Л. Гаррисона, который ранее недооценивался (с. 270—275). Моральный аболиционизм требовал признания рабства грехом и позором для страны. Это, в конечном счете, оказалось даже сильнее, чем политический аболиционизм, поскольку в данном случае опора делалась на глубинные архетипы менталитета американцев, на его пуританские корни. Поэтому, если вначале эти идеи не привлекали общественного мнения большинства, в конечном итоге, они смогли завоевать себе массовую поддержку северян — не в смысле немедленного уничтожения рабства или признания негров равными себе, а именно в силу морального осуждения особого института Юга, нежелания соучаствовать в этом грехе дальше. Именно это раскалывало общественное мнение страны по секциональному признаку.

Аболиционизм внес раскол в общественное мнение страны, он нарушал сложившийся со времени Миссурийского компромисса 1820 г. консенсус не только между Севером и Югом, но и внутри северного общества. Автор показывает, что среди прорабовладельческих сил имелись не только те, кто был связан экономическими интересами с Югом, но и консервативные юнионистские силы, желавшие сохранения спокойствия в стране, выступавшие против дестабилизации политической обстановки, опасаясь разрушения Союза, единству которого угрожала и аболиционистская пропаганда, а также южные экстремисты, получившие название «пожиратели огня». О них впервые так подробно рассказывается в данном исследовании (с. 95—97).

В работе объективно показано отношение общественного мнения се-

верян к аболиционистам, даны конкретные цифры, характеризующие преследования противников рабства на Севере. По данным историка Д. Гримстеда, которые приводятся в монографии, только в 1836 г. в антиаболиционистских выступлениях в северных штатах погибло 2 чел., еще 9 было убито при попытке освобождения беглых рабов (с. 197). В работе подчеркивается, что большинство северян не разделяли аболиционистских идей, что часто замалчивалось в советский период отечественными американистами. Также в работе больше внимания уделено отношению к свободным неграм на Севере, поскольку это являлось достаточно сложной проблемой. Источники подтверждают существование сильных расистских настроений и расовых предрассудков среди северян.

Аболиционистское движение в «джексоновскую эпоху» не стало массовым в виду сильного пропагандистского противодействия со стороны южан и возникшей во время «нуллификационного кризиса» угрозы раскола Союза штатов. Алентьева подчеркивает, что именно в этот период Джексон проявил лучшие качества сильного национального лидера, твердо заявив: «Союз должен быть сохранен» (с. 314—315).

В работе характеризуется усиление прорабовладельческой пропаганды на Юге, сплывавшей общественное мнение данной секции. Главной в пропагандистском арсенале южан была теория рабства «как позитивного добра» и защита «прав штатов» при опоре на наследие Войны за независимость и федеральную Конституцию. В этот период продолжалось формирование образа Севера как чуждой Югу «цивилизации янки».

Южное общественное мнение, как показано в монографии, не отлича-

лось единодушием и сплоченностью. Экстремисты Южной Каролины, побуждавшие другие штаты к выходу из Союза, остались в меньшинстве (с. 328—329). Большинство южан осталось на юнионистских позициях и поддержало Союз. Причины этого коренились в экономической заинтересованности в сохранении деловых связей двух секций. Определенную роль сыграло также переключение внимания общества на проблемы новой избирательной кампании 1832 г., на проблему экспансионизма в связи с Техасом.

Консолидация общественного мнения большинства северян на юнионистских позициях обеспечивала поддержку жесткой политики Джексона в отношении Южной Каролины. Одновременно позитивную роль сыграла гибкость его политики, умение идти на компромиссы и временные союзы с политической оппозицией в лице вигов (принятие нового тарифа по предложению Клея).

Последний раздел работы посвящен проблеме «индейской политики», экспансионизму и войне с Мексикой в зеркале общественного мнения. Алентьева жестко критикует политику «вытеснения и выдворения» на Запад индейских племен, проводившуюся администрацией Джексона, но вместе с тем показывает, что большинство американцев эту политику одобряло. Из приведенных фактов видно, как пропаганда создавала негативные стереотипы индейцев, и как опора на них помогла президенту Эндрю Джексону добиться одобрения большинством американцев жестокой политики «выдворения» индейских племен за Миссисипи. В работе рассматривается трагическая участь индейских племен, ставших жертвой политики растущего экспансионизма. В результате «индейской политики» Джексона было переселено около 50 тыс. индейцев, у ко-

торых было «выкуплено» почти 100 млн акров земель (с. 345).

В книге дается взвешенная оценка американского экспансионизма, рассматриваются его истоки и идеологическое обоснование, в частности, пропагандистская кампания на страницах прессы. Автор доказывает, что общественное мнение большинства американцев склонялось к идее экспансионизма и «явного предназначения», что определенную роль в этом играли такие факторы, как опора на библейские архетипы (избранный народ) и пуританские традиции (град на холме) (с. 27—28, 332, 344—345). В монографии четко прослеживается отношение различных социальных и политических сил к экспансионизму и войне с Мексикой. Автор подчеркивает, что социальными слоями, заинтересованными в экспансии, являлись не только южные плантаторы (правлящая элита), частично, северные финансисты и бизнесмены, связанные с Югом, спекулянты землей, но главным образом, фермерство и часть рабочих, стремившихся к дешевым землям на новых территориях. Раскол по проблеме экспансионизма шел и по партийному принципу. Демократы всячески поддерживали аннексию Техаса, а затем бурно одобряли войну с Мексикой. Виги осуждали экспансионизм, опасаясь, что он обострит вопрос о рабстве, что в конечном счете и произошло. Правительственная пропаганда активно эксплуатировала миф об английской угрозе. Дафф Грин заявлял в своей газете «The United States Telegraph», что Британия непременно захватит Техас и превратит его в убежище для беглых рабов, наподобие Канады (с. 349). Автор подчеркивает, что правительственная пропаганда действовала в двух направлениях. С одной стороны, она идентифицировала всех северных противников аннексии с аболицио-

нистами, а последних — с их британскими единомышленниками. Это давало возможность воздействовать на глубинные корни сознания американцев, пробуждать их генетическую память, напоминая о прошлых обидах, причиненных английской политикой (с. 354—355). В работе раскрываются приемы пропаганды, способствующие усилению шовинизма и расизма американцев. Даже такой прогрессивный поэт, как У. Уитмен, писал в своей газете «Brooklyn Eagle»: «Да, Мексика должна быть основательно подвергнута наказанию... Пусть наше оружие привнесет воинственный дух, который должен весь мир научить, что не стоит затевать с нами ссоры. Америка знает, как воевать, так же хорошо, как завоевывать!» (с. 359).

В работе показывается, под каким нелепым предлогом началась агрессивная война с Мексикой. Президент Дж. Полк уверял в своем послании Конгрессу, что мексиканцы первыми коварно напали на американских солдат, когда те почему-то оказались на мексиканской территории. О размахе экспансионистских устремлений американцев свидетельствует американская пресса того времени. Вот что писала газета «New York Herald»: «Мы должны приготовиться к своей судьбе, а эта судьба, как нам кажется, — аннексия и полное поглощение всей Мексики. Может быть, за ней последуют Канада, Куба и другие Вест-индские острова, но пока одного приобретения достаточно» (с. 366)

В монографии приводятся интересные факты об оппозиционных настроениях среди новоанглийской интеллигенции в связи с войной против Мексики (с. 362—365, 369—371).

Исследование Алентьевой демонстрирует прекрасное знание автором американской историографии «джексоновской эпохи». В связи с этим, возможно, следовало дать общий очерк

новейших достижений, а не ограничиваться их упоминанием в тексте. Тем не менее, ее труд демонстрирует высокий научный уровень, показывает, насколько сложным является феномен общественного мнения, какими способами на него воздействовали в «джексоновскую эпоху», и вряд ли можно утверждать, что способы эти ушли в прошлое. Опора на предрассудки, фобии, невежество и неискушенность в политике, использование клише, стереотипов, демагогической риторики, игра на эмоциях и многое другое, о

чем пишет автор, — все это по-прежнему в арсенале политтехнологов и имиджмейкеров.

Монография содержит важные статистические приложения, а также карикатуры. Она адресована всем интересующимся историей, общественной мыслью, политикой, культурой США. Несомненно, что новое исследование Алентьевой станет важным вкладом в отечественную американистику и будет востребовано специалистами.

М.М. СИРОТИНСКАЯ

Contents

Articles: **I.G. Zhiryakov, N.I. Smolensky.** The Marshall Plan in the coverage of foreign media and contemporary assessments. Historical profiles: **E.A. Susloparova.** Margaret Bondfield. Historical publicistic: **Z.R. Sabirova.** Workers and employers' social services at the enterprises of Bashkortostan in the XX century. Contributions: **A.B. Khramtsov.** The bodies of local self-government in the cities of Siberia in March — October 1917; **V.N. Kuznetsov.** Volga region regional committee of the socialist-revolutionary party and its collapse. Diplomacy in history: **A.A. Kalinin.** The question of the Soviet Union "interference" in the 1958 Greek Parliamentary elections. Debatable issues: **N.Kh. Orlova.** Military style rhetoric of aggressive accusation in academic polemics in 20—30-s of XX century. People. Events. Facts: **F.G. Safin, A.I. Khaliulina.** Formation of linguistic politics in the sphere of school education in Bashkiria in 1920—1930s years; **N.P. Moskalenko.** The Tuvan People's Republic as a factor in forming a new Tuvans identity; **M.M. Amirkhanova.** Fight against children's homelessness in Dagestan in the 1920th; **G.V. Kretinin.** Military career of Ivan A. Gannibal; **M.-P.B. Abdusalamov, D.S. Kidirniyazov.** Dagestan in strategic plans of the Russian Empire, Iran and Turkey in 1735—1740; **A.G. Kondratyev.** Portuguese national-sindicalism in its fight for power; **A.B. Alekperov.** The role of Azerbaijan in the formation and development of the oil industry in Kazakhstan. From history of religions: **A.R. Baghirova.** Activity of shi'a ulama in Iraq in the first world war years. Historiography. **Reviews on books:** *A.L. Kuz'minykh.* Military captivity and internees in the USSR (1939—1956). Monograph (by S.V. Serebrennikov); *Günter Levy.* The Armenian Question in the Ottoman Empire: Myths and Reality (by E.M. Abbasov); *R.V. Dolgilevich.* Soviet diplomacy and western Berlin (1965—1969) (by A.M. Ermakov); *T.V. Alentieva.* The role of public opinion in the «Jackson era» in the US (by M.M. Sirotinskaya).

Учредитель: Искендеров Пётр Ахмедович

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, П.А. Искендеров, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода,
Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова,
В.В. Поликарпов, О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна
Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку
Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 2, 2018

Адрес: Журнал «Вопросы истории».

Долгоруковская улица, дом 23А, строение 1, офис 211. Москва, 127006.

Телефоны: (499) 978-20-82, (499) 978-61-03. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.01.2018. Формат 70x108^{1/16}. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 900. Заказ 209-2018. Индекс 70145. Цена свободная.

ООО Журнал «Вопросы истории»

ВИА
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**